

**МАТЕРИАЛЫ
К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ КРЫМА
Выпуск II**

Т. Н. Смекалова

**Памятники эпохи бронзы и раннего железного века
на полуострове Тарханкут:
Каталог**

Симферополь
2010

Центр Черноморских исследований Орхусского университета

Моесгордский музей

Санкт-Петербургский государственный университет

Институт истории материальной культуры РАН

Историко-археологический благотворительный фонд
«Наследие тысячелетий»

Крымское отделение Института востоковедения
им. А. Крымского НАН Украины

МАТЕРИАЛЫ
К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ КРЫМА
Выпуск II

Т. Н. Смекалова

**Памятники эпохи бронзы
и раннего железного века
на полуострове Тарханкут:
Каталог**

Симферополь
Издательство «ДОЛЯ»
2010

ББК 63.4 (4Укр.-6)3
С50

Рекомендовано к печати Ученым советом
Крымского отделения Института востоковедения им. А.Е. Крымского
НАН Украины (протокол №1 от 19 января 2010 г.)

Рецензенты:
д.и.н. **А. И. Айбабин**
д.и.н. **И. Н. Храпунов**

Смекалова Т. Н.
С50 Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: Каталог. (Серия «Материалы к археологической карте Крыма». Вып. II). — Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2010. — 204 с., ил.

ISBN 978-966-366-314-2

В книге публикуется каталог памятников, открытых на Тарханкутском полуострове в 2009 г. в рамках Северо-Западного Крымского мультидисциплинарного археологического проекта. В ходе разведок было выявлено около ста ранее неизвестных поселений и большое количество погребальных памятников эпохи бронзы и раннего железного века. Книга предназначена для археологов, историков, геофизиков, студентов, всех интересующихся историей Крыма.

На обложке: Часть карты генерал-майора Мухина 1817 г.: Тарханкутский полуостров.

ISBN 978-966-366-314-2

© Смекалова Т. Н., 2010.

Centre for Black Sea Studies, University of Aarhus
Moesgaard Museum
Saint-Petersburg State University
Institute for the History of Material Culture
of the Russian Academy of Sciences
Non-profit foundation for history and archaeology
“Heritage of Millennia”
Crimean branch of the A. Krymsky Institute of Oriental Studies
of the National Academy of Sciences of Ukraine

MATERIALS
FOR THE ARCHAEOLOGICAL MAP OF CRIMEA
Volume II

T. N. Smekalova

**Monuments of the Bronze Age
and Early Iron Age
on the Tarkhankut Peninsula:
Catalogue**

Simferopol
Publishing house “DOLJA”
2010

Введение

Данная работа представляет собой каталог памятников эпохи бронзы и раннего железного века, открытых в ходе разведок 2009 г. в рамках Западно-Крымского археологического проекта, являющегося результатом сотрудничества Орхусского университета (АУ, Дания), Моесгордского музея (ММ, Дания), Таврического Национального университета им. В. И. Вернадского (ТНУ, Украина), Университета им. М. Склодовской-Кюри (ЛУ, Польша), Института истории материальной культуры РАН (ИИМК, Россия), Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ, Россия) и Института археологии университета г. Гронинген (GIA, Нидерланды)*.

Предварительное сообщение о результатах этих исследований было опубликовано в первом выпуске «Материалов к археологической карте Крыма», выпущенном в июле 2009 г. [Смекалова, Столба 2009]. В настоящем, втором, выпуске дается описание открытых памятников, фотографическая фиксация их видимых остатков, схематические и инструментальные планы, магнитные карты и их интерпретация, описание подъемного материала. Точные географические координаты измерялись с помощью GPS приемников и использовались для представления всех обнаруженных объектов на различных картографических основах (топографических, трехмерных, почвенных, геологических, гидрогеологических картах). Таблица GPS координат памятников приведена в отчете о разведках, хранящемся в архиве Института археологии НАН Украины в г. Киеве. Мы надеемся, что в ходе продолжения работ по Западно-Крымскому археологическому проекту представленные в данном каталоге сведения об открытых памятниках будут уточняться и детализироваться, как в типологическом, так и в хронологическом аспектах.

В работах 2009 г. принимали участие: И. Н. Храпунов (ЛУ, ТНУ), В. Ф. Столба (АУ, ИИМК РАН), Т. Н. Смекалова (АУ, ММ, СПбГУ), А. В. Чудин, К. Г. Вильямсон (GIA), А. Е. Пасуманский (ООО «Транзас-Вижн»), В. А. Топоривская (Высшая Антропологическая Школа, г. Кишинев), М. С. Шапцев (ТНУ), В. В. Власов (ТНУ), И. Н. Пашинова (ТНУ) (рис. 1). Топографические съемки выполнены А. А. Долговым и А. В. Рыбкой (ООО «Симспецземпроект», г. Симферополь). Всем участникам экспедиции автор выражает самую искреннюю благодарность, особенно А. В. Чудину.

Работы выполнялись при финансовой поддержке со стороны Центра Черноморских исследований при Орхусском университете, гранта РФФИ №08-06-00374-а «Комплексное исследование курганов в культурно-историческом ландшафте Северного Причерноморья», 2008 – 2010 гг. и премии фонда Эрика Вестербю (Дания), полученной Т. Н. Смекаловой в 2009 г.

В задачи продолжающегося Западно-Крымского археологического проекта входит изучение пространственно-временного распределения поселений и могильников, сети древних коммуникаций, систем землеустройства и землепользования на территории Тарханкутского полуострова к западу от озера Донузлав (рис. 2). Работы по проекту существенно пополняют *материалы к археологической карте* западного Крыма.

Исследования в рамках Западно-Крымского археологического проекта явились логическим продолжением работ международного Джарылгачского проекта (Dzharylgach Survey Project — DSP) по археологическому обследованию северной части Тарханкутского полуострова в окрестностях поселения Панское I. Поскольку предшествующие исследования 2007 – 2008 гг. по программе DSP выявили ранее неизвестные многочисленные поселения, расположенные вдалеке от берега и соседствующие с курганными могильниками, необходимо было расширить изучаемую территорию, для выяснения ареала этого явления.

При изложении материала автор постарался донести до читателя радость открытия всех многочисленных, ранее неизвестных поселений эллинистического времени и бронзового века, и вместе с тем выразить тревогу о судьбе этих выявленных памятников, над которыми нависла угроза уничтожения, в связи с тотальной выборкой и вывозом камня с их территорий для современного строительства.

Так как для сплошных археологических разведок важно учитывать все особенности формирования культурно-исторического ландшафта Тарханкута, предварим каталог обнаруженных памятников описанием природных условий и кратким историческим очерком полуострова.

* Автор искренне благодарен директору фонда «Наследие тысячелетий» А. А. Стояновой за всестороннюю помощь при подготовке настоящей публикации.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ТАРХАНКУТСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Тарханкутский полуостров расположен в северо-западной части Крыма. Его площадь — приблизительно 1,5 тыс. км², что составляет 5,6% от территории Крыма. Название полуострова тюркского происхождения и связано, вероятно, с периодом Крымского ханства. В переводе с тюркского Тарханкут — место, освобожденное от налогов, пошлин, наделенное привилегиями. В иной трактовке — свободное, незанятое, богатое. Имеется и еще один вариант перевода — «Чертов угол». Слово «кут» в Средней Азии часто обозначает крепости, но в тарханкутской топонимике известно также употребление греческого слова крепость — кастель (балки Большой и Малый Кастель, д. Кастель у Джарылгачского озера).

Исторически сложилось так, что район находится в стороне от магистральных железных и автомобильных дорог. Расстояние до столицы Крыма г. Симферополя — 131 км, до ближайшей железнодорожной станции в г. Евпатория — 68 км.

С 1802 г. до начала XX века Крым входил в состав Таврической губернии, которая в экономическом отношении была районом преимущественно сельскохозяйственного производства. По данным Центрального статистического комитета за 1887 г., основная земельная площадь Крыма концентрировалась в руках дворянства, купечества, казны и духовенства (89,9% всей земли), во владениях крестьянских хозяйств было всего 10% земель. В сельском хозяйстве равнинного Крыма большую роль играло производство высококачественной пшеницы — «крымки», пользующейся широким спросом как на внутреннем, так и на внешнем рынках, а также производство ячменя и овса [Геологическая изученность СССР 1976, с. 11]. Основными занятиями местных жителей оставались земледелие, овцеводство, разведение крупного рогатого скота, рыболовство, виноградарство, виноделие, добыча соли и камня. В связи с резким возрастанием спроса на пшеницу, увеличивается количество пахотных земель.

После Великой Отечественной войны и депортации с полуострова крымских татар и представителей других национальностей поселки и деревни Тарханкута были переименованы в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1944 года (см. Приложение* и карту 1946 г. с переименованиями — рис. 14).

В настоящее время на Тарханкуте (Черноморский район) проживают более 42 тыс. чел. (около 1,5% всего населения Крыма). Большинство составляют сельские жители ($\frac{3}{4}$), остальные живут в городах ($\frac{1}{4}$). В районе один поселковый и 10 сельских советов, 32 населенных пункта. Современная экономика полуострова базируется на растениеводстве (в основном, на выращивании зерновых культур, хотя еще в недавнее время здесь велось товарное производство винограда и фруктов), а также на животноводстве (мясомолочное скотоводство с развитым птицеводством и овцеводством). Под пашней находится приблизительно половина всей площади полуострова, остальная его часть занята пастбищами и, в меньшей степени, многолетними насаждениями. Промышленность является второй отраслью экономики района. Помимо традиционных направлений, таких, как пищевая, легкая промышленность, производство стройматериалов, в последнее время в районе развиваются производство электроэнергии с использованием силы ветра и добыча природного газа. Тарханкут, по сравнению с остальной территорией Крыма, меньше пострадал от войн XIX и XX вв., что способствовало лучшей сохранности археологических памятников.

Основная часть полуострова занята Тарханкутской возвышенностью, переходящей на севере в Северо-Крымскую низменность. С юго-запада на северо-восток параллельно друг другу тянутся увалы: Меловой (Тарханкутский), достигающий 179 м высоты, Оленевский (Джангульский) —

* В Приложении приводятся алфавитные указатели новых и старых наименований населенных пунктов и населенных пунктов, исключенных из учетных документов [дано по: Коростелева, Овчинникова 2006].

140 м и Бакальский — до 75 м над уровнем моря [Подгородецкий 1979, с. 10]. Между увалами находятся корытообразные котловины. С запада и юга территория Тарханкута омывается водами Черного моря. На западе полуостров заканчивается двумя мысами — Тарханкут и Кара-Мрун (Черный Нос). Для обеспечения безопасности мореплавания в 1816 году на мысе Тарханкут был построен маяк. Это — белая каменная башня, находящаяся в 15 саженьях от берега моря (1 сажень — 2,1336 м), высота которой в прошлом столетии составляла от основания до вентилятора 125 футов (1 фут — 0,3048 м) (рис. 3)*. Тарханкутский маяк и поныне продолжает указывать путь кораблям вдоль западного побережья Крымского полуострова. Вокруг маяка разросся поселок, в настоящее время являющийся закрытым для посещений объектом. Вряд ли столь выдающийся мыс был обойден греческими колонистами, возможно, на месте маяка имелось античное поселение, по крайней мере, по свидетельству местных жителей, здесь отмечались неоднократные находки амфорных фрагментов.

Поверхность Тарханкутской возвышенности расчленена оврагами, балками, лощинами и сухоречьями, особенно глубокими и извилистыми в северной части полуострова. Наиболее крупные сухоречья — Самарчик (50 км), Агар-Су (45 км), Бакальское (20 км), Керлеутское (20 км), Донузлавское (19 км) и Черноморское (Кель-Шейх) (18 км); балки — Калиновская (14 км), Владимирская (13 км), Веселая долина (12 км), Джайлавская (9 км), Глубокая (9 км), Рыбацкая (8 км), Попова (8 км), Большой Кафель (5 км) и др. Некоторые сухоречья врезаны в известняки на глубину до 60 м. Долины сухоречий образовались здесь в более влажные, чем нынешняя, геологические эпохи. Их осушение произошло, когда реки углубились до сильно закарстованных пористых ракушечных известняков и ушли под землю. Об этом свидетельствуют и мощные потоки пресных вод, циркулирующие в карстовых полостях этих известняков [Подгородецкий 1979, с. 20 – 21; Олиферов, Тимченко 2005, с. 121 – 126].

Только весной после таяния снега на 3 – 4 дня и летом после ливневых дождей на несколько часов по сухоречьям и балкам бежит вода, а затем она исчезает — уходит под землю, в пористые, как губка, известняки и отчасти испаряется. Колодцы издавна устраивались на дне балок. Так, любопытен факт, рассказываемый жителями п. Черноморское. В богатом водой шахтном колодце на дне Кельшейхской балки в парке п. Черноморское была выловлена бутылка с запиской, брошенная в другой колодец, расположенный на 10 км выше по балке [Подгородецкий 1979, с. 22]. На детальных картах середины и конца XIX в. показана масса колодцев, из которых очень многие расположены именно по дну балок.

Одни долины и балки, приуроченные к осям корытообразных котловин, тянутся с востока на запад (Агар-Су, Оленевская), другие направлены поперек увалов, а третьи расположены веерообразно и сходятся к какому-либо явно прогибающемуся месту (группы долин и балок, впадающих в Ак-Мечетскую, Ярылгачскую и Караджинскую бухты, а также северную часть озера Донузлав) [Подгородецкий 1979, с. 10 – 11]. Здесь отсутствуют постоянные водотоки.

До 50-х годов XX в. балки и немногочисленные пересыхающие реки составляли речную сеть равнинного Крыма. Водохозяйственное значение этих рек заключалось в том, что в их отложениях присутствовали грунтовые воды, которых хватало для заполнения небольших прудов. В до-революционные времена здесь выращивали пшеницу твердых сортов — знаменитую «крымку». Но в 1950-е годы, в связи с постановлением правительства о превращении Крыма в край цветущих садов, началось интенсивное строительство прудов для их полива. Поскольку водных ресурсов балок не хватало, пруды стали заполнять из подземных артезианских скважин. Революцион-

* В 1851 году маяк располагал 13 лампами с рефлекторами [Описание маяков... 1851; Коростелева, Овчинникова 2006]. В 1862 году освещение маяка было улучшено и распространялось на расстоянии 12,4 мили (миля — 1852 м) [Описание маяков, башен и знаков... 1885, с. 40]. По данным Люции Черного и Азовского морей за 1903 год, на маяке находился осветительный прибор типа «огонь-молния» первого разряда для газированного керосина, снабженный колпачком накаливания. Во время тумана подавался звук пневматической сирены слышимостью на расстоянии 5-6 миль или производился двухударный звон в колокол с интервалами до трех минут. Маяк был обнесен каменной оградой, внутри которой размещались три дома для маячной прислуги. При маяке находилась телеграфная станция для передачи по назначению поступающих с проходящих судов сигналов (по международному своду) [Люция Черного и Азовского морей 1903, с. 206].

ные преобразования произошли в Крыму после строительства Северо-Крымского оросительного канала. Реки теперь спрямлены на всем протяжении, по ним производится отвод коллекторно-дренажных вод, количество которых несоизмеримо с наиболее многоводными реками Крыма. Территории водосборов распаханы. В прудах, которые на северо-западе Крыма наполняет вода из рисовых чеков, разводят рыбу [Олиферов, Тимченко 2005, с. 125 – 126].

Вдоль морского побережья находятся соляные озера: Донузлав, Большой и Малый Кинчак, Караджа, Панское, Ярылгач и Джарылгач, образовавшиеся в результате процесса затопления морем приустьевых частей балок и отшнуровывания их от моря песчано-ракушечными пересыпями. Пересыпи только двух озер — Панского и Джарылгачского — к настоящему времени геологически сложились полностью, на остальных сохранились понижения, прорываемые во время волнений морем. В восточных частях Джарылгачское и Донузлавское озера питаются подземными грунтовыми водами, в западных — фильтрационными морскими, поэтому вблизи выхода подземных вод чувствуется значительное опреснение. И. П. Поддубный открыл мощные наземные и подземные карстовые источники у с. Водопойного, доставляющие в озеро Джарылгач около 100 л пресной воды в секунду [Поддубный 1940].

Донузлав (правильнее, Домузлав, что в переводе означает приют кабанов) — крупнейшее из озер Тарханкута, оно тянется вглубь полуострова более чем на 27 км, формой напоминая извилистую реку. В верховьях его ширина несколько сот метров, а по мере приближения к морю увеличивается, достигая в устье 9 км. От моря его отделяла пересыпь длиной 10 км, которая в недавнее время была прорыта. Площадь зеркала озера — около 47 км², глубина близ пересыпи достигает 25 м. Дно озера покрыто слоем ила толщиной до 10 м, имеющим целебные свойства [Подгородецкий 1979, с. 27 – 28]. В озеро впадает балка Старый Донузлав длиной 45 км и площадью водосбора 326 км². Балка имеет очень разветвленную сеть — 38 притоков разного порядка. В озеро Донузлав впадают балки Донузлав (длина 38 км) — у села Красноярское (бывш. Донузлав), Чернушка (длина 7 км) — у несуществующего села Чернушка (бывш. Каралар), Бурнук (длина 10 км) — у села Новоозерное [Олиферов, Тимченко 2005, с. 129].

Климат полуострова причерноморский, характеризующийся сухим солнечным летом, теплой осенью и мягкой влажной зимой. Средняя температура самого жаркого месяца июля — 22,5°C, относительная влажность воздуха 60 – 70%, самого холодного месяца января — от минус 0,5 до 1,5°C и 86 – 87% соответственно. Осадков в июле выпадает в среднем 23 мм, в январе — 30 мм. Количество осадков в вегетационный период недостаточное (180 – 225 мм), часты засухи (85 – 90 дней в году). Для зимнего периода характерны частые оттепели, отсутствие устойчивого снежного покрова, грунт в среднем промерзает на глубину чуть больше 0,4 м. Зима здесь мягче, и весна наступает раньше, чем в центральных районах равнинного Крыма. Однако, по сравнению с крымскими предгорьями, нарастание тепла весной происходит медленнее — сказывается влияние охлажденного зимой моря. Так, цветение косточковых на Тарханкуте происходит на 8 – 13 дней позднее, чем в предгорьях.

Хорошо влияет на развитие зерновых культур сравнительно высокая относительная влажность воздуха в летние месяцы, что обусловлено благотворным влиянием бризов, дважды в сутки меняющих направление: днем — с моря на сушу и ночью — с суши на море.

Осадки летом выпадают, в основном, в виде обильных, сильных, но кратковременных дождей. Вторая половина лета более засушлива.

Полуостров характеризуется довольно сильными ветрами, скорость которых достигает, в среднем, в июле — 3,8 – 4,5 м/с, а в январе-феврале — 4,5 – 6,6 м/с, при максимальных значениях до 23 – 26 м/с, а иногда (не чаще одного раза в 5 – 10 лет) — до 33 м/с, еще реже (раз в 15 – 20 лет) — более 34 м/с. Преобладающие направления ветра в теплое время года — западное и северо-западное, а в холодное — восточное и северо-восточное. Увалы и другие формы рельефа подвергаются размыву поверхностными водами. Пылинки почвенного покрова также уносятся ветрами. Почти каждый год в Крыму бывают такой силы ветры, которые могут унести до 6 – 10 тонн почвенных пылинок с каждого гектара [Подгородецкий 1979, с. 14].

Геологическое строение Тарханкута

К концу мезозойской эры почти весь Крым был покрыт морем, над которым в виде острова возвышались Крымские горы. Этот остров постепенно разрастался, что происходило на фоне колебательных движений земной коры. Море, отступая, оставляло осадочные породы, из которых образовывались глины, песчаники, известняки, мергели. Окончательное освобождение северо-западного Крыма от вод моря произошло в конце неогенового периода (5 – 6 миллионов лет назад). Еще 4 – 5 тыс. лет назад северо-восточная часть Черного моря была заболоченной, и Крым соединялся через свою северо-западную часть с территориями, находившимися на месте современных юго-западной Украины и Молдавии [Подгородецкий 1979, с. 9 – 10].

Работами замечательного русского геолога Н. И. Андрусова последней четверти XIX – первой четверти XX вв. был начат новый этап в изучении неогена Крыма. Его исследования не утратили своего значения и в настоящее время, а термины, введенные им для различных стратиграфических подразделений (например, сарматский, понтический, киммерийский, мэотический ярусы, чокракские известняки и т. д.), используются не только в региональных, но и в мировых стратиграфических схемах [Геологическая изученность СССР 1976, с. 38 – 39].

В геологическом строении Тарханкутского полуострова главную роль играют отложения неогена. В северной его части преобладают отложения плиоцена, а в юго-западной — верхнего миоцена. К древнейшим породам Тарханкута относятся мергели мелового периода, обнажающиеся у с. Меловое и у д. Чокрак.

К верхнемиоценовым породам относятся отложения среднего и верхнего сармата (рис. 4,а). Первые выражены толщей известняков и мергелей и разбиваются на три отдела. Они широко распространены в отложениях по берегу Черного моря, на склонах балок и по осевым частям возвышенностей. Вторые расположены на склонах у Тарханкутского мыса, а также по северо-западному склону Тарханкутского поднятия. Они подразделяются на два горизонта.

Выше сарматских отложений следуют отложения мэотиса, разделяющиеся на два горизонта. Они представлены мергелистыми известняками с прослоями светло-зеленых или светло-желтых глин.

Еще выше залегают морские и континентальные отложения понтического яруса. Пористые понтические известняки желтовато-охристой окраски мощностью до 8 м активно разрабатываются как строительный материал.

К постплиоценовым отложениям относятся красно-бурые глины водоразделов, являющиеся продуктами процессов выветривания и почвообразования. Они служат материнской породой для современных кирпично-красных почв. Желто-бурые элювиальные и делювиально-пролювиальные суглинки, залегающие над красно-бурыми глинами, на водораздельных пространствах являются основой современных почв [Дзенс-Литовский 1938].

В современную эпоху продолжается поднятие увалов со скоростью свыше 1 мм в год и прогибание (со скоростью около 1 мм в год) разделяющих их котловин, в особенности Акмечетской, Караджинской и Ярылгачской бухт. Наряду с этим происходит постепенное повышение уровня Черного моря, как и всего Мирового океана, на 11 – 12 мм в столетие, вызванное небольшим потеплением на Земном шаре и усилением таяния ледников. Поэтому в северо-западном Крыму происходит увеличение бухт, перемещение вглубь суши пересыпей, отделяющих от бухт соленые озера, медленное смещение к северо-востоку Бакальской косы, размыв береговых обрывов, особенно тех, которые сложены красно-бурыми глинами и желто-бурыми суглинками [Подгородецкий 1979, с. 11].

Полоса тарханкутских пляжей узкая, а местами вообще отсутствует. Обычно в устьях балок встречаются крохотные пляжи.

В районе Джангульского урочища можно наблюдать результат интереснейшего природного явления — гигантских оползней высоких берегов (рис. 4,б). Джангульские оползни относятся к типу соскальзывающих, начинающихся от Очеретайской бухты, расположенной к северу от мыса Кара-Мрун, и тянущихся к северо-востоку на 5 – 7 км, шириной 0,5 км. Джангульское побережье расположено на оси Джангульской антиклинали, сложено белыми песчанистыми водопроницаемыми известняками среднего сармата, которые подстилаются водонепроницаемыми

глинами нижнего сармата. Движение оползающих коренных пород происходит по глинам нижнего сармата, над которыми собираются подземные воды, фильтрующиеся через всю толщу известняков. Падение пород направлено в сторону склона — к морю, и оползание происходит вследствие наклона подстилающих глин и подмывающей деятельности моря. От берегового обрыва откалываются полосы длиной несколько сотен метров и шириной до 25 – 35 м, оседающие и образующие террасу, обращенную с уклоном поверхности в сторону берега (рис. 4,б). Отдельные участки известняковой толщи берега соскальзывают громадными массами, например, у балки Терновой длина оползня около 500 м, ширина 200 м, объемом 1 000 000 м³. Наклонена оползневая толща под углом 45°. Оползни образуют ступенчатые оползневые террасы, верхняя часть которых наклонена в сторону, обратную движению. Все Джангульские оползни А. И. Дзенс-Литовский относит к историческому времени. В 1934 г. П. Н. Шульц на нижней оползневой площадке обнаружил остатки скифо-сарматского городища. На фоне древних оползней развиваются оползни и в настоящее время. Большой оползень произошел в летом 1933 г. [Дзенс-Литовский 1936].

Природные ресурсы

Одними из главных ископаемых богатств полуострова являются строительный камень, природный газ, пишущий мел, поваренная соль, лечебные грязи и килоподобные глины.

В настоящее время разрабатываются Оленевское месторождение строительных известняков, расположенное в 3 км к юго-востоку от с. Оленевка, Дальнее — в 1 км к западу от с. Северное в северо-восточной части Тарханкута. Красноярское месторождение пильного камня, расположенное в восточной части полуострова на северной окраине с. Красноярское, в настоящее время не используется из-за низкого качества камня. В 3-х км к югу от п. Черноморское имеется разрабатываемое месторождение известняка на известь.

На Тарханкуте разведаны запасы доломитизированных известняков и доломитов, содержащих от 10 до 20% окиси магнезии и представляющих ценное сырье для производства огнеупоров [Подгородецкий 1979, с. 16].

Повсеместно на склонах Джангульского увала можно заметить следы каменоломен, вероятно, использовавшихся с древнейших эпох до недавнего времени.

Настоящей бедой для археологических памятников полуострова является хищнический сбор камня из древних наземных построек, принявший в последнее время тотальный масштаб и грозящий полным уничтожением видимым археологическим остаткам. Если археологические памятники, описанные в данном каталоге, в самые кратчайшие сроки не будут взяты под защиту государства, им грозит полное исчезновение с поверхности земли.

На северо-западном берегу полуострова среди слоев известняков и мергелей прослеживаются пропластки килоподобных глин толщиной 5 – 7 см. Это плотная неслоистая порода, серо-зеленоватого цвета, обладающая хорошими моющими свойствами, которая в морской воде, в отличие от обычного мыла, дает окисляющую эмульсию, хорошо обезжиривающую и легко смываемую. Еще в недавнем прошлом кил добывали у с. Высокое и использовали для мытья овечьей шерсти [Подгородецкий 1979, с. 16].

На Тарханкуте уже имеется большое поле ветряных генераторов неподалеку от бывшего пос. Чокрак на южном берегу полуострова. В настоящее время запроектирована и строится другая крупная ветроэлектростанция на склонах Джангульского поднятия, в районе Джарылгачского и Панского озер.

В северо-западном Крыму были открыты месторождения газа и нефти, связанные с трещиноватыми известковистыми песчаниками, залегающими на глубине от 400 до 1000 м. Однако, наиболее перспективными геологи считают отложения раннемелового времени, более древние по возрасту и глубже залегающие (2700 – 2900 м). Разработка газовых месторождений ведется, в основном, на шельфе. Имеются наземные разрабатываемые месторождения — Глебовское, в 30 км к востоку и Западно-Октябрьское — в 20 км к юго-востоку от п. Черноморское; от первого проложены газопроводы на Симферополь и Севастополь. Кроме этого, есть газовые скважины Карловская, Краснополянская, Ярылгачская, Задорненская.

В озерах Сасык и Джарылгач имеются значительные запасы поваренной соли. На картах середины и конца XIX в. на этих озерах помечены места ее добычи. В 28 верстах на северо-восток от Ак-Мечети находилось самосадочное соляное озеро Бакальское (промысел Ходжаха и Гелеловича), вывочка соли составляла здесь 1/2 млн. пудов в год [Семенов-Тянь-Шаньский 1910, с. 685 – 686]. Добытую в озерах соль отправляли пароходами из Ак-Мечети. На картах конца XIX в. соляной промысел показан и в районе самой Ак-Мечети.

Гидрогеологические условия*

На Тарханкутском полуострове грунтовые воды приурочены к пористым ракушечникам, местами закарстованным известнякам мэотиса и сармата — двум геологическим горизонтам, которыми сложена также и зона аэрации. Водоупорным ложем грунтовых вод в районе Тарханкута служат глины нижнего и низов среднего сармата, а местами — нижнемэотические мергели и глины. Мощность горизонта грунтовых вод колеблется в широких пределах и в неогеновых известняках Тарханкутского плато и Тарханкутского полуострова местами достигает 50 – 70 м. Глубина залегания грунтовых вод и абсолютные отметки их уровня уменьшаются от Тарханкутского плато к морскому побережью, изменяясь примерно от 75 м до нуля, абсолютные отметки уровня — от 60 м на плато до нуля на побережье. Движение грунтовых вод происходит от возвышенных частей Тарханкутского плато на север, восток, юг и юго-запад, по направлению к Черному морю, Донузлавскому, Джарылгачскому и другим озерам. Дренажное (изливание в виде источников) грунтовых вод наблюдается на Тарханкутском полуострове в районе оз. Донузлав и Джарылгач [Гидрогеология СССР 1970, с. 248 – 249, рис. 5]. Подводные источники на Тарханкутском полуострове открыты впервые И. П. Поддубным в 1934 г. и А. И. Дзенс-Литовским в 1938 г.

В толще сарматских отложений подземные воды приурочены к верхнему и среднему горизонтам, а глины низов среднего сармата и нижнего сармата являются водоупорами. На возвышенных участках в районе Тарханкутских складок глубина залегания сарматского водоносного комплекса и грунтовых вод — до 100 м [Поддубный 1940; Гидрогеология СССР 1970, с. 153] (рис. 5,а). Так, несколькими скважинами у п. Черноморское и с. Водопойное было установлено, что глубина залегания кровли водоносного горизонта 3 и 8 – 10 м соответственно, а суммарная мощность водонесущих прослоев 5 и 6,25 – 9,5 м. У п. Оленевка глубина залегания кровли водоносного горизонта 3,65 м, у Межводного — 45,3 м (так как здесь сарматский водоносный горизонт перекрыт понт-мэотическим горизонтом) [Гидрогеология СССР 1970, с. 156, 160, табл. 31].

Другой водоносный горизонт относится к понт-мэотическим отложениям (рис. 5,б). Водовмещающие породы представлены преимущественно пористыми известняками-ракушечниками. Подстилается водоносный комплекс нижнемэотическими глинами, мергелями и мергелистыми известняками. В районе Тарханкутских складок мэотическо-понтический водоносный комплекс залегает под маломощным покровом четвертичных суглинков и не имеет водоупорной кровли. Мощность слоя грунтовых вод в мэотических отложениях в пределах Тарханкутских складок варьирует от 6 до 10 м, глубина залегания от 2 до 12 м [Гидрогеология СССР 1970, с. 156].

Скважина в районе с. Водопойное показала, что глубина залегания кровли понт-мэотического водоносного горизонта составляет 2,4 м, суммарная мощность горизонта — 9,8 м [там же, с. 168, табл. 34].

Понтический ярус на плато во многих участках совершенно размыт.

Грунтовые воды, приуроченные к неогеновым (сарматским и понт-мэотическим) известнякам, достаточно обильны и слабо минерализованы, в отличие, например, от вод равнинного Крыма и Керченского полуострова, отличающихся высокой минерализацией [Гидрогеология СССР 1970, с. 252].

Побережье у оз. Панское слагается понтическими известняками, являющимися водоносными. Это желтоватые пористые ракушечники, повсеместно используемые в современном строительстве. Вода, выпадающая из осадков, просачивается в слои понтических известняков. Они подстилаются мэотическими мелоподобными известняками с прослоями мергеля, являющимися водо-

* См. также [Смекалова 2007а; Смекалова, Столба 2009].

упорными. Поэтому, если в понтических известняках пробить колодец до уровня мэотических известняков, можно получить воду, что и использовалось людьми, населявшими здешние места с древнейших времен. Понтические известняки в районе Панского озера сменяются мэотическими слоями в верховьях оз. Джарылгач. Родники, питающиеся подземными водами, на Тарханкуте есть только в верховьях озер Донузлав и Джарылгач.

В районе оз. Джарылгач наблюдается прогиб в геологических пластах, поэтому понтические известняки наклонены в сторону озера. Изначально озеро было балкой, которая затем была затоплена морем, затопившим также и источники на его берегах. Подводный источник в озере Джарылгач у п. Межводного был открыт в 1934 г. геологом И. П. Поддубным. Количество пресных грунтово-карстовых вод мэотиса, сбрасываемых в соленое Джарылгачское озеро, составляет свыше 100 л/с [Поддубный 1940]. Поскольку озеро питают подводные пресные источники, концентрация рапы в оз. Джарылгач ниже, чем в море. Балка отшнуровалась от моря из-за того, что ракушки моллюсков, которые водятся в озере, отложились по границе озера и моря. Подобные же процессы произошли и с другими озерами северо-западного Крыма.

В ходе анализа картографического материала, нами было подмечено, что большое количество поселений, как уже исчезнувших, так и современных, располагаются на относительно более низких высотных отметках, там, где легче всего было достигнуть уровня водоносного горизонта в понт-мэотических и сарматских известняках. Эта особенность также отмечалась А. Н. Щегловым и Н. С. Благоволыным для района оз. Панское (Сасык) [Blagovolyn, Ščeglov 2002, p. 285]. В районе озер Джарылгач, Ярылгач и Сасык старые селения, питающиеся водами из колодцев, соответствующих понт-мэотическому горизонту, располагаются вдоль берега моря, а также по склонам Джарылгачской и других глубоких балок. Из отмеченных на картах 1817 г. и 1842 г., к ним следует, вероятно, отнести поселения Джарылгач, Кирлеут, Курую-яйли, Лула-Шейх, Курман Аджи, Учкую Кипчак (рис. 6, 10).

Выше по склону над озером Джарылгач имеется цепочка деревень Бузак, Гаджи-Гасан, Акбаш, Сырт-Курама, Курама Кастель, Джайлав, Кабла Курама Мусали, Карлав, Атеш, Сая, Альдермень, которые придерживается одной и той же высоты над уровнем моря, равной примерно 25 – 30 метрам (рис. 6, 10)*. Эти поселения «привязаны» уже к другому, нижнесарматскому, водоупорному горизонту. Еще лучше эта линия существующих и опустевших поселений, соединенных дорогой, прослеживается на карте середины XX в. масштаба 1:25000 (рис. 7). Указанная высота на северном склоне Джангульского увала у озер Сасык и Джарылгач маркирует выход края горизонта нижнесарматских водоупорных глин, перекрытый сверху трещиноватыми сарматскими известняками (см. гидрогеологическую карту на рис. 5,а). Водяные пары из воздуха конденсируются в мощной зоне аэрации трещиноватых сарматских известняков. Сконденсированная влага стекает по балкам до уровня водоупорных глин нижнесарматского горизонта и не может проникнуть глубже. Здесь собирается хорошая пресная вода, так как она не достигает горизонта, где могут растворяться соли. Питание системы осуществляется из атмосферной влаги. Если прорыть колодцы в известняке до уровня нижнесарматских глин, что легче всего сделать в местах выклинивания геологических слоев по склонам, то можно получить чистойшую пресную воду. Вероятно, это свойство было известно людям с древнейших времен. Именно эти места, где вода ближе всего подходила к поверхности, были заселены еще в античные времена, а на картах уже в конце XVIII в. здесь показаны несколько татарских поселений (например, д. Мусали и Алдермен на карте 1777 г.).

Скопление крупных курганов имеется в южной части Тарханкута, у урочища Меловое (Ой-Эли или Уйля) и, особенно, у урочища Чокрак, известного своими обильными источниками. И тот, и другой район характеризуются яркими природными особенностями. В районе Мелового можно наблюдать необычное геологическое явление. Здесь в результате поднятия земной коры на поверхность вышли древнейшие на Тарханкуте напластования известняков верхнего отдела мело-

* Я выражаю свою искреннюю благодарность специалистам-геологам – безвременно ушедшему Петру Дмитриевичу Подгородецкому (Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского) и Юрию Ивановичу Морозову (Южэкоцентр, Симферополь) за чрезвычайно полезные консультации по гидрогеологии Тарханкута.

вой системы. Данное геологическое явление сопровождается, вероятно, близостью водоносного горизонта, по крайней мере, на полуверстовой карте только в самой естественной котловине у с. Меловое помечены несколько колодцев.

В районе Чокрака находятся многочисленные родники, о чем красноречиво говорит само название поселения («чокрак» в переводе с татарского означает «родник»), а на карте Федора Черного 1790 г. на месте балки, берущей начало из источников у д. Чокрак, помечена река Карамули [Смекалова 2007а, рис. 6]. В начале XIX в. главной достопримечательностью Чокрака считались фруктовые сады.

Как уже отмечалось в других работах [Смекалова 2007а], на Тарханкуте масса небольших курганов, группирующихся в тесные, часто линейные кластеры, располагаются не вдоль, а поперек направления главных хребтов, по склонам увалов. Эти курганы можно увидеть, только находясь ниже по склону увала или по склонам балок, поэтому они не были рассчитаны на людей, передвигающихся вдоль по водоразделам. Особенно многочисленны такие группы курганов на южном берегу Тарханкута, но их также много и в других частях Джангульского увала. На полуверстовой карте, а также карте масштаба 1:25000 хорошо видно, что эти цепочки и группы курганов находятся на возвышенных частях между балками, спускающимися по склонам. Курганы располагаются необыкновенно тесно короткими цепочками, они как бы «сбегают» по склонам вниз. Наиболее неожиданным оказывается то, что эти группки курганов устремляются к деревням, существовавшим к моменту создания полуверстовой карты в 1898 г. или уже разрушенным, но помеченным на ней. В этом факте, однако, скрывается определенная закономерность. В действительности, конечно, курганы тяготеют не к татарским деревням, а к колодцам, используемым в деревнях. Чтобы объяснить подобное явление, достаточно вспомнить гидрогеологическую структуру данного района, о которой упоминалось выше. Действительно, расположение селений на склоне Джангульского увала на высоте примерно от 25 до 30 м маркирует выход нижнесарматского горизонта, к которому и приурочены колодцы в деревнях.

Территория водосбора каждого такого колодца, вероятно, ограничивалась пространством между соседними балками. Данная геологическая особенность могла использоваться как татарским населением, так и более древними его предшественниками. Интересно, что и в XIX веке земельные участки на склонах у оз. Джарылгач имели вытянутую форму, они начинались от подножья холмов и доходили до их вершин, как это показано на межевой карте 1836 г. имения Мусали (рис. 8)*.

Впоследствии, во время полевого сезона в 2007 г. и, особенно, 2008 г., предположение о наличии поселений на склонах получило полное подтверждение [Бильде и др. 2007, с. 110 – 115]. На склонах, спускающихся к Джарылгачскому и Ярылгачскому озерам, в мае и июне 2007 – 2008 гг. было открыто и исследовано с помощью магниторазведки и археологического зондирования более 15 поселений.

Почвы и грунты

Согласно агропочвенному районированию Украины, территория Тарханкута находится в зоне, называемой «Степью Южной Крымской». Почвы здесь образовывались в условиях неблагоприятного водного режима при засушливом климате, близком залегании плотных известняковых пород и сильной скелетности грунтов.

На Тарханкуте преобладают черноземы южные карбонатные и некарбонатные, черноземы щепнистые, образовавшиеся на лессовидных суглинках и глинах, мелкозернистых, малощебенчатых и каменистых продуктах выветривания известняков (рис. 9,а,б)** . В долинах сухоречий и в балках развиваются лугово-черноземные карбонатные выщелоченные от карбонатов почвы. На песчано-ракушечных отложениях пересыпей и пляжей образовались малоразвитые почвы и пески.

* Хотим поблагодарить С. Г. Колтухова и И. И. Вдовиченко за помощь в копировании межевых планов в Государственном архиве Автономной Республики Крым.

** Искренне благодарим С. Г. Колтухова и С. Б. Ланцова за помощь в отыскании современных почвенных карт Тарханкутского полуострова.

Для солончаков, расположенных вдоль лагун, характерен сезонно-необратимый солевой режим засоления.

Помимо сильно эродированных и засоленных участков, остальная территория Тарханкута благоприятна для ведения сельского хозяйства, причем уровень плодородия по 100-балльной шкале оценки почв колеблется в пределах 86 – 41 балла. Эти земли включают пахотные угодья, культурные пастбища, улучшенные выгоны.

Примерно половина территории Тарханкута распахана, остальные земли используются под выпас, но имеются все еще целинные участки степи, в основном, на склонах увалов и балок, не подверженные современному хозяйственному воздействию.

Животный и растительный мир Тарханкута

По данным споро-пыльцевого анализа, в первом тысячелетии до новой эры, в условиях более влажного и холодного климата, на Тарханкуте местами произрастали деревья хвойных пород, вяз, тополь, дуб, клен, можжевельник, ясень, разнообразные кустарниковые и травянистые растения. В условиях изменения климата в сторону потепления и иссушения, исчезли хвойные и дубовые леса. В настоящее время наиболее широко здесь представлены сложноцветные, крестоцветные, бобовые, злаки. Основу травостоя составляют полынь, типчак, девясил, чабрец, дрок. В балках произрастают кустарники (боярышник, шиповник, терн). В степной целинной растительности выделяются сухолюбивые, узколистные, длительно вегетирующие злаки: ковылы Лессинга и тырса, типчак, житняк, тонконог, мятлик бесплодный и др.; бобовые: люцерна желтая, два вида донника, астрагалы; из разнотравья: верблюдки. В Красную книгу занесены василек Талиева и пырей ковылелистный [Подгородецкий 1979, с. 30 – 34].

Когда-то, в древнейшие времена, была очень богата и разнообразна и фауна Тарханкута, но со временем исчезли обитавшие здесь южные слоны, носороги, олени, дикие лошади, волки, медведи, горностаи и некоторые другие разновидности млекопитающих, уступив свое место многочисленным грызунам, птицам, насекомым [Подгородецкий 1979, с. 34]. Особенно распространены в наше время мыши, тушканчики, зайцы, хомяки, одичавшие кролики, гнездятся жаворонки, перепела, галки, скворцы. Встречаются бакланы, лисицы, журавль-красавка, куропатки, цапли — всего около 130 видов животных и птиц. Изредка можно встретить самую крупную степную птицу — дрофу.

В море вылавливают кефаль, камбалу, скумбрию, осетра, белугу, севрюгу, сельдь, хамсу, ставриду. В прибрежных водах на подводных скалах можно увидеть колонии мидий, найти крабов. В прошлом отмечалось обилие рыб осетровых пород. Осетровые рыбы, огибая побережье Тарханкута, идут на нерест в реки Дунай, Буг, Днепр [Подгородецкий 1979, с. 41 – 42].

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТАРХАНКУТА

Поскольку крупномасштабные карты Крыма являлись важным источником по выявлению курганов и других археологических объектов и послужили отправной точкой для изучения системы расселения на Тарханкутском полуострове, позволим себе более подробно остановиться на описании наиболее детальных карт Крыма, когда-либо выпущенных в России.

В связи с русско-турецкой войной 1768 – 1774 гг. и последующим присоединением Крыма к России в 1783 г. потребовались подробные карты для передвижения войск и освоения новых земель [Смекалова 2007, рис. 2].

На карте 1768 – 1774 гг., выпущенной в масштабе около 54 верст в дюйме (1:2 270 000), Крым еще обозначен принадлежащим Турции. Названия на карте турецкие, написаны на русском языке. На территории западной части Тарханкута имеется всего три поселения, из которых только одно наименование, Джелая, удается связать с названием деревни Джейлав на картах XIX в. Рельеф и дороги не показаны.

Карта 1777 г., выпущенная под руководством Я. Ф. Шмита в Географическом департаменте Академии наук, содержит несколько больше наименований поселений на Тарханкуте [Смекалова 2007а, рис. 3]. Теперь удается соотнести пос. Аблагаги с более поздней Аблагоджей, Кирлов — с Карлав, Оират — с Ойрат, Карвал — с Карлавом, Кармыш, Мусали, Алдермен, Тарпанчи — с такими же названиями на более поздних картах. Дороги на картах по-прежнему не показаны, очертания полуострова довольно фантастические. Рельеф на карте 1777 г. показан условно, в виде внемасштабного изображения гор, на карте 1772 г. — весьма схематичными штрихами.

Впервые мы видим дороги на «Генеральной Карте Крыма, сочиненной по новейшим наблюдениям Адъютантом Федором Черным 1790 года», масштаб которой 12,6 верст в дюйме (1:530 000) [Смекалова, 2007а, рис. 6]. Очертания полуострова сильно искажены, однако все-таки удается подметить основные тенденции расположения дорог. Прежде всего, следует отметить, что данная карта создавалась именно как дорожная. На ней гипертрофировано выделены озера, реки, овраги и крупные балки, являющиеся основными препятствиями при движении по главным дорогам, которые необходимо было преодолевать путем переправ. Основные дороги расходятся веером во все стороны Крыма от Перекопа. Возможно, некоторые из этих дорог являются очень древними традиционными путями, восходящими еще ко времени передвижения кочевых племен. Они идут по водоразделам и маркируются крупными курганами, располагающимися на вершинах цепочками, в которых курганы стоят с некоторыми интервалами, вероятно, соответствующими пределу видимости. Курганы служили для ориентировки на местности и должны были приводить к конечным пунктам кратчайшим и наиболее удобным путем, так, чтобы на пути было достаточное количество стоянок с хорошими источниками воды.

В северо-западном Крыму дорога, идущая от Перекопа, раздваивается сразу после сухоречья Самарчик [Смекалова 2007а, рис. 6]. От нее ответвляется северная дорога, идущая по вершине гряды по направлению к морю, огибая озера Джарылгач и Ярылгач с северной стороны, а озеро Сасык — с южной. На всем протяжении этой ветви она сопровождается курганами, восходящими еще к эпохе бронзы, а также более поздними скифскими. На пути имеются обильные источники воды, существовавшие, вероятно, и в эпоху бронзы, например, на перешейке между оз. Джарылгач и заливом моря, в районе современного села Межводное.

Южная ветвь дороги от Перекопа идет по склону следующего водораздела, Джангульского увала, проходя через деревню Муен (д. Мусали?), в которой имеются колодцы, и соединяется у Ак-Мечети с северной ветвью. Впервые мы видим населенный пункт Ак-Мечеть (татарская Ак-Мечеть, совр. Черноморское) именно на этой карте.

От Ак-Мечети на юг идут две дороги по обе стороны от глубокой Кельшейхской балки. Восточная дорога, как мы увидим далее, помечена на всех последующих картах как главная коммуникация, связывающая северный берег Тарханкута с южной частью Крыма. Нам представляется, что эта дорога была одной из древнейших, так как она фактически является границей той части Тарханкута, которая отмечается рядом специфических локальных особенностей, например, чрезвычайно плотной насыщенностью курганами, а также наличием ортогональной сети размежевания, открытой А. Н. Щегловым в 1979 г. по результатам дешифровки аэрофотографий.

Западная дорога, соединяющей Ак-Мечеть с югом, следует по западному берегу Кель-Шейхской балки через д. Чокрак (в переводе — источник) по направлению к переправе через реку Карамули, которая берет свое начало на вершине Тарханкутского увала из источников. На карте 1790 г. впервые появляется также другой важный населенный пункт — Караджа, от которого идет дорога к той же переправе через Карамули. Все три дороги затем устремляются к косе, отделяющей оз. Донузлав от моря, поэтому узловой пункт при въезде на эту косу, вероятно, всегда имел стратегическое значение. Геологические данные свидетельствуют о том, что данная коса существовала уже в античные времена.

В 1765 г. началось Генеральное межевание Российской империи, которое имело целью закрепить существующие границы помещичьих земель. Масштаб межевых планов земель городов, сел, деревень и пустошей очень крупный — 100 сажень в дюйме (около 1:8400). По ним составлялись сводные уездные планы в масштабе 500 сажень в дюйме. Планы дач строились на основе окружных меж, в которых углы измеряли астролябией, а линии — десятисаженной мерной цепью.

Съемки Генерального межевания были использованы для составления Столистовой карты в начале XIX в. В это время Генеральное межевание начало сокращаться и уступать место специальному межеванию.

В 1835 году по Указу Симферопольской Межевой конторы землемерами был составлен «Геометрический специальный план Таврической губернии Евпаторийского уезда при местечке Ак-Мечеть с деревнями Шейхлар, Алдерменкой, Токи и Такиль и разоренными Чокуль, Кильбаш и Сая во владении графа Воронцова [«Таврическая епархия» Гермогена, Епископа Псковского Порховского, бывшего Таврического и Симферопольского. Псков, 1887 г.]. Планкарта выполнена в цвете, на ней указаны пригодные и пустопорожные земли, дороги, особенности рельефа с подробным описанием деревень и количества земли, находящейся под теми или иными посадками. Так, в плане описано, что «...1185 сажень — под виноградом, 4 десятины и 29 сажень — под фруктовым садом, 15 десятин 644 сажени — под церковью, таможенным домом, карантинным строением и кордоном, 17 десятин 282 сажени — под поселениями д. Шейхлар, Алдерменкой, Токи и Такиль, 27 десятин 288 сажень — под шестью разоренными деревнями, 1 десятина 234 сажени — под проселочными дорогами, 30 десятин 1630 сажень — под мечетями и кладбищами..., а всего по окружной меже удобной и неудобной земли — 10119 десятин 1484 сажени. В поселениях состоит: местечко Ак-Мечеть — дворов 20, в них мужчин — 64, женщин — 50, татарских дворов 4, в них мужчин — 10, женщин — 5; в деревне Шейхлар — крестьянских дворов 15, в них мужчин — 68, женщин — 48, татарских дворов — 18, мужчин — 42, женщин — 30 душ; д. Алдерменкой — дворов 20, мужчин — 63, женщин — 20; д. Токи — дворов 2, мужчин — 6, женщин — 3; д. Такиль — татарских дворов 8, в них мужчин — 15, женщин — 17 душ [Государственный Архив АР Крым, ф. 377, оп. 12, д. 10, л. 1; там же, ф. 377, оп. 21, д. 23, л. 10; Коростелева, Овчинникова 2006]*.

Начиная еще с петровских времен, независимо от сенатских и межевых съемок, картографические работы вело также Военное ведомство. После учреждения Генерального штаба в 1763 г. квартирмейстерские съемки получают значительное развитие. С этой поры картография двигалась вперед, в основном, благодаря деятельности военных топографов, и диктовалась уровнем развития стрелкового и артиллерийского оружия. Необходимость в подробных и точных топографических картах особенно проявилась в боевых операциях против наполеоновской армии в 1796–1815 гг. Сразу же после окончания Отечественной войны было принято решение о производстве точной съемки в западных пограничных, Петербургской и других губерниях. К этому времени относится Военная топографическая карта полуострова Крыма, составленная генерал-майором Мухиным, выпущенная в Военно-топографическом депо в 1817 г. (рис. 10, 11).

Эта карта впервые правильно передает очертания полуострова, так как она создавалась с учетом всего передового геодезического опыта стран Западной Европы, с которым могли ознакомиться офицеры квартирмейстерской части, участвовавшие в заграничных походах [Судаков 1967, с. 24]. Любопытно, что на этой карте нашла отражение исторически сложившаяся после присоединения Крыма к России в 1783 г. ситуация, когда часть татарского населения начала покидать Крым и эмигрировать в Турцию. Большинство населенных пунктов на карте 1817 г. показаны как пустующие (рис. 11).

На карте Мухина достаточно правильно и наглядно показан рельеф местности, большое количество населенных пунктов и главные дороги. На этой карте очень хорошо видно, что главная дорога, пересекающая весь Тарханкут с юга на север, проложена от Ак-Мечети до Донузлавской косы единственно возможным образом, так, чтобы избежать пересечения с глубокими балками (рис. 10).

* Здесь же даны границы и описание смежных землепользователей. Так, имение графа граничило с землями д. Джарылгач – владелец Аджи Темир Мурза Мансурский, д. Чегелек – владельцы Джамиль Али и Менгли Асак Пермамбет, разоренными деревнями Чоротай и Бжимак – владелица земли генеральша Рудзевич, дачи Тарханской В. С. Попова и др. В 1854 году Межевой канцелярией была «... вымежевана из дачи Евпаторийского уезда при местечке Ак-Мечеть церковная земля Захарии-Елисаветинской церкви с приходом, в которой состоит удобной и неудобной земли 60 десятин 1112 сажень. На оной земле поселения никакого не состоит, а она дача поселковая». То есть территория церкви была выделена из земель графа Воронцова и передана местечку Ак-Мечеть [Коростелева, Овчинникова 2006].

Для территории западного Крыма необходимо отметить присутствие на карте Мухина 1817 г. многих населенных пунктов, которые затем прослеживаются на всех последующих картах. Именно на этой карте можно впервые подметить особенность расселения на Тарханкутском полуострове, которая в первую очередь диктовалась необходимостью близости к источникам воды. Так, бросается в глаза, что многие поселения находятся либо на наиболее низкой, близкой к нулевой, отметке высот, либо вдоль по склонам увалов на абсолютных высотных отметках в 25 – 30 м.

В 1836 – 38 годах силами Корпуса военных топографов, под руководством Ф. Ф. Шуберта и Д. Д. Оберга были выполнены работы по триангуляции Крыма. Топографические съемки выполнялись полковником Бетевым. На карте, созданной в 1837 г., наглядно показан рельеф местности, основные и малые дороги, многочисленные поселения. Кроме этого, на нее впервые нанесены источники воды и колодцы, а также показаны уже в довольно большом количестве курганы. Пропорции полуострова практически точно совпадают с данными на современных картах.

Рекогносцировка карт Крыма 1865 г. по основе 1837 г. явилась результатом ширококомасштабных работ 1845 – 1870 гг., когда в верстовом масштабе были сняты вся Польша и 22 губернии центральной и южной России, включая Таврическую губернию. На карте 1865 г. показано больше дорог, населенных пунктов, курганов, колодцев. В основе трехверстовой карты, выпущенной в этом же 1865 г., также лежали съемки полковника Бетева. Часть карты 1837 г. с рекогносцировкой 1865 г. дана на рис. 12 для района Ак-Мечети. На ней «красным суриком» показаны изменения, произошедшие за данный период.

С начала 1870-х годов съемки во внутренних губерниях России почти прекращаются и проводятся только в пограничных районах, включая Крым, но зато в полуверстовом масштабе (1:21 000). На полуверстовой военно-топографической карте Крыма, выпущенной в конце XIX – начале XX вв., нанесено огромное количество курганов, показанных немасштабными знаками с обозначением высот крупнейших насыпей. Курганам уделено столь большое внимание в связи с тем, что эти объекты являются военными стратегическими пунктами. Кроме этого, детально прорисованы источники воды и колодцы, показаны дороги и тропы, в том числе и заброшенные. Рельеф местности изображался горизонталями через 2 сажени (примерно 4,3 м). Эта карта Крыма, имеющаяся у автора в полном объеме, является богатейшим источником для изучения пространственного распространения курганов, следов античного размежевания земель, систем расселения, расположения древних валов и рвов. Ее пропорции точно соответствуют современным представлениям о форме Крыма, поэтому выявленные на ней объекты легко переносятся на новые карты и на аэро- и космические снимки, что необходимо для сопоставления результатов дешифровки различных категорий источников. Для примера приведена часть этой карты для района Ак-Мечети (рис. 13).

Количество информации, имеющейся на полуверстовой карте, сопоставимо с данными, приведенными на другой подробной карте масштаба 1:25000, рекогносцировка которой проводилась в 1950-е гг., с уточнениями 1980-х гг. по результатам аэрофотосъемки. Горизонтالي на этой карте проведены через 5 метров. На ней также нанесены курганы, но их число меньше, чем на полуверстовой карте конца XIX в. Указаны высоты крупнейших курганов. Участок этой карты для района Джарылгачского озера показан на рис. 7.

Карта 1946 г. (рис. 14), составленная в 1941 г., содержит переименования населенных пунктов, что важно для правильной их идентификации.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК НА ТАРХАНКУТЕ

История исследования глубинных районов Тарханкута

Глубинные районы Тарханкута, в отличие от его прибрежной части, не слишком часто привлекали внимание исследователей, поэтому в литературе закрепилось мнение о том, что греческие центры позднеклассического и раннеэллинистического времени располагаются исключительно на побережье, а многочисленные курганы оставлены кочевым населением, не имевшим поселений [Щеглов 1968, с. 336; 1978, с. 32; Ланцов 2004, с. 63]. Однако, еще в 1933 – 34 гг.

П. Н. Шульц во время углубленных археологических обследований в районе от Сакского озера до Ярылгачского залива обнаружил поселение в Чоротайской (Очеретайской) балке на западном берегу Тарханкута, которое, по его мнению, относилось к скифо-сарматской культуре. Приводим описание этого поселения: «Между отрогами балки, недалеко от ее впадения в Чоротайскую бухту, разбросаны остатки четырех древних каменных, прямоугольных в плане жилищ (размер ок. 6x12 м). В пределах жилищ и вне их, в слое небольшой мощности (ок. 0,60 м), были встречены обломки грубой лепной посуды и греческих остродонных амфор. Ранние из них относятся к V в. до н. э., позднейшие — к III в. до н. э. Обследование соседних многочисленных балок, пересекающих скалистый западный берег Тарханкута, однако, не дало поселений сходного типа» [Шульц 1941, с. 268].

В 1933 г. П. Н. Шульц обследовал курганы, находящиеся у мыса Кара-Мрун, к югу от парка и господского дома в имении Попова. Эти данные остались не опубликованными, поэтому приводим описания курганов и рисунки из дневника П. Н. Шульца за 25 октября 1933 г. (рис. 15 и 16) [Рукописный архив ИИМК РАН, оп. 1, д. 130, 1933, с. 47 – 48 об.]. Он пишет: «В низменной северо-западной части берега озера, в непосредственном соседстве с пересыпью находится несколько разрытых курганов. Всего их насчитал пять штук. Они расположены без видимого порядка. Сложены из лессовидного суглинка и красно-бурых глин. Самой характерной и интересной чертой курганов является то, что они имеют под насыпью каменную кладку правильных прямоугольных очертаний. Кладка сложена из хороших квадратных плит (курган №5), лежит на материке. Очевидно, была рассчитана на перекрытие тесом. По сведениям, которые получил от крестьянина Караджи, служившего в качестве охотника у Попова, курганы раскопаны Поповым лет 40 тому назад (в 90-х годах). Близ курганов 2, 3, 5 подобрал несколько чернолаковых черепков эллинистического времени. Около самого крупного кургана (№1) нашел обломок римской остродонной амфоры. Высоты курганов небольшие — от 0,6 до 1,6 м. Размеры кладки кургана №5 4x5 м при ширине кладки 70 – 80 см. Сложена кладка насухо в два ряда камней в толщину. Местами кладка сложена в три ряда камней». Наши разведки 2009 г. подтвердили наличие курганов у пересыпи южнее парка бывшего имения Попова, ныне пансионата «Солнечная Долина». Все упомянутые П. Н. Шульцем курганы легко идентифицировать по описаниям, оставленным исследователем (рис. 110, точки 677 – 682). Вероятно, часть квадратных блоков из кладок подкурганых сооружений утрачена, но общее состояние курганов все еще остается сопоставимым с тем, которое застал П. Н. Шульц в 1933 г. На берегу моря недалеко от курганов в обресе береговой линии зафиксированы остатки античного культурного слоя (рис. 110, точка 683).

Как уже упоминалось выше, в 1934 г. П. Н. Шульц на нижней оползневой площадке на Джангульском побережье обнаружил остатки, как он считал, скифо-сарматского городища. В 1986 г. на оползневых обрывах Джангуля сотрудниками Тарханкутской экспедиции ЛОИА АН СССР было открыто эллинистическое святилище, посвященное богине Тарге [Щеглов 1987; 1988]. Идет ли речь об одном и том же археологическом объекте или о разных? В 2009 г. при обследованиях берега удалось обнаружить только некоторую концентрацию невыразительных керамических фрагментов на одном из мысов уходящего в море оползневого побережья, что никак не проясняет ситуацию.

В конце 40-х и начале 60-х гг. XX в. П. Н. Шульцем были открыты отстоящие от берега и расположенные вдоль северного побережья оз. Донузлав, вплоть до его северо-восточной оконечности, скифские (по его мнению) поселения, однако материалы этих разведок, хранящиеся в архиве Крымского филиала Института археологии НАН Украины, и сейчас остаются не введенными в научный оборот, а и их принадлежность варварскому населению вызывала сомнение [Ланцов 2004, с. 62].

В 1949 г. А. А. Щепинским у д. Озерной на берегу оз. Донузлав были обнаружены обломки лепной керамики, встречающиеся в обресе берега на протяжении 100 м и конские кости в нескольких местах [Щепинский 1951, с. 115].

Наиболее активный период в исследованиях глубинных пространств Тарханкутского полуострова приходится на время строительства Северо-Крымского канала, которое заставило провести

экстренное обследование значительных площадей в северной и западной частях полуострова*. В основе своей эта работа была проведена силами Северо-Крымской экспедиции, возглавлявшейся в разные годы П. Н. Шульцем (1961, 1964), Е. В. Веймарном (1962 – 1963), А. А. Щепинским (1965 – 1976), В. Н. Корпусовой (1977 – 1978), В. А. Колотухиным (1981 – 1990) и С. Г. Колтуховым (1992 – 1995). При том, что основное внимание уделялось исследованию курганов, разведки носили более широкий характер, включая и побережье Каркинитского залива к северо-востоку от с. Межводное, а также окрестности озера Джарылгач, где А. А. Щепинским были открыты памятники античного времени в районе сел Северное, Веселая Долина, Гусевка, Портовое, Водопойное и других [Щепинский, Черепанова 1974, с. 62 – 65, рис. 1]. В 1972 г. Северо-Крымской экспедицией под руководством А. А. Щепинского были раскопаны 4 кургана выше по склону над п. Снежное. К сожалению, результаты раскопок этих курганов до сих пор полностью не опубликованы. Некоторые детали погребальных сооружений и описание сопровождающего инвентаря приводятся ниже в разделе о каменных ящиках западного и восточного Крыма. Поселения бронзового века Бурун-Эли и Бай-Кият в северо-восточной части Тарханкута раскапывались В. А. Колотухиным [Колотухин 2000].

В 2006 – 2007 гг. на склонах Тарханкутской возвышенности у Джарылгачского озера В. Б. Уженцевым, С. Г. Колтуховым, С. Б. Ланцовым и С. Л. Смекаловым были проведены обследования этого района в связи с землеотводом под строительство поля ветровых электростанций. В ходе этих исследований было картографировано большое количество курганов, но не было обнаружено никаких следов поселений. Сведения о некоторых поселениях в этом районе, упомянутые позднее в Отчете этих исследователей за 2007 г.** , базируются главным образом на данных, полученных в ходе работ 2007 г. по международному Джарылгачскому исследовательскому проекту (DSP).

Таким образом, до 2007 г. среди исследователей господствовало мнение о том, что все поселения античной эпохи были расположены исключительно в прибрежной зоне [Щеглов 1978, с. 30 – 35; Ланцов 2004; Lantsov, Uzhensev 2007]. Однако, как показали исследования по Джарылгачскому проекту 2007 – 2008 гг., здесь располагается целая сеть поселений, соседствующих с курганными могильниками, а также ясно видны следы землепользования, каменоломни и др. следы деятельности древнего человека.

Работы по международному Джарылгачскому проекту (2007 – 2008 гг.)

Зона исследований проекта DSP включала район озер Панское и Джарылгач, ограниченный с юго-востока вершинами склонов Тарханкутского поднятия и поселками Черноморское и Северное на юго-западе и северо-востоке соответственно. Изрезанные глубокими балками склоны Тарханкутской возвышенности от п. Черноморского до верховьев Джарылгачского озера представляют собой своеобразный природно-исторический ландшафт, одной из главных особенностей которого является его уникальная сохранность, особенно в центральной и восточной частях данного района. Весь район был объектом интенсивных исследований в 2007 – 2008 гг. в рамках проекта DSP. Так как в настоящее время готовится подробная публикация этих работ, здесь мы ограничимся только краткой характеристикой, базирующейся на вышедших публикациях [Бильде и др. 2007; Attema, de Haas 2008; Attema, Bilde, Williamson 2008; Attema 2008; Attema et al., forthcoming].

* Вероятно, именно глобальной задаче строительства оросительной системы были подчинены грандиозные земляные работы на южных склонах Тарханкутской возвышенности от п. Окуневка до Донузлавского озера, где были построены каналы, плотины, водоводы, водохранилища, так и не пущенные в действие. Возможно, работы были прекращены в связи с особенностями гидрогеологической обстановки: наличием карста в неогеновых известняках на Тарханкутской возвышенности. Рекомендации и предостережения в связи с прокладыванием веток Северо-Крымского канала были опубликованы еще в 1959 г. [Альбов 1959]. Строительными работами были, вероятно, разрушены древние поселения, чем и объясняется лакуна в их распространении в данном районе (рис. 112).

** См. [Уженцев и др. 2008, с. 27 – 28].

Склоны Тарханкутской возвышенности в районе Джарылгачского и Панского озер в значительной степени представляют собой степь, покрытую целинной растительностью, что делало невозможным использование блочной методики интенсивной разведки, применяемой в ходе Джарылгачского проекта на распаханых полях. Вместо этого разведки проводились на участках склонов группами по 5 человек, по заранее определенным маршрутам полосами в 50 метров, с выявлением всех находок в пределах 2-х метровой зоны. Фиксация маршрутов и регистрация находок проводилась с помощью миникомпьютеров, снабженных приемниками спутниковой связи (PDA).

В ходе пеших разведок и магнитометрии в мае и июне 2007 – 2008 гг. было открыто более полутора десятка поселений, почти все из них приурочены к мысам, находящимся в местах соединения глубоких балок, или к их склонам.

Визуальными признаками поселений являются остатки кладок прямоугольных каменных наземных построек. Размеры построек варьируют, однако, в большинстве случаев они не превышают 5 – 12 м в длину. В отдельных случаях, как на поселении Н06, их размеры могут достигать 25x50 м. Подъемный материал и материал из шурфов позволяет датировать эти комплексы IV – III вв. до н. э.

Остальные элементы предполагаемых поселений не видны на поверхности, их удастся выявить только с помощью магнитометрии.

На магнитных картах некоторых из поселений отчетливо проявились кольцевые каменные загородки (вероятно, загоны для скота). В данном регионе выявлено четыре местонахождения с такими «загонами». Все они имеют одинаковую структуру и состоят из меньшего по размеру круглого (диаметром от 20 до 25 м) и примыкающего к нему большего овального «загона» (размерами от 28x40 до 45x40 м) [Смекалова, Столба 2009, рис. 9]. Иногда в местах соединения одной ограды с другой можно наблюдать разрывы, вероятно, «входы». Имеются два варианта объяснения характера этих сооружений. По первой версии, двойные загоны служили для дойки домашних животных, по второй — для стрижки овец. И то, и другое объяснение находит аналогии в этнографическом материале. В сопутствующем «загонам» золистом слое нередко находки лепной керамики с так называемыми «расчесами», относящейся к эпохе поздней бронзы. Подчеркнем, что обнаружить и получить полный план этих каменных сооружений удалось лишь благодаря применению магниторазведки, так как на поверхности эти объекты никак не проявлялись. Над стеной одного из «загонов» был заложен шурф, который подтвердил их наличие и датировку временем поздней бронзы.

Другого типа объекты, выявленные с помощью магнитометрии — группы хозяйственных ям и полуземлянки [Смекалова, Столба 2009, рис. 10а,б, 19].

Повсеместно поблизости от предполагаемых поселений в рельефе местности и на магнитных картах проявляются также следы древнего землепользования в виде длинных низких земляных валиков и чередующихся с ними на расстоянии около 15 – 20 м небольших ровиков [см. рис. в статье: Бильде и др. 2007].

Таким образом, в ходе работ 2007 – 2008 гг. с помощью пеших археологических разведок, магнитометрии и выборочной шурфовки удалось зафиксировать следы жизнедеятельности древних людей: загоны для скота, жилые и хозяйственные постройки и ямы, следы межевания. В эллинистическое время вся территория склонов находилась в активном хозяйственном использовании.

Опыт работ 2007 – 2008 гг. в рамках Джарылгачского проекта позволил нам выработать ряд критериев выявления поселений в ландшафте, которые использовались в ходе работ 2009 г. на территории Тарханкута за пределами DSP.

О разведках поселений в 2007 г. на склонах Тарханкутского поднятия у оз. Джарылгач

Предположение о том, что в глубинных районах Тарханкутской возвышенности у Джарылгачского и Панского озер располагаются многочисленные поселения, соседствующие курганным группам, было высказано еще до начала полевых исследований весной 2007 г. [Смекалова 2007а, с. 89]. Такой вывод основывался на анализе доступных топографических и литературных матери-

алов, касающихся как самих курганов и курганных групп, так и их расположения в ландшафте. Однако первое поселение было обнаружено разведочной «пятеркой» в ходе маршрутных разведок по находкам немногочисленных обломков керамики, включая фрагменты синопских амфор, и остатков двух прямоугольных каменных сооружений, только во второй половине полевого сезона, в середине мая 2007 г. Для прояснения характера находки, которая вначале вызывала недоуменные вопросы и не была однозначно интерпретирована, 20 мая 2007 г. была проведена магниторазведка на первом из обнаруженных поселений (Н01) выше по склону над п. Снежное, давшая важные результаты, определившие прорыв в вопросе о поселенческих структурах на Тарханкутском полуострове. На магнитной карте очень четко проявились различные жилые и хозяйственные каменные строения и, что особенно важно, группы хозяйственных ям [см. рис.: Бильде и др. 2007; Смекалова, Столба 2009, рис. 10,а,б]. Впоследствии на склонах Джангульского увала было обнаружено более 15 поселений. Именно в ходе работ по DSP были выработаны визуальные критерии, по которым затем проводилось выявление поселений в ходе автомобильно-пеших разведок по Западно-Крымскому археологическому проекту.

Изучение курганных могильников велось в две стадии. На первой изучалось пространственное распределение курганов по детальным картам, аэро- и космическим снимкам, на второй — их разведка, описание и фиксация в полевых условиях.

Детально методика исследований, применяемая в ходе Северо-Западного археологического проекта, описывается в следующем разделе.

МЕТОДИКА

Для выявления археологических памятников на территории Тарханкута применялась комплексная методика, сочетающая дистанционные, картографические, геофизические, а также традиционные археологические методы разведок и выборочные раскопки. Основным полевым методом выявления археологических памятников являлись автомобильно-пешие разведки, в ходе которых для обнаружения поселений использовались ландшафтные критерии, выработанные в ходе предшествующих работ 2007 – 2008 гг. (излагаются ниже). Методика исследований уже освещалась ранее в предварительной публикации [Смекалова, Столба 2009, с. 5 – 7]. В связи с тем, что методологическая часть работы была одной из важнейших в наших исследованиях, позволим себе еще раз вернуться к этому вопросу в данной публикации и подробно описать методику работ в дополненном и несколько переработанном виде.

Карты

GIS-основой для документации вновь открытых и ранее известных памятников послужила оцифрованная полуверстовая карта конца XIX в., отдельные листы которой были собраны в программе MapInfo. Эта же программа использовалась для фиксации, хранения, а также анализа и графической визуализации пространственных данных, полученных в ходе работ по проекту.

Такие археологические объекты как курганные насыпи, дороги, разновременные (древние?) системы размежевания, а также источники воды, включая родники и колодцы, наилучшим образом показаны на полуверстовой военно-топографической карте Крыма (масштаба 1:21 000) конца XIX в. Несмотря на то, что некоторые, в основном, малые курганы на ней не показаны, их процент по отношению к изображенным на карте невелик и, можно надеяться, одинаков по всей территории Крыма. Поэтому данная карта подходит для сравнительного анализа распределения курганов всего Крыма (рис. 111) [Смекалова, 2009а].

Кроме этого в работе использовались следующие карты:

— 1837 г. Корпуса военных топографов, созданная на основе топографических съемок полковника Бетева в верстовом масштабе (1:42 000);

— 1865 г., построенная на основе предыдущей и уточненная по результатам рекогносцировок 1865 г. (карта хранится в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в г. Москве);

- 1946 г., составленная в 1941 г. по карте масштаба 1:42000 изд. 1933 г. и масштаба 1:84 000 изд. 1931 г., исправленная по материалам НКЗ Крым АООР;
- 1950-х гг., с уточнениями 1980-х гг. по результатам аэрофотосъемки, масштаб 1:25 000.

Космические снимки

Особую роль в разведках поселений сыграли космические снимки высокого разрешения, помещенные в программный ресурс Google Earth, а также заказанные через компанию Eurimage (Италия) архивные спутниковые фотографии, полученные с помощью системы Quick Bird. Первоначально эти снимки играли скорее иллюстративную роль, но, как только стало ясным, что архитектурные остатки древних поселений прекрасно «читаются» на космических фотографиях, роль последних в наших исследованиях изменилась. На тех территориях, для которых имелись высокоинформативные космические снимки, методика разведок была модифицирована. Теперь спутниковые фотографии стали играть самую активную роль. На первом этапе они детально изучались в интернете on-line до выезда в поле. Увеличенные изображения обнаруженных объектов в окружающем ландшафте копировались и распечатывались для использования фотографий в ходе маршрутных выездов. GPS координаты каждого из выявленных объектов (жилых и хозяйственных построек, «загонов», курганов, следов землепользования) считывались из программного ресурса Google Earth и вносились в рабочий прибор GPS.

Маршруты полевых разведок составлялись так, чтобы наиболее эффективно обследовать все выявленные по космическим снимкам объекты. Их GPS координаты, считанные из интернета, служили в качестве навигационных точек при работе GPS приемника в режиме “go to”, поэтому обнаружение искомым объектов на местности не составляло труда и занимало минимально возможное время.

Особенно удачным с точки зрения нахождения поселений оказался снимок территории Тарханкута, захватывающий Меловое на западе и Окуневку и Чокрак на востоке. С помощью этого снимка были обнаружены не менее 15 крупных поселений (№№101 – 115). Части этого снимка использованы и в данном каталоге для иллюстрации планов выявленных поселений.

Аэрофотоснимки

Аэроснимки 1959, 1971 и 1974 гг., хранящиеся в архиве аэрофотодокументов Института археологии РАН, послужили ценным источником для выявления археологических памятников на территории Тарханкутского полуострова, в особенности, следов древнего размежевания, землепользования и дорог. Снимки были отсканированы и прошли компьютерную обработку и интерпретацию с помощью программ Photoshop и Surfer. Аэрофотографии 1959 г. до сих пор являются практически единственным доказательством существования межевого деления Тарханкута, открытого А. Н. Щегловым в 1979 г. (рис. 17).

Магнитная разведка

Магниторазведка стала важным этапом в исследованиях, так как она позволяла выявлять невидимые на поверхности загоны для скота, хозяйственные ямы и полуземлянки, как правило, сопутствующие наземным каменным постройкам. Благодаря этому виду геофизической съемки удалось идентифицировать поселения эпох поздней бронзы и эллинизма во время предыдущих полевых кампаний DSP 2007 и 2008 гг. Успешное применение магниторазведки обуславливалось наличием достаточного контраста магнитных свойств искомым археологических объектов и окружающей среды, а также небольшой глубиной залегания и малой мощностью культурного слоя или однослойностью исследуемых памятников. С помощью магниторазведки удалось получить детальные планы поселений бронзового и железного веков на склонах Тарханкутской возвышенности и выявить такие их элементы, как двойные загоны для скота и прямоугольные каменные жилища на поселениях эпохи бронзы [Смекалова, Столба 2009, рис. 9], и группы хозяйственных ям, полуземлянки и наземные каменные постройки на поселениях эллинистического времени [Смекалова, Столба 2009, рис. 10, 19]. С помощью этого метода был получен точный план открытой в 2007 г. ранее неизвестной усадьбы IV в. до н. э. Скалистое, расположенной на северо-запад-

ном побережье Тарханкута южнее поселения Маслины [Смекалова, Столба 2009, рис. 11] и ряда крупных нераскопанных строительных комплексов на поселении Панское [Смекалова, Столба 2009, рис. 12 – 14]. Для измерений применялась одно- и четырехдатчиковая система на основе градиентометра GSM-19WG производства канадской фирмы Gem Systems (рис. 18). Расстояние между линиями выдерживалось 0,5 м и между точками на линии — 0,3 м. С помощью детальной магнитной съемки были получены данные о характере, планировке и протяженности археологических памятников.

Визуальное обследование

Разведки проводились по маршрутам, выбранным предварительно на основании ландшафтных особенностей обследуемого района и данных космических снимков. Географические координаты выявленных памятников считывались с космических снимков из интернет-ресурса Google Earth, в поле фиксировались с помощью приборов спутниковой навигации (GPS приемников) и помещались на детальную топографическую карту (оцифрованную полуверстовую карту конца XIX в.). Все полученные данные объединялись в единую геоинформационную систему с помощью компьютерной программы MapInfo и подвергались комплексному анализу. В результате была получена целостная картина распределения археологических памятников на Тарханкутском полуострове и определены закономерности их положения в природно-историческом ландшафте. GPS координаты выявленных объектов, измеренные в системе координат WGS 84, собраны в таблицу и включены как приложение в Отчет о разведках 2009 г. для Полевого комитета Института археологии НАН Украины.

Выборочные археологические раскопки

Для получения дополнительных данных для хронологической и культурной атрибуции памятников, особенно в тех случаях, когда это не могло быть надежно установлено на основании подъемного материала, проводилась выборочная шурфовка памятников. Места раскопок выбирались на основе данных, полученных с помощью магнитометрии. Шурфы закладывались как на месте строительных комплексов, так и над хозяйственными ямами, выявленными по данным магниторазведки.

ЛАНДШАФТНЫЕ КРИТЕРИИ ВЫЯВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

В отличие от погребальных памятников (курганов и курганных групп), которые обычно занимают наиболее заметное положение в окружающем пространстве, поселения, соответствующие этим могильникам, выявить достаточно сложно. При поиске поселений мы руководствовались теми критериями их положения в ландшафте, которые были выработаны, в основном, во время проведения Джарылгачского проекта, а также дополнены в ходе работ по Западно-Крымскому проекту. Эти критерии уже излагались в предварительной публикации [Смекалова, Столба 2009, с. 7 – 9]. Поскольку именно выявленные визуальные признаки поселений позволили их впервые обнаружить на обширных глубинных пространствах Тарханкутского полуострова, позволим себе привести их в данной публикации еще раз в более развернутом и детальном виде.

Поселения

Геоморфологические признаки

Расположение поселений в окружающем ландшафте обнаруживает строгую закономерность. Они располагаются на специфических формах рельефа: почти исключительно на мысах в местах соединения двух балок, на их склонах, редко (при отсутствии балок, как на южном берегу Тарханкута) — на ровных местах склонов и вершин Джангульского и Мелового увалов и на равнинных участках. Иногда поселения располагаются и на высших точках Тарханкутского плато (в районе Мелового), но тогда они, как правило, состоят не только из жилых и хозяйственных построек. На

их территории обязательно присутствуют также загоны для домашних животных. Довольно типичным является нахождение поселений на первой пойменной террасе в придонной части балок. Последнее характерно, прежде всего, для поселений разветвленной балочной системы северо-западного побережья Тарханкута. Наиболее крупные поселения, как правило, располагаются у истоков крупных балок, они также зафиксированы нами на северо-западе Тарханкута.

Такой выбор местоположения поселений объясняется, вероятно, прежде всего, возможностью укрытия людей и скота от холодных ветров в осенне-зимнее и, особенно, в весеннее время, когда у домашних животных появлялся приплод. Причудливые изгибы балок позволяли спрятаться от пронизывающего ветра любого направления и получить живительное тепло на прогреваемых склонах, обращенных к югу. Любопытно, что такие же закономерности расположения прослеживаются и для крымскотатарских селений, начиная с XVIII в., в чем можно убедиться по местонахождению деревень на карте Мухина 1817 г. (рис. 10).

Гидрогеологические особенности

Привязка поселений к балкам объяснялась, кроме того, оптимальными гидрогеологическими условиями такого положения. У дна глубоких балок, прорезающих многометровую толщу известняков, являющихся водосборным слоем, легче достигнуть водонесущего горизонта глин путем рытья колодцев (см. раздел о гидрологической ситуации).

Удаётся подметить, что особенно «ценными», с точки зрения древних жителей, были те места, где балка прорезала горизонт известняков, так что край пласта обнажался, образуя естественный «срез» водонесущего слоя, высохший «водопад». Не исключено, что в этих местах балок находились временные источники, изливающиеся в зимне-весеннее время после снеготаяния и ливневых дождей. Наши наблюдения показывают, что почти возле каждого такого потенциального источника имеется поселение (например, поселения Н01, Н02, Н08, 2, 115 и др.).

В верховьях оврагов существовала возможность сооружения плотин для удержания воды в зимне-весенний период. Именно в этих местах сосредоточены наиболее крупные поселения, находящиеся в северо-западной части Тарханкута. Здесь овраги еще не углубились до пористых известняков, поэтому влагу легче было удерживать в запрудах.

Характер растительного покрова

Яркими внешними признаками поселений в весенне-летний период являются сочетание специфической растительности, состоящей из колючего травянистого кустарника расторопши (*Silybum Marianum*), дикого лука, иногда полыни (*Artemisia*), с некоторыми другими цветущими растениями, такими как лен дикий (*Linum*). Только весной и в начале лета можно наблюдать такое разнообразие красок цветов, которые растут избирательно на участках древних поселений, но уже в середине лета солнце выжигает все травянистые растения, окрашивая все пространство в желтую и серо-бурую краски.

Почвенные признаки

Важной приметой поселений эпохи бронзы является мощный золистый грунт, как правило, с большим количеством обломков костей. Для поселений разных эпох характерно большое количество нор грызунов, а также лис. Существенно, что поселения никогда не основывались на выходах скалы, они располагаются на площадях с достаточно хорошим грунтом, который, как правило, находится непосредственно ниже по склону относительно горизонта выхода известняков.

Архитектурные остатки

Каменные наземные строения, встреченные нами на многочисленных поселениях, чаще всего, почти прямоугольных или округлых очертаний, но стены их практически никогда не образуют геометрически правильных форм. Это отличает их от построек на античных поселениях, например, от усадеб херсонесского типа.

Остатки кладок построек, предположительно, относящихся к эллинистическому времени, и сейчас хорошо заметны на поверхности. Они прекрасно «читаются» также на космических сним-

ках высокого разрешения. Тесаные плиты в строительстве не применялись, кладка в основе состоит из крупных необработанных камней, часто стоящих на ребре (рис. 69, 84, 94). В некоторых случаях удается заметить, что кладка внешних стен двухфасная (см. рис. 25 — дом на поселении 3, а также рис. 55, 59, 67, 71, 76, 102, 136 и др.). Пространство между лицевым и внутренним «фасами» заполнено мелкими дикарными камнями. В углах зданий, как правило, стоят крупные камни. Перечисленные строительные приемы следует, вероятно, считать характерными для поселений эллинистического времени.

Зачастую, однако, можно наблюдать, что стены зданий были сложены из мелкого камня и, возможно, глины, так что в настоящее время руины «домов» представляют собой всхолмления, «подушки» из этих материалов. Является ли этот строительный прием культурным или хронологическим индикатором, или он соответствует местностям с другими природными условиями, предстоит ответить в ходе будущих исследований.

Внутри прямоугольных построек, ближе к их середине, во многих случаях видны два наиболее крупных плоских камня, поставленных на ребро, маркирующих, вероятно, вход в здание или проход между его двумя помещениями (рис. 19, 20, 132 и др.). Удаётся заметить, что постройки были многокамерными, часто с внутренним двором. Иногда две соседних постройки находятся близко друг к другу, а между ними имеется огороженное пространство (двор?), их объединяющее. Средние размеры прямоугольных построек — 10x12 м, но имеются значительные отклонения, как в сторону уменьшения, так и увеличения размеров.

Почти обязательным является наличие более мелкой постройки поблизости от основной, большой. На поверхности такие мелкие постройки выглядят как довольно аморфное скопление камней среднего и мелкого размеров. На многих поселениях, особенно, на вершине Мелового (Тарханкутского) поднятия, имеются круглые загоны для скота с небольшими каменными пристройками с одной стороны загонов.

Как показали данные магнитометрии с последующей шурфовкой в районе Джарылгачского озера, кроме большой и малой построек в строительный комплекс обязательно входила группа ям числом от одной-двух до нескольких десятков (до 33), а также, изредка, полуземлянки. Последние два вида объектов на поверхности определяются только по густой специфической растительности и обилию нор грызунов, в выбросе из которых часто можно найти фрагменты керамики. Эти объекты могут быть точно выявлены только с помощью магнитной съемки [Смекалова, Столба 2009, рис. 10,а,б, 19, 26]. Впервые в районе исследования на нескольких поселениях были выявлены структуры, походящие на большие ямы-зернохранилища, окруженные кольцом из столбовых ям, являющимся, вероятно, остатками навеса. Таким образом, строительный комплекс, предположительно, эллинистического времени состоял из трех или четырех обязательных компонентов: большая постройка — малая постройка — группа ям — загон для скота и, иногда, полуземлянка и зольники [Смекалова, Столба 2009, рис. 10,а,б]. Строительные комплексы расположены на довольно большом расстоянии друг от друга (20 – 50 м). Они не имеют никаких оборонительных сооружений.

Стены построек эпохи поздней бронзы, по нашим наблюдениям, обычно выступают над поверхностью земли меньше, чем находящиеся неподалеку поселения эллинистического времени.

Курганы

Основным источником для составления карты распространения курганов, как уже говорилось, была выбрана полуверстовая карта Крыма конца XIX в., поскольку на ней наиболее полно представлена эта категория археологических памятников. Всего по полуверстовой карте Крыма удалось выявить более 15,5 тысяч курганов (рис. 111).

На построенной карте очень четко видны места концентраций курганов и курганных групп. Можно выделить три таких района: восточная часть Керченского полуострова, полуостров Тарханкут и район крымских предгорий. Скопление курганов в этих регионах во много раз превосходит концентрацию курганов в остальной, срединной части Крыма. В районе Тарханкута общее число курганов по данным картографии — не менее 5000.

В западном Крыму расположение курганов подчиняется нескольким различным закономерностям. Наиболее крупные курганы находятся, как правило, на вершинах водоразделов и следуют через определенные промежутки, возможно, равные пределу видимости. Масса других, более мелких курганов, образующих линейные кластеры, располагаются не вдоль, а поперек направления главных хребтов, по склонам увалов. На полуверстовой карте конца XIX в., на карте масштаба 1:25 000, а также на карте рельефа (рис. 112, 113) хорошо видно, что эти группы находятся на возвышенных частях между балками, спускающимися по склонам. Курганы располагаются необыкновенно тесно короткими цепочками, они как бы «сбегают» по склонам вниз.

Курганные насыпи состоят из камней мелкого и среднего размеров и грунта; почти во всех случаях достаточно четко прослеживается круговая обкладка из крупного дикарного камня. Многие из курганов имели каменный склеп с дромосом или каменную гробницу (гробницы) в виде ящика. Курганы располагаются небольшими группами от 2-х до 10 – 12-ти, всегда на наиболее возвышенных, каменистых частях водоразделов между двумя балками или иных возвышенностях.

Изучение курганов на Тарханкуте было двухэтапным. На первом этапе курганы выделялись по детальным топографическим картам (в основном, по полуверстовой карте конца XIX в. и карте масштаба 1:25 000 второй половины XX в.), а также наблюдались по детальным космическим снимкам и архивным аэрофотографиям.

На втором этапе курганы исследовались в ходе полевых маршрутов. При этом фиксировались их точные географические координаты, делались описания и фотоснимки внешнего вида, измерялись их геометрические размеры в плане (с помощью лазерного дальномера и мерных рулеток) и высота (с помощью цифрового барометра). Там, где это было возможным, измерялись параметры и фотографировались детали внутреннего устройства курганов (каменных ящиков, дромосов и склепов). Фиксировалось также наличие оградок возле курганов, измерялись их величины, проводилась точная инструментальная топографическая съемка некоторых курганных групп.

КАТАЛОГ ОТКРЫТЫХ ПАМЯТНИКОВ

На основе изложенной выше методики работами 2007 – 2009 гг. было выявлено более 100 поселений эпохи бронзы и раннего железного века и более 5000 курганных насыпей (см. рис. 112).

Характер распределения выявленных памятников позволяет выделить пять основных кластеров, в соответствии с которыми и будет дано описание объектов:

- 1) Юго-Западный район;
- 2) Южный район;
- 3) Северо-Западный район;
- 4) Центральный район;
- 5) Северный район (Джарылгач).

Северный район изучался в ходе Джарылгачского исследовательского проекта. В настоящее время готовится подробная публикация этих работ, поэтому в данном каталоге мы дали только краткую характеристику этих исследований, базирующуюся на вышедших публикациях (см. раздел «Работы по международному Джарылгачскому проекту (2007 – 2008)»).

Юго-Западный район

Поселения этого района располагаются на юго-западном склоне и вершине Мелового (Тарханкутского) увала (рис. 114). В ландшафтном отношении он отличается от северной части Тарханкута тем, что в силу геологического строения здесь почти нет глубоких балок. Однако, поселений здесь не меньше, чем в других частях Тарханкута, они достаточно выразительные и довольно большие по размерам.

К юго-востоку от урочища Меловое, ниже крупных курганных групп, спускающихся длинными цепочками по склону, располагаются поселения 1, 2, 3 и 115, еще восточнее находится маленькое

поселение 8 (рис. 114, 115). Эти поселения состоят из каменных прямоугольных больших построек и малых построек рядом с ними. Судя по густой и характерной растительности, поблизости имеются группы хозяйственных или зерновых ям, иногда — зольники. На поселениях 1 и 3 таких комплексов можно насчитать не менее девяти, на поселении 2 — пять, на поселении 115 — четыре. Особенно хочется отметить превосходную сохранность и достаточно высокую технику строительства одного из «домов» на поселении 3 (см. рис. 25). Очень хорошо видны двухфасные внешние стены «дома», их прямоугольные сочленения, деление на внутренние помещения. Размеры этого дома — 13,5x22,6 м. На поселении отчетливо виден зольник и более мелкие постройки.

На вершине и начале южного склона Мелового увала имеется множество небольших курганов с каменными насыпями. Внутреннее строение нескольких курганов можно наблюдать из-за того, что курганы разграблены, и в грабительских ямах и проломах обнажились стены и остатки перекрытия склепа. Насыпи курганов сложены целиком из камней среднего и мелкого размера. В двух курганах (Северный курган в курганной группе к северо-западу от поселения 2 и №255) очень хорошо видна внутренняя структура склепов: стены сложены из необработанного камня, положенного плашмя, свод уступчатый (купольный), из крупных необработанных плит, постепенно сужающийся к середине (рис. 23 – 24 и 31 – 32). С юго-восточной стороны имеется дромос, стены и перекрытие которого сложены из крупных плит. Во многих случаях прослеживается кольцевая стена из крупных камней, окружающая центральную гробницу. Пространство между оградой и ящиками заполнено мелкими камнями.

Довольно часто (не менее семи раз) нами были встречены ограды, примыкающие к курганам (курганы Северный и 261 к северу от поселения 2; курган 164 у поселения 101; курган 180 у поселения 107; курган 194 у поселения 105; курган 202 у поселения 108, курганная группа 953 в центральной части Тарханкута), обычно прямоугольной формы со скругленными углами, построенные в той же технике, что и стены домов на поселениях. Кладка огораживающих стен состоит из двух рядов камней, поставленных на ребро, среднее пространство между которыми заполнено мелкими камнями. Внутри ограды травянистая растительность значительно более густая, чем вне ее. Эти курганы и «ограды» часто хорошо видны на космических снимках.

Недалеке от поселения 3, на берегу морской бухты В. Ф. Столбой было открыто неизвестное до сих пор античное поселение или усадьба, которое было названо Меловым по ближайшему населенному пункту (рис. 114, 115) [Смекалова, Столба 2009, с. 13, рис. 37 – 38]. Его следы хорошо видны на космическом снимке, из программы Google Earth. Поселение состоит из двух отличающихся комплексов. Первый, вероятно, эллинистическая усадьба, часть которой уже обрушилась в море. Усадьба огорожена прямоугольной двойной оградой. В береговом обрыве можно обнаружить большое количество керамических фрагментов (амфор, тонкостенной гончарной и лепной посуды), массу кремневых отщепов. Остатки культурного слоя и множественные керамические фрагменты были встречены также на мысу к северо-западу от «усадьбы». Второй комплекс находится на восточном берегу бухты и представляет собой остатки какого-то крупного строения, стены которого сложены из мелкого камня. Этот строительный прием сближает данную постройку с постройками на поселении Ойрат 2 (см. далее).

Поселение 1

Находится в юго-западной части Тарханкутского полуострова, к востоку от урочища Меловое, ниже по склону относительно большой курганной группы, имеющей вытянутую форму, располагающейся по вершине водораздела между двумя неглубокими балками (рис. 114, 115). Поселение, очевидно, относится к данной курганной группе. К северу находится поселение 2.

Поселение 1 располагается на ровной поверхности склона на восточной стороне неглубокой, едва заметной балки. Состоит не менее чем из девяти построек. Наиболее крупные и хорошо выраженные среди них — «дом» 3 размерами 9,0x9,3 м, «дом» 4 (10,4x11,9 м) и «дом» 5 (8,6x15 м) (рис. 19).

Кладка «домов» состоит из необработанных камней, которые часто поставлены на ребро. В некоторых случаях имеются два больших камня, стоящих на ребре, вероятно, маркирующих вход в «дом», как, например, в «домах» 5 (рис. 19) и 7 (рис. 20).

Подъемный материал представлен более полутора десятком фрагментов амфорных стенок. Площадь поселения 1 — около 1,5 га. Сохранность остатков кладок на поселении хорошая.

Поселение 2

Находится в южной части Тарханкутского полуострова, к востоку от урочища Меловое, северо-восточнее поселения 1 (см. рис. 114, 115). Как и последнее, поселение 2 располагается ниже по склону относительно большой курганной группы, находящейся на вершине водораздела.

Поселение 2, очевидно, относится к данной курганной группе. Оно располагается в непосредственной близости от курганов, ниже по склону, по обеим сторонам небольшой балки. Дома поселения видны на космическом снимке в виде расплывчатых светлых пятен.

Поселение 2 состоит не менее чем из 5 каменных наземных построек. Размеры «дома» 1 — 10,4x6,5 м, «дома» 2 — 16,5x14,4 м, «дома» 3 — 9,7x6,1 м, «дома» 4 — 15,1x13,9 м, «дома» 5 — 8,2x8,6 м.

«Дома» 3 и 4 — смежные, находятся рядом, между ними, возможно, имелся огороженный двор размерами 16,6x12,7 м. Подобное явление мы наблюдали и на многих других поселениях Тарханкута. На поселении имеется зольник.

Сохранность остатков кладок хорошая. Площадь поселения — 1,5 га. Подъемный материал представлен четырьмя обломками амфор и таким же количеством мелких фрагментов лепных сосудов, включая небольшой фрагмент венчика с пальцевыми вдавлениями по краю.

Курганная группа к северо-западу от поселения 2

Над поселением 2, на вершине склона, к северо-западу имеется группа курганов, насчитывающая более десяти насыпей, сложенных целиком из камней среднего и мелкого размера (рис. 21). Внутреннее их строение можно наблюдать благодаря тому, что в грабительских ямах обнажились стены и остатки перекрытия склепов. В одном из курганов (Северном) стены склепов сложены из необработанных каменных плит, смещение которых и сдвиг в сторону центра образуют сводчатое перекрытие камеры (рис. 24). С юго-западной стороны отчетливо виден дромос, сложенный из крупных плит (рис. 22, 23).

Примечательно, что возле двух соседних курганов имеется соединяющая их ограда прямоугольно-округлой формы, сложенная в той же технике, что и стены домов на поселениях. Кладка огораживающей стены состоит из двух рядов камней, поставленных на ребро, среднее пространство между которыми заполнено мелким камнем. Ограда начинается от дромоса северного кургана и идет в направлении Ю-В на расстояние 12,3 м. После этого она сворачивает и идет в направлении Ю-З на расстояние 12,9 м до соседнего кургана. От этого кургана ограда идет в направлении В-З на расстояние 19,3 м и затем в направлении С-Ю на 21,9 м. Внутри образовавшейся ограды неправильной формы иная растительность. Это, в основном, злаковая высокая и густая растительность, в отличие от скудной степной растительности за пределами ограды. Курганы с оградой очень хорошо видны на космическом снимке. Проведенная магнитная съемка не выявила следов горения или каких-либо ям и заглаблений [Смекалова, Столба 2009, рис. 36]. Подобные ограды были встречены на нескольких курганных группах в юго-западной и центральной части Тарханкута (см. далее).

Поселение 3

Находится в южной части Тарханкутского полуострова, к югу от с. Меловое, юго-западнее поселения 1 на плоском пологом склоне (см. карты на рис. 114, 115).

Поселение состоит не менее чем из 8 крупных каменных наземных построек («домов»), небольшой постройки и зольника, который находится к северу от домов 2 и 3. Размеры «дома» 1 — 12,9x11,5 м, «дома» 2 — 13,5x22,6 м. «Дома» очень хорошей сохранности, особенно, «дом» 2, у которого можно наблюдать планировку и двухфасную кладку стены (рис. 25).

Здесь была проведена магнитная съемка, результаты которой свидетельствуют, что дом 2 являлся большой прямоугольной правильной в плане постройкой, состоящей из двух рядов одина-

ковых помещений, идущих вдоль северной стены, и одного ряда таких же помещений, идущих вдоль западной стены (рис. 26,а,б) [ср. с рис. 11, 13 – 15 в работе: Смекалова, Столба 2009]. Ближайшая аналогия этому строению — усадьба Скалистое и поселение Панское. Магнитные аномалии на поселении 3, однако, очень слабые, хотя и весьма четкие. Небольшие величины аномалий свидетельствуют о том, что поселение, вероятно, однослойное, пожаров на его территории не было. Заполнение помещений этого строения слабомагнитное.

Подъемный материал составили только четыре обломка лепных сосудов. Площадь поселения — более 2 га.

Размеры еще одного «дома» на поселении 14,4x17,5 м, маленькой постройки — 4x3 м.

Курганная группа у поселения 3

Информация о курганах с каменными насыпями, располагающимися по вершинам водоразделов с восточной и западной сторон относительно поселения 3 (см. рис. 115), сгруппирована в Таблице 1.*

Таблица 1

Номер кургана на карте (рис. 115)	Описание курганной группы у поселения 3	Диаметр (м)	Высота (м)
31	Каменная насыпь	15	0,7
32	Каменная насыпь	20	1
33	Каменная насыпь, виден каменный ящик, большие плиты в центре	17	0,6
34	Каменная насыпь, виден каменный ящик, следы недавнего разграбления	15	0,7
35	Каменная насыпь, вскрытый каменный ящик	13	0,6
36	Каменная насыпь	18	1
37	Каменная насыпь	16	1
38	Каменная насыпь, следы недавнего разграбления	10	0,5
39	Каменная насыпь	13	0,5
40	Каменная насыпь	15	0,5
41	Каменная насыпь	12	0,5
42	Каменная насыпь	16	1,1
43	Каменная насыпь, в центре плита, ограблен	20	1,3
44	Каменная насыпь	17	0,5
45	Каменная насыпь, следы недавнего ограбления	15	0,7
46	Каменная насыпь, следы недавнего ограбления	14	0,5

Поселение 115

Находится в южной части Тарханкутского полуострова, в 2-х км к северу от поселения 1, на восточном берегу безымянной небольшой балки, врезающейся в слой известняка (см. карты на рис. 114, 115). Поселение было открыто во время просмотра снимков в интернет-ресурсе Google Earth, на котором очень четко видны не менее четырех крупных и несколько мелких строений.

Как показали визуальные обследования, проведенные на местности, поселение состоит не менее чем из 4-х крупных каменных наземных построек («домов») и двух небольших построек (или захоронений в виде заглубленных каменных ящиков). По данным космического снимка и натурных обмеров удалось построить план этого поселения (рис. 27). На космическом снимке помимо строений заметны полосы — следы обработки земли, показанные на плане поселения в виде штрихпунктирной линии.

Наилучшую сохранность имеет «дом» 1 (рис. 28), его размеры 17,5x21,5 м. Он имеет сложную внутреннюю структуру. Довольно четко виден двор (размерами 5,0x7,6 м), с северо-западной и северо-восточной стороны окруженный помещениями. К этому комплексу примыкает какое-то огороженное пространство с юго-восточной стороны. Интересно, что всего в 13 м к юго-востоку

* Наблюдения и измерения проводились А. Е. Пасуманским.

от большого «дома» находится, вероятно, маленький каменный курган диаметром не более 7 м с полностью заглубленным в землю каменным ящиком (ящ. 1 на рис. 27). Этот курган практически включен в жилой и хозяйственный комплекс, так как он соединен с последним каменной оградой или стеной.

Размеры «дома» 2 — 10,6x14,2 м, «дома» 3 — 11x12,5 м. «Дом» 4 состоит, вероятно, из двора размерами 10,0x12,3 м и помещения размерами 11,9x13,3 м.

В 15,5 м к западу от «домов» 3 и 4 находится, возможно, еще один маленький курган, размеры которого не более 5 м в диаметре (ящ. 4 на рис. 27).

Строения хорошей сохранности, особенно «дом» 1, у которого можно наблюдать планировку и двухфасную кладку стены, но, к сожалению, эти строения буквально на глазах разбираются местными жителями на строительный камень. В скором времени, если этот разрушительный процесс не будет остановлен, от поселения не останется видимых следов.

Подъемный материал составил только один обломок амфорной стенки. Площадь поселения — 1 га.

Неподалеку от строений, в балке находится, вероятно, пересыхающий родник. Здесь обнажается слой известняка, в который врезана балка, имеется углубление, заросшее густой мятой.

На другой, западной стороне балки, на возвышенном месте находится довольно крупный и хорошо сохранившийся курган диаметром 12 м с каменным ящиком из крупных плит (рис. 29).

Курганы на плато севернее поселений 2 и 115

Севернее поселения 2 и к северо-востоку от поселения 115 на каменистом плато на вершинах окружающих холмов находится огромное количество небольших по размеру курганов (рис. 116). Все они имеют насыпи, сложенные из мелких камней. Часто на вершине курганов находятся очень крупные плиты, оставшиеся от центральной гробницы. Во многих случаях заметно каменное кольцо, сложенное из крупных камней.

Наиболее яркой является курганная группа, состоящая из трех курганов (№№255 – 257), находящихся на мысу, которым заканчивается каменистое плато в 750 м к СС-В от поселения 2 (рис. 116). А. А. Долговым и А. В. Рыбкой была проведена точная инструментальная топографическая съемка этой курганной группы (рис. 30).

Очень интересен самый крупный курган (№255), внутреннее строение которого можно отчасти наблюдать из-за того, что сводчатый свод подкурганной гробницы обрушен. Насыпь кургана состоит из мелких камней (рис. 31). С юго-восточной стороны находится дромос, длина которого 4,9 м, ширина 0,7 – 0,75 м. Стенки дромоса сложены из крупных плит, поставленных на ребро. Стены погребальной камеры размерами 2,5x2,0 м (измерено на глубине 0,9 м от верхней плиты свода) состоят из плоских необработанных камней, положенных плашмя. Свод камеры слагают огромные плиты известняка толщиной от 0,25 до 0,35 м, постепенно сближающиеся по направлению к середине камеры, образуя уступы (рис. 32). С юго-восточной стороны камеры находится дромос, который у входа в камеру перекрыт колоссальной плитой (рис. 33). Подобное же внутреннее строение мы наблюдали у Северного кургана в курганной группе у поселения 2 (см. описание выше, ср. рис. 21 – 24).

Другой курган, входящий в эту группу (№256), очень низкий, его размеры в плане 10,5x11,5 м. Насыпь состоит из мелких камней (рис. 34).

Курган №257 из этой же группы имеет высоту каменной насыпи 0,7 м, диаметр 12 м. В погребальную камеру ведет дромос (рис. 35).

Курган №261 находится выше по склону относительно данной курганной группы. Курган имеет каменную насыпь диаметром 16 м, высотой 0,9 м. Он примечателен тем, что возле него находится каменная прямоугольная загородка (размеры сторон 8,4, 10,8 и 10,5 м), примыкающая к кургану с северо-западной стороны. Стенки загородки сделаны из мелких камней.

Данные об остальных курганах, собраны в Таблице 2.

Между курганами на каменистом плато в нескольких местах есть следы каменоломен, возможно, древних (рис. 37). Повсеместно свежие следы выборки камня и камни, сваленные в кучи, приготовленные к отправке машинами.

Таблица 2

Номер кургана на карте (рис. 116)	Описание курганной группы к северу от поселений 115 и 2	Диаметр (м)	Высота (м)
254	Каменная насыпь, кольцо из камней диаметром 8 м	15	0,7
258	Каменная насыпь	17	0,7
259	Плоская насыпь, кольцевая стенка диаметром 9 м	12	0,1
260	Рядом с 259 прямоугольное углубление в скале	1,2x0,3	
262	Каменная плоская насыпь, камень частично выбран	8,5	0,1
263	Каменная насыпь, ящик с плоской плитой	12	0,7
264	Каменная насыпь, ящик	9,5	0,6
265	Каменная очень низкая насыпь	7	0,1
266	Высокая земляная насыпь, камень выбран	10,5	1,3
267	Каменно-земляная насыпь, внутреннее кольцо	13,5	0,7
268	Овальная насыпь, выборка камня (рис. 36)	16x20	0,8
269	Большая каменно-земляная насыпь	19	1,2
270	Широкая насыпь, выборка камня	21x24	0,7
271	Каменная насыпь, каменное кольцо диаметром 9 м	12	0,3
272	Низкая каменная насыпь	8	0,1
273	Каменная насыпь, кустарник, плиты наверху	15	0,5
274	Большая каменная насыпь, огромные плиты	17	0,9
275	Плоский курган с каменным кольцом	15	0,1
276	Очень маленькая каменная насыпь	6	0,1
277	Большая каменная насыпь	15	0,7

Поселение 102

Обнаружено по космическому снимку высокого разрешения. Находится в южной части Тарханкутского полуострова, в 2-х км к северо-востоку от поселения 2, на той же высотной отметке, что и последнее (рис. 116). Состоит из пяти наземных каменных построек, стены которых сложены из мелкого камня. Постройки 1 и 2 — маленькие, размерами примерно 5x7 м. Постройка 3 несколько больших размеров (9x11 м), в кладке стен наряду с мелким камнем, есть также и крупные камни, стоящие на ребре. Постройка 4 размерами 10x12 м, стены из мелкого камня. Здесь найден обломок амфорной стенки. Постройка 5 — самая крупная на поселении, размерами 15x20 м. С севера к этой постройке примыкает зольник. Площадь поселения — 1,7 га.

Поселение Ойрат 2

Находится в южной части Тарханкутского полуострова, к юго-западу от поселения 102. Его планировка очень хорошо видна на космическом снимке в программном ресурсе Google Earth.

Состоит из многочисленных прямоугольных «домов» и загонов. Вероятно, относится к позднему средневековью. Найден обломок поливного сосуда.

У одного из строений вытянутой формы, состоящего из ряда помещений (рис. 38), найден обломок дна эллинистической амфоры.

В западной части поселения имеются разрушенные бетонные строения нового времени.

Поселение 8

Находится в южной части Тарханкутского полуострова, в 0,5 км к югу от поселения 102. Состоит из одного или двух небольших наземных каменных построек, одна из которых, большая, имеет размеры 9x12 м. Типологически сходна с постройками на других поселениях эллинистического времени. Рядом с постройками был обнаружен крупный камень с пропилом. Площадь поселения — 0,1 га.

Группа крупных поселений (101 – 107) находится в верхней части Мелового увала, по склонам, имеющим небольшой наклон по обе стороны, к югу и северу от вершины (рис. 117). Все эти поселения были обнаружены первоначально на космических снимках. Курганы органично объединены с постройками жилого и хозяйственного назначения, поэтому мы рассматриваем эти объекты вместе. Координаты строений были считаны из ресурса Google Earth и использовались при

автомобильно-пеших разведках в качестве навигационных точек. В ходе визуальных полевых исследований фиксировались все внешние особенности объектов, их размеры, уточнялись GPS координаты. В каталоге использовались координаты, измеренные в ходе натуральных наблюдений.

Поселение и курганная группа 104

Находится в верхней части Мелового увала, в начале склона, ориентированного на юг, у истоков небольшой балки (рис. 117, 118).

Состоит из многочисленных каменных наземных строений (около 10) и, вероятно, нескольких загонов неправильной формы (рис. 119). Строения вытянуты в линию примерно в широтном направлении. С двух сторон эту «линию» замыкают курганы с каменными насыпями. Керамики на поверхности не обнаружено. Площадь поселения — 4 га.

Информация, собранная о поселении 104, сгруппирована нами в Таблицу 3.

Таблица 3

Номер на карте (рис. 119)	Описание поселения 104 и курганов	Размеры (м)	Высота для курганов (м)
123	Строение 1, большое, из мелкого камня	10x13	
124	Строение 2, большое, из крупного камня (рис. 39)	8x7	
125	Строение 3, стены из мелких камней, круглое	Д-9	
126	Курган маленький с каменной насыпью	Д-5	0,2
127	Курган с каменной насыпью и ящиком (рис. 40)	16	1
128	Каменная насыпь	Д-3	0,2
129	Каменная небольшая постройка	3x5	
130	Строение 4, стены из мелких камней	7x8	
131	Строение 5, стены из мелких камней	10x12	
132	Строение 6 из мелких камней, выборка камня	9x10,5	
133	Строение 7, угол стены из мелких камней		
134	Каменный загон неправильной формы	23x14	
135	Маленькая постройка 8, лисьи норы	3x4	
136	Маленькая постройка 9, лисьи норы		
137	Строение 10, стены из мелких камней	10x12	0,1
138	Курган с каменной насыпью, края ящика видны	Д-8	0,8
139	Курган с каменной насыпью, края ящика видны	Д-7	0,6

Поселение и курганная группа 101

Находится на вершине Мелового увала, в 600 м к западу от поселения 104 (рис. 118).

Состоит из 7 – 8 каменных наземных построек, вытянувшихся примерно вдоль одной линии, повторяя изолинию высоты (рис. 120). В непосредственной близости находятся несколько курганов с каменными насыпями. Площадь поселения 3 га. Повсеместно видны свежие следы выборки камня. Отметим, что возле одного из курганов с каменным ящиком находится прямоугольная загородка. Это явление мы уже наблюдали в нескольких случаях: у Северного кургана к западу от поселения 2, у кургана 261 у поселения 2, а также в других курганских группах в юго-западной и срединной частях Тарханкута (см. ниже).

Наблюдения, сделанные на этом поселении, собраны в Таблице 4.

Строения на пути от поселения 101 к поселению 106

В 1 км к западу от поселения 101 вдоль по грунтовой дороге находится несколько (вероятно 4) каменных сооружений, расположенных неподалеку друг от друга, возможно, загонов для скота. Они помечены на рис. 121 номерами 167 – 169. «Загоны» имеют вид округлых оград, построенных из камней среднего и мелкого размеров. Диаметры этих сооружений от 20 до 22 м. Иногда удается заметить каменную пристройку с одной стороны «загона». Один из «загонов» двойной.

Не исключено, что эти строения образуют отдельное небольшое поселение.

Таблица 4

Номер на карте (рис. 118, 120)	Описание поселения 101 и курганов	Размеры (м)	Высота для курганов (м)
140	Курган с каменной насыпью и ящиком	18	1
141	Курган с каменной насыпью и ящиком	14	0,8
142	Каменный развал (строение 1?)		
143	Строение 2, большое, фрагмент амфорной стенки	10x12	
144	Маленькая каменная постройка 3	3x3	
145	Маленькая каменная постройка 4	4x3	
146	Каменная постройка 5, камни на ребре	3x3,5	
147	Каменный развал, норы грызунов		
148	Курган с каменной насыпью	15	1
149	Курган с каменной насыпью	10	0,8
150	Курган с каменной насыпью	11	0,8
151	Курган с каменной насыпью и ящиком	16	1
152	Курган с каменной насыпью и ящиком, камни ящика недавно разбиты и частично увезены	15	1
160	Крупный курган с каменной насыпью, ящик разграблен, видны перекрытие и стены	17	1,3
161	Курган большой с каменной насыпью	21	1
162	Постройка 6 из крупных камней в два ряда	9x11	
163	Каменный ящик		
164	Загородка из камней на ребре, примыкает к каменному ящику (№163)	12x16	
165	Курган с каменной насыпью, маленький	10	0,3
166	Курган с каменно-земляной насыпью	11	0,3

Поселение и курганная группа 106

Поселение 106 находится на вершине Мелового увала, в 1600 м к юго-западу от поселения 101 (рис. 117, 121). Это поселение очень четко видно на космическом снимке, оно было открыто с помощью фотографий из ресурса Google Earth.

Состоит из 8 – 9 каменных наземных построек, вытянувшихся примерно вдоль одной линии, повторяя изолинию высоты (рис. 122). Некоторые из построек (1 – 3) выглядят как круглые загоны диаметром 8 – 10 м с каменной маленькой пристройкой с северной стороны (рис. 41). Для всех этих построек, а также строения 5 была подмечена одна интересная особенность кладки — она состоит из плоских плит среднего размера, поставленных на ребро, причем плоскость камней ориентирована в перпендикулярном направлении по отношению к оси стены (рис. 42).

Другие постройки на поселении 106 имеют вид жилых и хозяйственных строений. Площадь поселения — 3 га. В непосредственной близости находятся несколько курганов с каменными насыпями. Повсеместно видны свежие следы выборки камня.

Один из самых ярких объектов на этом участке — огромный каменный ящик (рис. 43), отмеченный на картах на рис. 117, 121 под номером 538 у поселения 106.

Описание этого поселения и курганов собраны нами в Таблице 5.

Поселение и курганная группа 107

Находится на вершине Мелового увала, всего в 320 м к юго-западу от поселения 106 (рис. 117, 121). Это поселение очень четко видно на космическом снимке, оно было открыто с помощью фотографий из ресурса Google Earth.

Состоит из 9 – 10 каменных наземных построек и курганов (рис. 123). С северо-западной стороны поселение 107 ограничивает курганная группа, в которой доминирует крупный курган диаметром каменной насыпи 22 м, высотой 1,6 м, с выраженной кольцевой стеной (№180 на рис. 117, 121 и 123). К этому кургану с юго-западной стороны примыкает прямоугольная ограда (10x11 м). Кроме этого, возле него имеются заглубленные в землю каменные ящики (точки 181, 182).

Самая крупная постройка на поселении — строение 1 — находится к югу от грунтовой дороги, недалеко от курганной группы. Оно состоит из двух-трех помещений (точка 179 на рис. 123).

Таблица 5

Номер на карте (рис. 117, 121, 122)	Описание поселения 106 и курганов	Размеры (м)	Высота для курганов (м)
154	Круглое строение 1 с пристройкой с севера	8	
155	Круглое строение 2 с пристройкой с севера (рис. 41, 42)	8	
156	Круглое строение 3 с пристройкой с севера	9	
157	Строение 4, небольшое, развал камня	3x4	
158	Строение 5, составлено из камней среднего размера	8x10	
159	Строение 6, камень весь недавно выбран		
170	Большой двойной круглый загон	22x30	
171	Курган с небольшой каменной насыпью	8	0,3
172	Курган с небольшой каменной насыпью	7	0,2
173	Строение 7, камни на ребре, завал мелкого камня	3x4	
174	Строение 4, небольшое, развал камня	7x3	
175	Двойной курган, видны края заглубленного каменного ящика	10+7	0,6
176	Курган с каменной насыпью и ящиком, камни ящика недавно разбиты и увезены	15	1
177	Большой круглый загон, перерезан дорогой	58x53	

Одна из построек (№184) выглядят как круглый двор или загон диаметром 8 – 10 м с каменной пристройкой с северной стороны и «входом» в виде двух камней, поставленных на ребро, с южной. План постройки очень четкий.

Другие постройки на поселении 107 имеют вид жилых и хозяйственных строений. В непосредственной близости находятся несколько курганов с каменными насыпями. Видны свежие следы выборки камня. Возле постройки №185 найдены несколько обломков лепной посуды. Площадь поселения — 4 га.

На этом поселении была найдена, по-видимому, незаконченная, скульптура, массивное половецкое изваяние (рис. 44). В небольшом углублении было обнаружено два соединяющихся фрагмента туловища без головы. Правое плечо и рука отбиты. Задняя сторона скульптуры осталась необработанной. Скульптура доставлена в музей п. Черноморского*. На Тарханкуте и ранее были находки таких изваяний. Одно из них было обнаружено в 1964 г. В. С. Савченко во время пахоты у п. Черноморское. В кургане у с. Водопойное А. А. Щепинским и Е. Н. Черепановой выявлены остатки половецкого святилища в виде большой каменной плиты с основаниями двух изваяний, установленных в специально вырубленные отверстия [Щепинский, Черепанова 1974].

Описание поселения и курганной группы собраны нами в Таблице 6.

Таблица 6

Номер на карте (рис. 117, 121, 123)	Описание поселения 107 и курганов	Размеры (м)	Высота для курганов (м)
179	Большое строение из двух-трех помещений	12x16	
180	Большой курган с триангуляционным знаком	22	1,6
181	Заглубленный ящик с кольцом, камни выбраны	7	0,1
182	Заглубленный ящик с кольцом	7	0,3
183	Кольцо составлено из камней среднего размера	7	
184	Крупная постройка с круглым загонем (двор?) (рис. 44)	12x15	
185	Небольшая постройка с камнями на ребре	6x10	
186	Круглая постройка, рядом «каменная баба»	8	
188	Строение, довольно большое	10x6	
189	Крупное строение	10x19	
190	Строение, довольно большое	10x16	
191	Маленькая каменная постройка	3x4	

* Пользуясь случаем хотим искренне поблагодарить жителей п. Черноморского и п. Калиновка Игоря Александровича Флору, Рэма Алексеевича Ветрова, Алексея Алексеевича Волосянко и Аркадия Владимировича Титова за помощь в доставке скульптуры в музей.

Поселение и курганная группа 105

Находится в верхней части Мелового увала, в начале склонов, ориентированных к северу, в 1 км к северо-западу от поселения 107 (рис. 121, 124). Это поселение было открыто по космическому снимку из ресурса Google Earth.

Состоит из одной крупной (рис. 45) и четырех небольших каменных наземных построек. На полпути между поселениями 107 и 105 находится курганная группа, состоящая из трех курганов, возле одного из них (193а) имеется прямоугольная каменная ограда, стены которой сложены из довольно крупных камней, стоящих в два ряда. Площадь поселения — 1 га.

Непосредственно у поселения находится другая курганная группа, состоящая из трех курганов.

Описание этого поселения и курганов собраны нами в Таблице 7.

Таблица 7

Номер на карте (рис. 121, 124)	Описание поселения 105 и курганов	Размеры (м)	Высота для курганов (м)
192	Курган каменный наверху плиты, разбиты	17	0,5
193	Курган маленький с каменным кольцом	8	0,5
194а	Курган большой с каменным ящиком, плиты которого разбиты, с западной стороны загородка (15х19 м), кладка двухлицевая (рис. 46)	20	1,5
194	Строение 1, небольшое, с двориком (?)		
195	Крупное строение 2, два прямоугольных двора (?) и каменная пристройка (рис. 45)	11х10	
196	Маленькая постройка		
197	Маленькая постройка		
198	Курган небольшой с ящиком и кольцом диаметром 5 м	10	0,3
199	Курган небольшой с ящиком и плитой	12	0,2
200	Курган небольшой с ящиком и кольцом диаметром 5 м	14	0,8

Поселение и курганная группа 108

Находится в верхней части Мелового увала, в начале склонов, ориентированных к северо-западу, в 1 км к западу от поселения 105 (рис. 124). Это поселение было открыто по космическому снимку из ресурса Google Earth.

Состоит из одной крупной постройки (20х8 м), очень схожей с постройкой 2 на поселении 105. Рядом находятся два кургана (202 и 203). Возле кургана 202 (рис. 46) имеется овальная каменная ограда (11х15 м), стены которой сложены в технике двухрядной кладки (рис. 47). Курган 203 небольшой, сверху имеется плита. Диаметр кургана 12 м, высота 0,5 м.

К юго-западу от поселения 108, на наиболее возвышенной части плато, в исключительном в природном отношении месте, на очень каменистых участках над котловиной Мелового находится большая курганная группа (рис. 124), характеризующаяся тем, что именно здесь встречены наиболее гигантские плиты, слагающие каменные ящики. Информация о курганах на плато над Меловым собрана в Таблице 8.

Переходим к описанию поселений и курганных могильников, находящихся к западу от Мелового (рис. 125, 126). Здесь поселения располагаются, преимущественно, вдоль восточных, более пологих склонов балок.

Во-первых, выделяется целая группа однотипных поселений №№78, 109 – 112, расположенных по берегам одной из безымянных балок, не имеющей выхода к морю, находящейся между балками Кышлаг (на западе) и крупной балкой (на востоке), спускающейся в большую морскую бухту (см. рис. 126). В эту же бухту также выходит еще одна крупная балка, начинающаяся у Мелового. В низовьях балок некогда располагалось большое татарское поселение, но на картах, начиная с конца XIX в., здесь отмечены лишь руины (рис. 125). Поселения 109 – 112 были обнаружены вначале на космических снимках высокого разрешения (Google Earth), затем в ходе автомобильно-пеших маршрутов они были разведаны более детально на местности. Была проведена фотофик-

Таблица 8

Номер на карте (рис. 124)	Описание курганов на плато над Меловым	Размеры (м)	Высота курганов (м)
204	Курган очень маленький каменный	5	0,2
205	Курган маленький с каменным ящиком	8	0,4
206	Курган с каменным ящиком и большой плитой	18	1
207	Курган с каменным ящиком и кольцом	16	0,7
208	Крупный курган, порос кустарником, ящик из огромных плит развален	20	0,8
209	Крупный курган, порос кустарником, ящик из огромных плит развален (рис. 48)	21	1
210	Крупный курган, ящик из огромных плит развален (рис. 49)	15	1
211	Крупный курган, ящик из огромных плит развален (рис. 50)	12	0,3
212	Крупный курган, ящик из огромных плит развален (рис. 51)	12	0,2

сация видимых остатков, измерены их GPS координаты и линейные размеры, построены планы, собран подъемный материал.

Поселение 112

Находится в южной части Тарханкутского полуострова, к юго-западу от с. Меловое (см. карты на рис. 125 – 127). Располагается на восточном берегу балки, неподалеку от возможного высыхающего источника, в весенне-зимнее время, вероятно, изливающегося из-под обнажившегося слоя известняков, прорезанного балкой (рис. 52). Примерно в 130 м к югу от поселения, на западном берегу балки обнаружен каменный загон, возможно, относящийся к поселению.

Поселение состоит не менее чем из 8 каменных строений прекрасной сохранности, хорошо видимых на космическом снимке, по которому удастся даже построить его детальный план (рис. 53), однако, ко времени выхода этой книги, ситуация, к сожалению, вероятно, изменится. Дело в том, что на поселении повсеместно находятся кучи камня мелкого и среднего размера, приготовленные к отправке машинами.

Крупная жилая и хозяйственная постройка 1 является самой южной на поселении, она располагается на мысу между двумя балками. Размеры постройки — не менее чем 24x12 м. Рядом, к северо-западу находились, вероятно, ямы или зольник. Здесь собрано большое количество подъемного материала, представленного, в основном, фрагментами лепной и гончарной посуды, в том числе обломками профилированных частей амфор, что позволило широко датировать поселение IV в. до н. э.

Постройка 2 меньшего размера, чем предыдущая, кладка ее стен состоит из камней, поставленных на ребро (рис. 55).

Постройка 3 является прямоугольным домом вытянутых очертаний размерами 20x10 м, с видимым внутренним делением на различные отсеки. Вход в это строение находится с южной стороны, он имеет вид двух крупных плоских плит, поставленных на ребро.

Постройка 4 имеет размеры 10x12 м и составлена из камней, многие из которых стоят на ребре (рис. 54).

Постройка 5 больших размеров, кладка из камней на ребре, имеет несколько помещений и, возможно, двор. Соединяется с постройкой 4 каким-то небольшим строением (постройка 6).

Постройка 7 тоже довольно больших размеров, она отстоит от остальных «домов» поселения и находится по другую сторону крошечной балочки, впадающей с востока в основную балку (рис. 53). Здесь же имеется крупная постройка 8, а также на космическом снимке заметны полосы — следы обработки земли, показанные на плане поселения в виде штрихпунктирной линии. Напомним, что подобные же следы землепользования были заметны на поселении 115. Площадь поселения — 1,2 га.

Всего в 120 м от основных построек поселения 112, на возвышенной части западного берега балки находится курган, представляющий собой каменную насыпь и ящик из огромных необработанных плит (рис. 53).

Общая ситуация на поселении 112 как две капли воды походит на таковую на поселении 115, и для нас несомненно, что и то, и другое оставлены родственным населением.

Поселение 111

Всего в 300 м к северу от поселения 112, на том же берегу той же балки находится поселение 111 (см. карты на рис. 125, 126).

Поселение состоит из 2-х крупных и одного меньшего каменных строений хорошей сохранности (рис. 55), ясно видимых на космическом снимке, по которому удастся построить его детальный план (рис. 56).

Здесь, так же как и на поселении 112, собрано большое количество подъемного материала (фрагментов лепной и гончарной керамики), в том числе обломки профилированных частей амфор, что позволило датировать поселение IV в. до н. э. Площадь поселения — 1,1 га.

В 110 м от построек поселения 111, на противоположном западном берегу балки находится курган (точка 228 на рис. 126), представляющий собой каменную насыпь и ящик из огромных дикарных плит. Курган недавно разграблен.

Ситуация на поселении 111 очень походит на таковую на поселении 112 и 115, вероятно, эти поселения оставлены родственным населением.

Поселение 78

Находится в 250 м к северо-западу от поселения 111, на западном берегу той же балки в южной части Тарханкутского полуострова, к юго-западу от с. Меловое (см. карту на рис. 126).

Поселение состоит из трех каменных строений хорошей сохранности, ясно видимых на космическом снимке, по которому удастся построить его детальный план (рис. 57).

Крупная жилая и хозяйственная постройка 1 имеет размеры не менее 10x10 м и состоит из нескольких помещений (рис. 57). Постройка 2 меньше. Ее стены состоят из камней мелкого и среднего размера, часто стоящих на ребре. Постройка 3 меньшего размера, чем предыдущие. Площадь поселения — 1 га.

Поселение 110

Находится в 600 м к северу от поселения 111, на той же стороне балки, и в 250 м к северо-востоку от поселения 78 (рис. 126, 128) в южной части Тарханкутского полуострова, к юго-западу от с. Меловое. Располагается на восточном берегу балки.

Поселение состоит не менее чем из 5 каменных строений хорошей сохранности, прекрасно видимых на космическом снимке, по которому удастся построить его детальный план (рис. 58).

На южной границе поселения находится зольник (рис. 58, 128), здесь имеются лисьи норы, из которых происходит большое количество обломков амфорной тары (есть профилированные части) и фрагментов лепных сосудов. По подъемному материалу поселение можно отнести к IV в. до н. э.

Рядом с зольником находится какая-то небольшая каменная постройка, еще далее к северу — крупное строение («дом» 2 — рис. 58). Его размеры не менее 8x10 м, возможно, имеется двор.

Следующая жилая и хозяйственная постройка 3 (рис. 58) является самой большой на поселении. Размеры постройки — не менее чем 24x16 м. Она состоит из нескольких помещений. С севера к ней примыкает круглый загон 4, стены которого сложены из мелкого и среднего камня. Рядом, к северо-востоку находилась еще одна постройка 5 размерами 2,5x2,5 м, стены которой видны достаточно четко (рис. 129).

При натуральных обследованиях удалось обнаружить еще две постройки к северу от предыдущих, которые на космическом снимке были видны нечетко. Это маленькая каменная постройка 6 размерами 5x5 м (точка 239 на рис. 128) и круглый «загон» диаметром примерно 12 м (точка 240 на рис. 128). Площадь поселения — 1,3 га.

Всего в 30 м от постройки 2, на возвышенной части противоположного западного берега балки находится курган 232, представляющий собой каменную насыпь из мелких камней (рис. 58).

Общая ситуация положения построек и курганов в ландшафте на поселении 110 походит на таковую на поселениях 111, 112 и 115.

Поселение 109 и курганы

Находится в 600 м к северу от поселения 110, на склоне Мелового увала (рис. 130) в южной части Тарханкутского полуострова, к юго-западу от с. Меловое. Располагается на восточном берегу балки.

Поселение представляет собой только одну кольцевую постройку хорошей сохранности, прекрасно видимую на космическом снимке, по которому оно и было открыто. Диаметр этого, возможно, загона — 22 м. Стены его сложены из мелких и средних камней.

По дороге от поселения 110 находится несколько курганов с каменными насыпями:

№241 — диаметром 5 м, хорошо видно кольцо из камней;

№242 — очень маленький каменный курган, диаметром 6 м, высотой 0,2 м;

№243 — большой курган с разваленным каменным ящиком, диаметр кольца 12 м;

№244 — большой курган с каменной насыпью, порос кустарником.

Поселение 76

Находится в 600 м к юго-западу от поселения 109. Расположено в верховьях балки, заканчивающейся в бухте Кышлаг (рис. 130, 131). Состоит всего лишь из одного наземного каменного строения, стенки которого составлены из камней, стоящих на ребре. Подъемного материала нет. Площадь поселения — 0,3 га.

Поселение 77

Находится в 500 м к югу от поселения 76, на восточном берегу той же балки (рис. 131). Состоит из двух крупных построек, имеющих несколько помещений. Подъемного материала нет. Площадь поселения — 0,5 га.

Рядом, к западу от поселения 77 на вершине водораздела находятся курганы с каменными ящиками.

Поселения 4, 75, 74

В верховьях соседней (к западу) балки, которая тоже впадает в бухту Кышлаг, по обе стороны балки находятся два поселения — 4 и 75. В 450 м к югу от них на восточном берегу балки находится поселение 74 (рис. 131).

Все эти поселения характеризует малое количество довольно крупных наземных каменных построек (1–2), стены которых сложены из камней среднего и мелкого размеров, часто поставленных на ребро, как, например, на поселении 74 (рис. 132).

Поселение 4 и курганы

На поселении видны остатки одной каменной наземной постройки из мелких камней («дома» размером 9х10 м). Рядом с поселением находятся два крупных кургана с каменными насыпями и огромными плитами на вершинах от разваленных каменных ящиков. Площадь поселения — 0,2 га.

Поселение 75 и курганы

На поселении имеется каменное наземное строение довольно больших размеров — 10х12 м, стены которого состоят из камней среднего и мелкого размеров. Рядом с поселением, к востоку от него на вершине водораздела находятся три кургана с каменными насыпями и каменными ящиками. Площадь поселения — 0,22 га.

Поселение 74 и курганы

На поселении имеется два каменных наземных строения. Одно из них больших размеров — 11х12 м, стены состоят из камней среднего и мелкого размеров (рис. 132). Вторая постройка меньших размеров. Площадь поселения — 0,31 га.

На берегах следующей к западу балки находится два поселения: крупное поселение 73 на мысу в верховьях балки и поселение 72 на западном берегу балки, в ее средней части (рис. 131).

Поселение 73 и курганы

Поселение 73 занимает в ландшафте одно из самых выгодных положений: оно располагается на мысу, образованном двумя небольшими, сливающимися вместе балочками, которые затем дают одну, довольно крупную балку, заканчивающуюся через 800 м у моря (рис. 131). Поселение состоит не менее чем из 4 – 5 построек. Одна из них довольно крупная (точка 141 на рис. 131), перерезана современной грунтовой дорогой. Из-за того, что данная постройка разрушается, здесь удалось собрать довольно значительный подъемный материал, включающий обломки стенок амфор и кувшинов, фрагменты лепных сосудов.

Рядом с этой постройкой находится небольшая насыпь из мелких камней, которая может быть маленьким курганом. Еще три достаточно крупных строения находятся чуть выше по склону. Площадь поселения — 1,3 га.

От поселения 73 в 200 м к югу находится поселение 72. По дороге к нему, с западной стороны по водоразделу следуют курганы с каменными насыпями и ящиками, сложенными из крупных необработанных плит.

Поселение 72

Поселение 72 расположено на едва заметном мысочке на западном берегу той же балки, что и поселение 73 (рис. 131). Поверхность поселения покрыта густой растительностью с большим количеством дикого лука. Заметен угол какого-то крупного каменного сооружения, стены которого сложены из больших камней. Почва золистая, есть норы грызунов. Не исключено, что это поселение относится к эпохе бронзы. Площадь поселения — 0,3 га.

Наконец, самыми западными из обнаруженных в этом районе являются поселения 71 и 70 (рис. 125).

Поселение 71

Поселение 71 располагается у начала небольшой балочки, которая заканчивается на берегу моря к востоку от бухты Большой Атлеш (рис. 125, 133).

Оно состоит из трех или четырех наземных каменных строений, два из которых располагаются на западном берегу балочки, два остальных — на восточном ее берегу.

Вся территория поселения заросла густой травой, много дикого лука, что является, как упоминалось выше, признаками древнего поселения.

Точка 121 на карте 82 показывает «дом» довольно крупных размеров — 9x12 м, стены которого сложены из мелкого камня. Точка 122 соответствует другому «дому» аналогичной конструкции. Из подъемного материала назовем только обломок стенки лепного сосуда.

«Дома», обозначенные на рис. 133 номерами 123 – 126, находятся на другой стороне балки. Они имеют вид более современных построек, не исключено, что они относятся к позднесредневековому периоду. Площадь поселения — не менее 4 га.

Поселение 70

Поселение 70 является самым крупным на всей юго-западной части Тарханкута (рис. 125). Оно приурочено к довольно специфической форме ландшафта — месту слияния нескольких мельчайших балочек в одну более значительную балку, которая затем, пройдя путь в 650 м, заканчивается у глубоко вдающегося в сушу морского залива к западу от бухты Большой Атлеш (рис. 125, 134). Всего на поселении 70 насчитывается не менее девяти крупных строений («домов» с несколькими помещениями и, часто, двором), не менее трех мелких построек и трех зольников (рис. 135). В нескольких случаях удается заметить, что крупная постройка, маленькое строение и зольник образуют структурную повторяющуюся группу.

Постройки поселения 70 располагаются вдоль по сторонам одной или двух маленьких неглубоких балок.

Стены «домов» сложены из камней средних размеров, поставленных на ребро, как, например, у «дома» 5. Постройки довольно больших размеров, в среднем — 11x12 м, хорошей сохранности.

Иногда «дома» строились близко к выходу скалы, как «дом» 8 (рис. 136). Площадь поселения — не менее 7 га.

Нужно подчеркнуть, что поселение 70 очень напоминает крупнейшее на Тарханкуте поселение 68 (Джангуль), находящееся на северной стороне полуострова (рис. 112) [см.: Смекалова, Столба 2009, с. 11, рис. 18, 24 – 27, а также следующий раздел о поселениях Северо-Западного района]. Эти два крупнейших поселения (68 и 70), находящиеся на одном расстоянии до античного Караджинского городища, расположены зеркально симметрично относительно оси, проходящей по середине Тарханкута. «Ось симметрии» проведена с западной стороны через Караджинское городище и с восточной стороны — через другое античное поселение Кунан (поселение 86) [см.: Смекалова, Столба 2009, с. 12, рис. 29 – 32, а также следующий раздел] (см. рис. 112). Вероятно, поселение 70 можно считать главным для южной части Тарханкута, в то время как поселение Джангуль (68) — «столицей» для северо-западной.

Всего в Юго-Западном районе Тарханкута было открыто 28 поселений, включая одну прибрежную эллинистическую усадьбу Меловое и, возможно, одно поселение эпохи бронзы (72). Остальные 26 поселений и курганы оставлены, вероятно, аборигенным населением и относятся преимущественно к IV в. до н. э. На этом мы заканчиваем рассмотрение поселений и могильников Юго-Западного района Тарханкута и переходим к описанию следующего района — Северо-Западного.

Северо-Западный район

Из рассмотрения карты на рис. 112 можно сделать вывод о том, что в северо-западном районе Тарханкута наблюдается очень большая концентрация курганов и поселений. Здесь, на относительно небольшой площади, занятой как неглубокими оврагами, так и мощными разветвленными балочными системами (Кипчакская, Малая Капельская, Терновая и другие, безымянные) (рис. 112), находится не менее трети всех поселений, причем по числу и размерам построек, зафиксированных на них, этот район превосходит все, что было найдено на остальной территории Тарханкута. Здесь же находятся и самые крупные поселения, такие как поселение 25 (12 построек), поселения 28 и 58 (состоящие, по крайней мере, из 13 и 17 построек соответственно), поселение 61 (18 построек) и, наконец, крупнейшее, поселение 68 (Джангуль), которое состоит не менее чем из 25 больших построек.

По-видимому, из-за густой растительности, маскирующей архитектурные остатки на поселениях, они не так хорошо видны на космическом снимке, как поселения на юге Тарханкута. Поэтому все поселения здесь были открыты в ходе автомобильно-пеших маршрутов, во время которых мы руководствовались внешними признаками поселений, сформулированными выше.

Начнем рассмотрение обнаруженных поселений и могильников с самой западной оконечности Тарханкутского полуострова.

В районе п. Оленевка (Каражда), как известно, находится крупное античное городище — Караджинское, располагающееся на северо-восточном берегу соленого озера, которое в древности, вероятно, было морским заливом (рис. 137). К этому городищу следует, по-видимому, отнести крупные курганы, раскопанные в конце XIX в. Поповым, которые были описаны в 1933 г. П. Н. Шульцем (см. выше раздел о предшествующих исследованиях на Тарханкуте), находящиеся у пересыпи, южнее господского дома Поповых (рис. 15, 16). Как уже упоминалось, в ходе разведок 2009 г. эти курганы были осмотрены и был сделан вывод, что они, хотя и претерпели, вероятно, дальнейшее разрушение со времени их посещения П. Н. Шульцем, но все еще существуют как памятники археологии и, как мы надеемся, должны быть взяты под охрану государством и в дальнейшем доисследованы.

Археологические памятники в бухте Очеретай

В бухте Очеретай (Чоротай) были обнаружены остатки античных усадеб по обеим сторонам южной балки (отмечено номером 66 на рис. 137).

На южном берегу южной балки обнаружен большой комплекс строительных остатков, вероятно, довольно крупное античное поселение, состоящее из больших усадеб (номер 66 на рис. 137). Здесь в рельефе местности «читаются» всхолмления, которые, возможно, соответствуют домам,

а также оградам вдоль границ усадеб. Подъемный материал представлен многочисленными амфорными фрагментами и, в меньшей степени, обломками лепных сосудов.

В средней части бухты Очеретай также имеются явные следы культурного слоя (помечено номером 66-1 на рис. 137). Здесь несколько лет назад в ходе исследований для землеотводов сотрудниками Крымского филиала Института археологии НАН Украины был заложен шурф, в котором обнажились остатки регулярной каменной кладки. Ее можно наблюдать и сейчас, так как шурф остался незасыпанным.

Интересно то, что на берегу соседней, северной, балки в Очеретае (это место помечено номером 67 на рис. 137) нами были зафиксированы каменные постройки примерно прямоугольной формы с кладками, в которых камни часто поставлены на ребро. Этот прием, как было показано выше, очень характерен не для античного, а для местного домостроительства, и он фиксируется на подавляющем большинстве всех открытых поселений на Тарханкуте. Таким образом, поселение в Очеретае имеет сложную структуру и состоит из построек разных типов. Возможно, здесь сосуществовали античное поселение в центральной и южной частях бухты и селище местного населения в северной его части.

Далее к западу следует самое большое на Тарханкуте глубинное поселение Джангуль (№68) (рис. 138).

Поселение Джангуль (№68)

Поселение расположено в 1,4 км к северо-востоку от Очеретайской бухты и в 4 км к северо-востоку от Караджинского городища. Постройки этого поселения расположены вдоль по обеим сторонам мелкой балки, идущей, в отличие от других балок севера Тарханкута, не в меридиональном, а в широтном направлении (рис. 138).

В начале балки со стороны моря расположен небольшой курган с каменной насыпью, наверху которого находится плита, а также виден дромос с юго-восточной стороны. Курган включен в комплекс со следующими далее к востоку строительными остатками. В непосредственной близости от этого кургана находится крупная постройка, вероятно, жилого назначения. Как показали обследования этого поселения, всего подобных построек здесь имеется более 25, кроме них еще есть более мелкие каменные постройки, а также совсем небольшие развалы камней. Два каменных объекта в начале поселения с противоположной от моря стороны маркируют вход на поселение от степи. Отметим, что пример включения небольшого каменного кургана в комплекс вместе с жилыми и хозяйственными строениями на этом поселении не единичен. Такое явление встречалось также на поселении 115 в Юго-Западном районе Тарханкута (см. выше).

Постройки на поселении 68 очень четко выражены. Они представляют собой крупные «дома», имеющие в среднем размеры 12x14 м, хотя могут быть значительные отклонения как в сторону увеличения, так и уменьшения размеров (рис. 138). Стены домов сложены в технике двухлицевой кладки из камней средних размеров, установленных на ребро (рис. 59). Площадь поселения — не менее 10 га.

Это поселение было выбрано нами для детального обследования. Здесь было проведено описание всех имеющихся построек, измерение их геометрических параметров и GPS координат. На некоторых строительных комплексах была проведена магнитная разведка, по данным которой намечались места для закладки двух шурфов. Были обследованы также окрестности этого замечательного поселения и отмечены все представляющие интерес объекты, прежде всего курганы и другие видимые структуры. Все полученные в ходе детальных исследований материалы в настоящее время обрабатываются и готовятся к подробной публикации. Поэтому здесь мы ограничимся только краткой приведенной выше описательной справкой.

Часть северо-западного района, именуемая урочищем Джангуль, со знаменитым оползневым побережьем (рис. 4,б) оказывается «отгороженной» от степи двумя рядами построек этого поселения. Как известно, на оползневых обрывах Джангуля было открыто святилище, посвященное богине Тарге [Щеглов, 1987; 1988]. Несмотря на то, что по предварительным данным оно датируется II – I вв. до н. э., вероятно, не случайно это святилище находится в непосредственной близости от крупнейшего на Тарханкуте «варварского» поселения. Не исключено, что святилище су-

ществовало и раньше, одновременно с поселениями предположительно раннеэллинистического времени. Кроме того, необходимо отметить, что поселение 68 является ближайшим по отношению к расположенному рядом античному поселению у бухты Очеретай (Чоротай). Поселение 66 (67) находится в пределах прямой видимости с поселения 68 (Джангуль).

Между поселением 68 и Джангульскими обрывами на высоком плато находится не менее 5 небольших курганов, еще три располагаются вдоль линии «домов» с западной стороны поселения, составляя с «домами» одну линию (рис. 138). Несколько курганных групп расположены к юго-востоку от поселения 68. Все курганы представляют собой каменно-земляные насыпи с преобладанием камней.

Поселения к востоку от только что рассмотренного участка располагаются почти исключительно у начала больших балок (рис. 139). Такое положение, возможно, позволяло контролировать первоклассные пастбища на берегах балок по всей их протяженности по направлению к морю, а также пользоваться удобными водопоями в их запруженных верховьях.

Поселение 64

Поселение 64, вероятно, относится к эпохе поздней бронзы. Об этом говорит его расположение на мысу между двумя балками, спускающимися в бухту, мощный слой золистого цвета и густая травяная растительность с преобладанием дикого лука (рис. 60). Видны крупные камни каких-то построек. Площадь поселения — 0,2 га.

Поселение 65

Поселение 65 состоит из нескольких каменных построек, находящихся на берегу балки, спускающейся в бухту в урочище Джангуль (см. карту на рис. 139) по дороге на ферму (рис. 61). «Дома» имеют довольно большие размеры (10х12 м), кладка стен двухлицевая, из стоящих на ребре камней. Площадь поселения — 0,4 га.

Имеются также несколько каменных построек, разбросанных на некотором расстоянии друг от друга (см. карту на рис. 139). Все «дома» находятся у начала едва заметных балочек, оканчивающихся у высокого морского берега. В ходе разведок мы неоднократно наблюдали следы деятельности сборщиков камня в этой части Тарханкута. Только что открытым древним поселениям угрожает реальная опасность от самовольной выборки камня.

Поселение 29 бр.

Поселение 29 бр, вероятно, относится к эпохе поздней бронзы. Нас заставляет так думать его расположение на мысу между двумя балками, спускающимися в бухту в урочище Джангуль, наличие мощного слоя почвы золистого цвета и высокой травяной растительности с преобладанием дикого лука (рис. 62). Здесь на ограниченной площади была проведена магнитная разведка, которая показала наличие каких-то прямоугольных структур, хотя участок сильно засорен современными железными предметами, оставшимися от стоянок туристов, и поэтому интерпретация результатов была затруднена. Подъемный материал состоял из нескольких обломков лепной керамики.

Многочисленные, довольно крупные поселения находятся в разветвленной системе Терновой и Малой Капельской балок (рис. 139). Здесь нами впервые была подмечена одна особенность: на поселениях 58, 61, 62 наряду с «типичными» постройками имеются и другие, стены которых сложены из более мелких камней, а остатки всего строения имеют вид небольшого всхолмления, наподобие «подушки». Подобная черта сближает эти дома с постройками, встреченных на поселении Ойрат 2 в Юго-Западном и поселении 20 в Центральном районах Тарханкута.

Поселение 62

Маленькое поселение 62 находится у начала балки, спускающейся к морю к западу от Терновой балки (рис. 139). Постройки на этом поселении располагаются по обеим сторонам балки. Зафиксировано не менее четырех строений из камней крупного и среднего размеров. Поверхность поселения заросла густой злаковой растительностью. Площадь поселения — 0,2 га.

Поселение 61

Большое поселение 61 находится у истоков длинной и глубокой балки Терновой (рис. 139). Оно занимает два узких мыса, находящихся между мелкими балками. Такое расположение мы уже встречали у поселений 70, 71 и других на юго-западе и затем будем встречать еще на нескольких соседних балках и в центральной части полуострова, видимо, его следует считать типичным для всего Тарханкута.

Поверхность поселения покрыта густой растительностью с диким луком. Было зафиксировано не менее 15 довольно крупных построек, камни стен которых стоят на ребре (рис. 63). На одном из мысов отмечается очень тесное расположение построек («сплошная застройка»). В некоторых местах заметны длинные стенки, составленные из крупных камней, продолжающиеся на несколько десятков метров. Площадь поселения — 8 га.

Поселение 58

Крупное поселение 58 находится у западного истока балки Малый Кафель (рис. 139). «Дома» этого поселения располагаются как по краям балочек, так и на мысах между двумя соседними балками. Территория поселения поросла густой злаковой растительностью, диким луком. Были зафиксированы многочисленные постройки — не менее 17-ти. Из них преобладают крупные жилые и хозяйственные комплексы, соседние иногда соединены в один посредством каменной загородки. Наряду с «классическими» строениями с двухлицевой кладкой стен, здесь встречены «дома», стены которых сложены из более мелких камней, а остатки всего строения имеют вид небольшого всхолмления, наподобие «подушки». Возможно, что они отличаются от «классических» домов не только типологически, но и в хронологическом отношении. Встречаются и «загоны», построенные из крупных камней, поставленных на ребро. Площадь поселения — 6 га.

Поселение 57

Еще одно большое поселение 57 имеет такое же расположение, что и предыдущее (58). Оба соседних поселения 57 и 58 занимают настолько большую площадь, что они почти соединяются между собой. Поселение 57 находится в восточной части у западного истока балки Малый Кафель (рис. 139). Оно представлено не менее чем семью крупными постройками, находящимися на мысу между двумя маленькими балочками, впадающими в более крупную (рис. 64). Стены строений составлены из камней в один или два ряда, стоящих на ребре, а также из мелких камней. На территории поселения также имеется большой «загон», стены которого сложены из крупных камней. Площадь поселения — 5 га.

Подъемный материал состоял из немногочисленных обломков лепной посуды.

Поселение 57 бр.

Поселение 57 бр. расположено у истоков соседней восточной балки, составляющей вместе с западной начало Малой Кафельской балки (рис. 139). В отличие от предыдущего (57) это поселение, вероятно, относится к другой эпохе — поздней бронзы. Как и другие поселения позднего бронзового века на Тарханкуте, оно характеризуется большими размерами, зернистой почвой, густой злаковой растительностью и обилием дикого лука. Заметны остатки стен каких-то сооружений из очень крупных камней. Площадь поселения — 0,5 га.

Поселение 59

Поселение 59 занимает узкий и длинный мысочек у начала одного из западных притоков Малой Кафельской балки, впадающей в нее в ее среднем течении (рис. 139, 65). На нем располагается длинная постройка (почти 30 м длиной), вытянутая вдоль оси мысочка. С напольной стороны здесь располагается еще один «дом», в планировке которого можно отметить круглое помещение («башня?»), составленное из больших плит. Неподалеку находится маленькое сооружение из камня, а чуть дальше еще одна крупная постройка и развал камней. Стены сооружены в

технике двухлицевой кладки из камней, стоящих на ребре, в углах зданий — крупные камни. Площадь поселения — 0,5 га.

Подъемный материал представлен двумя обломками амфорных стенок.

Поселение 60

Поселение 60 занимает следующий узкий и длинный мыс у начала еще одного из западных притоков Малой Кастельской балки, впадающей в нее в ее нижнем течении (рис. 139). Оно состоит всего из двух каменных «домов», стены которых построены в той же технике, что и на предыдущем поселении: камни стоят на ребре, в углах зданий — крупные камни. Площадь поселения — 0,25 га.

Поселение 56

Поселение 56 расположено очень эффектно: оно занимает мыс, спускающийся ко дну Терновой балки в месте, где в нее впадает другая большая боковая балка (рис. 139, 66). Состоит из четырех крупных и хорошо сохранившихся построек, размеры которых, в среднем, не менее 15 – 18 м. Площадь поселения — 1 га.

На этом мы заканчиваем рассмотрение поселений, находящихся в пределах водосбора балок Терновой и Малый Кастель. Необходимо отметить, что возле каждого поселения находится один или несколько курганов с насыпью, состоящей из камней и, в меньшей степени, земли, имеющих каменные ящики, а также перекрытия из крупных плит. Часто удается заметить кольцевую стену из крупных камней, окружающую ящик. Пространство между ящиком и кольцом заполнено мелкими камнями и дерном.

Переходим к описанию археологических памятников, обнаруженных нами в пределах водосбора балки Большой Кастель (рис. 140). Как известно, на западном высоком берегу бухты Большой Кастель расположена крупная античная усадьба Кастель IV – II вв. до н. э. [Щеглов 1978, с. 32, 41]. Вероятно, название бухты и балки связано с руинами этой укрепленной усадьбы, подходящей на крепость.

Поселение 55

Находится на берегу маленькой балки у истоков одного из западных притоков балки Большой Кастель (рис. 139). Состоит из трех довольно крупных строений, стены которых составлены из камней, поставленных на ребро. Площадь поселения — 0,7 га.

Поселение 54

Находится на мысочке у истоков балки Большой Кастель (рис. 112). Состоит из четырех крупных строений, стены которых составлены из крупных камней и камней, поставленных на ребро. Растительность на поселении густая, с диким луком. Почва золистого цвета, очень много нор грызунов, из выброса которых происходит подъемный материал: обломки лепной керамики и костей животных. Не исключено, что поселение датируется эпохой поздней бронзы. Площадь поселения — 0,7 га.

Поселение 63

Находится на высоком берегу балки Большой Кастель. Состоит нескольких (более двух) каменных наземных построек довольно большого размера. Площадь поселения — 0,35 га.

Как мы видим, поселений в системе балки Большой Кастель открыто было немного. Отчасти это можно объяснить тем, что в низовьях балки имеются следы больших татарских деревень и кошар, под руинами которых очень трудно выявлять более ранние культурные напластования. Не исключено, однако, что отсутствие «варварских» поселений связано с античной усадьбой Кастель, возможно, «контролирующей» пространство всей балки.

Далее описываются поселения и могильники, находящиеся на берегах самой крупной и разветвленной балки Кипчак и небольших безымянных балок, находящихся между ней и балкой Большой Кастель (рис. 140).

Поселение 40

Находится у истоков очень маленькой и короткой балки, первой к востоку после бухты Большой Кастель (рис. 140). Состоит всего из одной каменной наземной постройки размерами 9x10 м, стены которой сложены из камней мелкого и среднего размера, поставленных на ребро. Площадь поселения — 0,2 га.

Поселение 39

Находится на мысу между двумя маленькими балочками у истоков короткой балки, впадающей в море, второй к востоку после бухты Большой Кастель (рис. 140). Состоит из четырех не очень четких каменных построек. Много каменных развалов, нор грызунов. Площадь поселения — 0,8 га.

Поселение 38а

Находится у истоков следующей балочки (рис. 140). Состоит всего из одной каменной постройки. Возможно, относится к следующему поселению 38, находящемуся в сходных ландшафтных условиях далее к востоку. Площадь поселения — 0,2 га.

Поселение 38

Находится у истоков небольшой балочки (рис. 140). Состоит не менее чем из 3 каменных построек, стены которых выстроены из камней среднего и мелкого размеров. Поверхность памятника поросла густой растительностью, много дикого лука. Площадь поселения — 0,6 га.

Поселение 37

Находится у истоков следующей к востоку, довольно большой и протяженной балки (рис. 140). Состоит из одной каменной постройки, расположенной на высоком берегу балки. В придонной части балки есть, вероятно, культурный слой, возможно, зольник. Здесь много нор грызунов, в выбросах которых собран подъемный материал: обломки стенок лепных сосудов. Площадь поселения — 0,2 га.

Неподалеку находится маленький курган с каменной насыпью.

Поселение 29

Занимает западный берег следующей к востоку от Большого Кастеля безымянной маленькой балки (рис. 140). Довольно большое поселение, состоит не менее чем из 8 наземных каменных построек размерами в среднем 10x12 м, отстоящих друг от друга на расстоянии 20 – 40 м. Стены домов двухрядные, составлены из камней среднего размера, поставленных на ребро (рис. 67). В норах грызунов удалось собрать подъемный материал, состоящий из обломков амфорных стенок, дна маленькой амфоры, стенок гончарного сосуда со следами починки (рис. 68), обломков лепных сосудов, точильного камня. Площадь поселения — 1,7 га.

Поселение 25 и 26

Одно из самых больших поселений данного района. Насчитывает, по крайней мере, 12 каменных наземных построек. Занимает типичное для крупных поселений положение, о чем уже неоднократно писалось выше. Находится на мысочках и по краям мелких балочек, у истоков довольно большого и протяженного бокового притока, впадающего в балку Кипчак у самых верховьев последней. Вся территория этого значительного поселения покрыта сплошным ковром густой растительности с преобладанием дикого лука.

Все постройки поселения крупные, размерами 10x12 – 14 м. Одна постройка находится в 500 м к СВ (точка 26 на рис. 140). Стены «домов» построены из камней, стоящих на ребре. Подъемный материал, происходящий из многочисленных нор грызунов, представлен обломками амфорных стенок. Площадь поселения — 6 га.

Поселение 28 и курганы

Поселение 28 имеет сходное с поселением 25 положение в ландшафте: оно находится на мысах и берегах балочек, веером сходящихся к истоку западного рукава Кипчакской балки (рис. 140).

12 построек поселения крупные, размерами 11x12 – 14 м. Сохранность этих «домов» очень хорошая, вероятно потому, что поселение находится в стороне от проезжих дорог, и камень из него пока не выбирают. Стены «домов» построены из больших камней, стоящих на ребре. Подъемный материал представлен обломком венчика гончарной миски и фрагментом лепного сосуда. Площадь поселения — 8 га.

Вдоль всего течения этого рукава балки Кипчак, по вершине ее западного берега находятся небольшие однотипные курганы с каменными насыпями с незначительным количеством грунта и большими плитами наверху от перекрытий и стенок гробниц, оставленные, вероятно, обитателями поселений, расположенных по ее берегам.

Поселения 34 и 35

С этих поселений мы начинаем рассмотрение памятников на восточном берегу западного рукава балки Кипчак.

Оба поселения находятся на расположенных рядом мысах, образованных западным притоком Кипчакской балки и боковыми балочками. Они, по-видимому, составляют одно поселение (рис. 140). Поверхность их покрыта густой растительностью, много дикого лука. На поселениях повсюду норы грызунов. Площадь поселения — 2,2 га.

Дома на этом поселении очень четкие, стены хорошо видны даже в густой и высокой растительности. На поселении 35 стена постройки выстроена из плит известняка, поставленных на ребро (рис. 69). Подъемный материал представлен обломком стенки лепного сосуда.

Поселение 34 — соседнее или, возможно, продолжение поселения 35. Здесь зафиксировано, по крайней мере, 3 довольно крупных наземных каменных сооружений, стены которых построены в той же технике, что и на поселении 35. Подъемный материал, происходящий из многочисленных нор грызунов, представлен мелкими обломками лепных сосудов.

Шесть следующих поселений — 27, 31, 32, 30, 24 и 23 — занимают очень примечательное положение в ландшафте — на первой пойменной террасе в придонной части или внизу на склонах балочной системы Кипчак. Такое положение поселений продиктовано, вероятно, только желанием скрыться от ветров у дна причудливо изгибающейся балки. С точки зрения угрозы нападения врага такая позиция очень уязвима, так как поселения открываются взору пришельца как с одного, так и с другого, противоположного, берега балки. Следовательно, целью поселившихся здесь людей было желание находиться в более теплом и безветренном микроклимате, и их не занимали вопросы безопасности. Кроме этого, у дна балки можно было легко добраться до воды, которая текла по руслу в зимне-весенний период, или путем рытья колодцев в придонной части.

Поселение 27

Занимает в ландшафте положение, сходное с положением поселения 56, находящегося на берегу балки Малый Кафель: на выпуклом склоне, образованном в месте, где балка Кипчак делает очень крутой изгиб (рис. 140). Отличие состоит в его размещении на склоне — поселение 27 находится низко, у самой придонной части балки. Состоит из 5 крупных построек (рис. 70), расположенных на склоне. Поверхность поселения в местах построек поросла кустарником, травянистой растительностью с преобладанием дикого лука.

Строения сохранились хорошо. Можно наблюдать двухлицевую кладку стен (рис. 71). На одной из построек имеется огромный завал камней, являющийся, вероятно, остатками какого-то строения (башни?). Подобное же явление отмечено нами и для некоторых других поселений этого района, например, поселения 59. Площадь поселения — 2 га.

Поселение 31

Поселение 31 располагается у самой нижней части западного рукава балки Кипчак там, где в нее впадает другая маленькая боковая балочка (рис. 72). «Дома» поселения спускаются к самому дну балки, занимая удобный мысок, образованный крутым ее изгибом. Это наилучшее положение поселения в отношении защиты от ветров. У дна извилистой балки формируется более теплый и безветренный микроклимат, что особенно важно в осенне-зимний и весенний период как для

людей, так и для домашних животных и скота. Такое же положение занимает и соседнее поселение 32, расположенные неподалеку, а также поселение 30 на восточном рукаве Кипчакской балки (см. карту на рис. 140).

Поверхность поселения 31 вся покрыта густой травянистой растительностью с преобладанием дикого лука. В таких зарослях трудно было выявить отдельные постройки, но иногда очень четко видны их стены, составленные из камней среднего размера, стоящих на ребре в два ряда. Площадь поселения — примерно 2 га.

Поселение 32

Поселение 32, как уже говорилось выше, занимает такую же удобную ландшафтную нишу, как и поселение 31 (рис. 73). Оно также находится на первой пойменной террасе в придонной части западного рукава балки Кипчак в месте его изгиба при впадении в главное русло (рис. 140). Здесь также, как и на предыдущем поселении 31, очень густая растительность и обилие строительного камня крупного и среднего размеров. Постройки спускаются к самому дну балки. Площадь поселения — примерно 2,4 га.

Над этим поселением, на самой вершине мыса, образованного слиянием западного и восточного рукавов балки Кипчак, находятся два кургана с каменными насыпями.

Поселение 30

Поселение 30 — третье из тех, которые располагаются на первой пойменной террасе в придонной части, но теперь уже восточного рукава балки Кипчак (рис. 74, 140). Так же, как и у других поселений этого типа, поверхность его покрыта густой травянистой растительностью, есть и курстарник. Постройки из камня скрыты в траве, однако удается заметить, что они сложены из камней, поставленных на ребро.

Поселение 24

Поселение 24 располагается на другом берегу восточного рукава балки Кипчак по отношению к поселению 30, почти напротив него (рис. 140). Его постройки находятся на склоне довольно низко, у дна балки (рис. 75). Оно состоит, по крайней мере, из 2 наземных каменных построек, двухлицевые кладки стен которых построены из камней, поставленных на ребро (рис. 76). Площадь поселения — 2 га.

Поселение 23

Поселение 23 занимает аналогичное по отношению к предыдущему поселению 24 положение в ландшафте: на низком мысочке, образованном следующим к югу крутым изгибом восточного рукава балки Кипчак (рис. 140). Его постройки находятся на склоне довольно низко, у дна балки (рис. 77). Оно состоит из не менее, чем 2 наземных каменных сооружений, стены которых построены из камней, поставленных на ребро. Площадь поселения — 0,8 га.

Поселение 33

Поселение 33 занимает традиционное для большинства поселений положение — на мысу, образованном двумя балками, впадающими в западный рукав балки Кипчак (рис. 140). Поверхность поселения покрыта густой растительностью, много дикого лука. Здесь можно наблюдать интересное природное явление: на северо-западном склоне мыса находятся два полукруга, образованных растительностью другого типа, по сравнению с окружающей травой (рис. 78). При рассмотрении этого поселения на космическом снимке, очень четко видно, что полукружия замыкаются, образуя полные круги (рис. 79). Для прояснения природы этого явления необходимо провести магнитную разведку на поселении и, возможно, шурфовку.

Поселение состоит не менее чем из 5 прекрасных сохранившихся построек из камня. Кладка стен двухлицевая, камни стоят на ребре. Площадь поселения — 2 га.

Подъемный материал представлен находками обломков стенок амфор и лепных сосудов.

Поселение 21

Поселение 21 находится на западной стороне восточной боковой балки, впадающей в восточный рукав балки Кипчак (рис. 140). Поселение занимает небольшой мысочек (рис. 80). Помимо нескольких крупных прямоугольных наземных каменных сооружений жилого и хозяйственного назначения, располагающихся на берегу балки, на мысочке очень четко видно круглое в плане сооружение, стена которого сложена из камней, поставленных на ребро. Это сооружение прекрасно «читается» на космическом снимке из программного ресурса Google Earth (рис. 81), на котором видно, что сооружение диаметром 22 м имеет абсолютно правильную круглую форму и вход с юго-восточной, напольной стороны. Вероятно, это загон для скота. Площадь поселения — 1 га.

Поселение 22

Поселение 22 находится на мысу, образованном боковой балочкой и восточной балкой, являющейся притоком западного рукава балки Кипчак (рис. 82, 112).

Это поселение хорошо видно на космическом снимке. Оно состоит из 3 или 4 прямоугольных построек, внутри которых имеется деление на помещения. Кладка стен «домов» двухлицевая. Размеры построек в среднем 10x14 м, расстояние между постройками 20 – 30 м. Площадь поселения — 2 га.

Поселение 167 бр.

Это поселение, вероятно, относится к эпохе поздней бронзы. Оно располагается на высоком восточном берегу Кипчакской балки, недалеко от ее впадения в море (рис. 140). Его характеризуют золистый почвенный слой, обилие нор грызунов, густая злаковая растительность и выходы развалов каменных стен. Площадь поселения — 0,3 га.

Следующий район — к востоку от предыдущего, он охватывает территорию водосборов двух небольших безымянных балок к востоку от Кипчакской и балки Кармыш (рис. 141).

Поселение 79

Довольно большое поселение 79 находится на двух соседних мысах, образованных двумя боковыми балочками, впадающими в основное русло безымянной балки с восточной стороны (рис. 83, 141). Площадь поселения — около 2,5 га. Поверхность памятника заросла густой растительностью, много дикого лука и других цветущих растений.

На северном мыске находится 3 каменных постройки, размерами в среднем 8x10 м (см. номера 1 – 3 на рис. 83). На южном мыске находится еще, как минимум, 5 строений (номера 4 – 8 на рис. 83). Стены сооружены в технике двухлицевой кладки из камней, стоящих на ребре. В углах построек установлены крупные камни (рис. 84).

Поселение 80

Крупное поселение 80 находится в верховьях следующей к востоку балки, на ее западном берегу (рис. 141). Площадь поселения — не менее 4 га.

Поселение состоит более чем из 11 крупных каменных построек размерами в среднем 10x12 м, а также зольника и небольших каменных сооружений, которые в настоящее время выглядят как бесформенные развалы камней. Постройки отстоят друг от друга на расстоянии 20 – 40 м. Строение 1 — наилучшей сохранности, кладка его стен двухлицевая, из камней среднего размера, поставленных на ребро.

На поселении найдено довольно большое количество подъемного материала: обломки амфорных стенок, фрагменты лепной посуды.

Поселение 81

Маленькое поселение 81 находится на мысу, образованном балкой Кармыш и ее притоком с западной стороны (рис. 141). На противоположной стороне балки Кармыш хорошо видны остатки татарских загонов и построек (рис. 85). Поселение состоит всего из одной каменной постройки,

стены которой составлены из камней, стоящих на ребре. Площадь поселения — примерно 0,2 га.

Поселение 82

Еще одно небольшое поселение 82 занимает положение в ландшафте аналогичное по отношению к предыдущему поселению 81. Оно находится на мысу, образованном маленькими балочками в верховьях балки Кармыш, с западной стороны (рис. 141). Площадь поселения не превышает 0,3 га. Поверхность его заросла густой травянистой растительностью, много дикого лука.

Других поселений в балочной системе Кармыш нами не обнаружено. Возможно, это объясняется современным освоением данной территории, продиктованной близостью п. Черноморское. В бухте Кармыш находятся руины татарской деревни, а по ее склонам повсюду видны следы загонов, построенных из крупных камней и земляных валиков, а также полуразрушенные постройки нового времени.

Перейдем к описанию последнего из районов северо-запада Тарханкута, включающего территорию от балки Абузлар до п. Черноморского (рис. 142).

Балка Абузлар очень интенсивно была освоена в новое время. На ее территории имеются какие-то заброшенные постройки хозяйственного характера, а также руины татарской деревни Абузлар. Все это сильно затруднило выявление археологических памятников на берегах балки. В бухте Абузлар имеется колодец.

На высоком берегу, на полдороге от бухты Абузлар до соседней к востоку бухты, на возвышенном месте находятся несколько небольших курганов с каменными насыпями, кольцевыми стенами и каменными ящиками из крупных необработанных плит.

Поселение 83

Интересное поселение 83 занимает необычное положение в ландшафте: оно расположено очень близко к обрывистому берегу, у балки, спускающейся к маленькой безымянной бухточке, которую мы обозначили на карте как Абузлар 1 (рис. 86, 142).

Поселение состоит не менее чем из пяти каменных построек, которые частично разрушены абразией берега. В разрушающемся золистом культурном слое удалось подобрать довольно большое количество обломков стенок амфор, ручки гончарного кувшина, фрагментов лепных сосудов, обломки костей животных.

Заканчиваем обзор обнаруженных археологических памятников описанием исторических карт территории, примыкающей к древнему городищу (Калос-Лимен) в п. Черноморском (бывш. Ак-Мечеть) (рис. 12 и 13).

На карте полковника Бетева 1837 г. помечены древнее городище в юго-восточной части бухты Ак-Мечеть и 15 курганов, находящихся к юго-востоку от него (рис. 12). На военно-топографической карте 1865 г., построенной на основе предыдущей и исправленной по результатам рекогносцировок 1865 г., положение курганов уточнено. На карте конца XIX в. отмечено две курганные группы, одна — к юго-востоку от городища, насчитывает 10 курганов, другая — к югу, за балочкой, в количестве 7. Еще восточнее отмечены довольно крупные курганы, которые подходят к городищу по вершине водораздела со стороны степи (рис. 13). К северо-востоку, по направлению к бухте Ветренной с обозначенным колодцем, также имеются курганы, занимающие возвышенные места на водоразделах.

По наблюдениям Г. Д. Смирнова, сделанным им в 1948 г., черноморская курганная группа расположена на расстоянии 500 м к югу от городища Калос-Лимен. Всего в группе исследователь насчитал 29 насыпей, из них раскапывалось только две (в 1929 и 1948 гг.). Первый курган раскопан Л. А. Моисеевым только частично. Курган диаметром 17 м и высотой 1,8 м содержал женское захоронение, которое датируется второй половиной IV в. до н. э. [Троицкая 1951, с. 93; Щеглов 1979, с. 46]. Второй курган раскопан и опубликован в 1952 г. Г. Д. Смирновым, он содержал два погребения — женское и детское, датируемые тем же временем, что и курган 1929 г. [Смирнов 1952]. А. Н. Щеглов отмечает, что ближайшими аналогиями захоронениям в этих курганах являются погребения на некрополе Панского [Щеглов 1979, с. 46]. Курганы преимущественно полусферических очертаний и сравнительно невысоки. Их размеры колеблются от 4 м высоты при

диаметре 35 м (курган №7, раскопанный Л. А. Моисеевым) до 0,8 м высоты и 16 м в диаметре [Смирнов 1952, с. 187].

Итак, всего в Северо-Западном районе Тарханкута нашими разведками было выявлено 40 поселений, предположительно, эллинистического времени и три поселения эпохи поздней бронзы. Переходим к рассмотрению результатов исследований, проведенных в Центральном районе.

Центральный район

Центральный район включает крупные балки: наиболее извилистую и глубокую Кельшейхскую, Калиновскую и протянувшуюся в широтном направлении посредине Тарханкута Оленевскую балки, их разветвленные отроги и прилегающие территории (рис. 112). В Кельшейхской балке очень много остатков строений, загонов и других строительных остатков, относящихся к татарским поселениям XVII – XX вв. Берега Оленевской балки сильно распаханы и возделаны. В связи с перечисленными обстоятельствами, поиск археологических памятников по описанной методике здесь был затруднен.

На восточных отрогах Кельшейхской балки располагаются довольно крупные и многочисленные поселения, предположительно, эллинистического времени. Особенно выделяется район средней части Кельшейхской балки, в том месте, где она делает поворот к западу. С восточной стороны к ней примыкают несколько длинных и разветвленных балок, на мысах и склонах которых располагаются крупные поселения 44 – 51 (рис. 143). Балки восточной части урочища Кельшейх берут начало с наиболее возвышенной части Тарханкутского поднятия.

Начнем рассмотрение результатов разведок с верховьев Кельшейхской балки (рис. 143), к северу от п. Красносельское.

Поселение Кунан (86)

Поселение Кунан (86) является, вероятно, самым выдающимся памятником среди всех открытых в 2009 г. Оно представляет собой укрепленную античную усадьбу и примыкающее к усадьбе селище. Поселение расположено на небольшом мысу, образованном Кельшейхской балкой и безымянным оврагом, впадающим в нее. Площадь поселения не менее 15 га. Прямоугольное здание усадьбы прекрасно видно в рельефе местности, на магнитной карте (рис. 87,а) [Смекалова, Столба 2009, рис. 30, 31], а также на снимках в Google Earth. Дорога к ферме, идущая в восточном направлении от шоссе Красноселье – Черноморское через центр этого поселения, разрушила один угол усадьбы и значительную часть селища. На поверхности можно видеть разбросанные тесаные блоки — остатки стены усадьбы [Смекалова, Столба 2009, рис. 29].

На карте магнитного поля (рис. 87,а) очень хорошо виден план усадьбы: северная прямоугольная башня, стены и помещения. Наиболее близкая аналогия этой постройке — усадьба на наделе 86 на хоре Херсонеса (рис. 87,б) [план дан по: Saprykin 1994].

К западу от укрепленной усадьбы, на берегу безымянного оврага находится неукрепленная часть поселения. На поверхности найдено множество обломков черепицы, амфорной тары, тонкостенной гончарной керамики, а также лепных сосудов [Смекалова, Столба 2009, рис. 32].

На противоположном, юго-западном берегу оврага располагается некрополь этого поселения в виде склепов, фиксирующихся на поверхности по углублениям и скоплениям крупных камней.

Поселение 86 является, очевидно, каким-то важным греческим центром, связанным прямой дорогой с Караджинским городищем. Примечательно, что несколько лет назад о том, что подобный центр должен существовать неподалеку от с. Красноселье, уже писалось в одной из статей, посвященной межеванию на Тарханкуте [Смекалова 2006, с. 408 – 409]. Теперь гипотеза о существовании античного центра в глубине Тарханкута получила полное подтверждение.

Разведочные шурфы (3 и 4), заложенные в западной и восточной частях поселения, указывают на наличие как минимум двух хронологических горизонтов, датирующихся IV – началом III вв. до н. э. и последней третью III – серединой II вв. до н. э. Отдельно следует отметить выявленную в шурфе 4 овальную в плане огромную яму (зернохранилище?). Материал из засыпи, представленный фрагментами амфор, простой столовой красноглиняной и чернолаковой керамики, а также лепных сосудов, позволяет отнести ее к раннему периоду существования поселения [Смекалова, Столба 2009, с. 12]. В настоящее время готовится подробная публикация материалов разведок в

районе этого поселения и результатов раскопок, поэтому здесь мы ограничиваем описание этого интереснейшего памятника данной краткой справкой. Отметим только, что с его открытием установившееся в литературе мнение о том, что античные усадьбы располагаются исключительно по побережью северо-западного Крыма, подлежит пересмотру.

Поселение 87 бр.

Поселение 87 бр. располагается на том же склоне на берегу Кельшейхской балки, что и поселение 86 (Кунан), но на 600 м юго-западнее (рис. 143). Оно относится, вероятно, к эпохе поздней бронзы. Его характеризуют золистый почвенный слой, обилие густой травянистой растительности, крупные камни от каких-то построек. Поселение плохой сохранности, так как его территория распаивалась. По-видимому, все наземные постройки этого поселения разрушены. Площадь поселения — 0,5 га.

Поселение 42

Поселение 42 располагается на восточном берегу балки Кельшейх, на пологом мысочке, образованном изгибом балки (рис. 143). Постройки находятся как на склоне, так и спускаются к самому низу балки, к ее придонной части (рис. 88). Поверхность памятника покрыта густой травянистой растительностью, много расторопши. Грунт золистый. Поселение состоит не менее чем из 5 каменных построек, стены которых сооружены из камней средних размеров, поставленных на ребро. Подъемный материал представлен обломком горла амфоры, стенок амфор, фрагментами лепных сосудов. Площадь поселения — 1,2 га.

Поселение 43

Поселение 43 располагается на мысочке, образованном отрогами Кельшейхской балки с восточной стороны (рис. 143). Поселение состоит не менее чем из 5 каменных прямоугольных построек, планировка которых достаточно хорошо видна. Площадь поселения — 0,5 га. Поверхность памятника задернована и покрыта густой растительностью. Подъемный материал не обнаружен.

Поселение 44

Поселение 44 занимает положение в ландшафте, аналогичное поселению 43, оно располагается на довольно высоком мысу, образованном изгибом одного из отрогов Кельшейхской балки с восточной стороны (рис. 143). Поселение состоит из, по крайней мере, трех крупных каменных построек хорошей сохранности. Стены «домов» сложены в технике двухлицевой кладки из камней среднего размера, поставленных на ребро. Площадь поселения — около 0,4 га.

Поселение 45

Поселение 45 находится на высоком берегу того же мыса, что и поселение 44, но с другой его стороны, и, возможно, составляет с последним одно целое. На его поверхности фиксируется много камня, повсюду норки грызунов, заросли густой травы. Площадь поселения — около 0,2 га.

Поселение 46

Поселение 46 довольно протяженное. Оно занимает мысок, образованный двумя отрогами Кельшейхской балки с восточной стороны, а также склон на противоположном берегу одного из этих отрогов (рис. 143). На мысочке — крупные камни, слагающие какие-то стены, густая злаковая растительность, золистый слой, масса нор грызунов, из которых происходят обломки лепной керамики и костей животных (рис. 89). Не исключено, что здесь располагался двойной круглый загон, аналогичный тем, которые мы встречали в районе озера Донузлав [Смекалова, Столба 2009, рис. 9].

На берегу балки (рис. 90) находятся три каменных прямоугольных постройки из крупных камней и зольник, изрытый норами грызунов. Общая площадь поселения — примерно 0,7 га. Здесь был собран подъемный материал: обломки костей животных и фрагменты лепной посуды. Имеются также каменные развалы небольшой площади.

Это поселение относится к позднему бронзовому веку. Об этом свидетельствует подъемный материал и характер построек из крупных камней, а также золистый слой и густая растительность, норы грызунов.

Поселение 47

Поселение 47 также относится к эпохе поздней бронзы. Оно располагается в ландшафте таким же образом, что и предыдущее — на берегу отрога Кельшейхской балки, но площадь этого поселения больше и составляет около 1 га. Его поверхность заросла густой растительностью, слой золистый, много нор грызунов. Сохранность каменных построек очень хорошая. Стены их выстроены из крупных каменных плит. Здесь была обнаружена очень большая постройка, которая представляет собой мощный завал крупных камней и плит (рис. 92). Всего на этом поселении насчитывается не менее 5 каменных сооружений, располагающихся вдоль берега балки. Подъемный материал состоит из обломков лепных сосудов и костей животных, происходящих из золистого слоя.

Поселение 48

Поселение 48 находится на мысочке, образованном крутым изгибом одного из длинных восточных отрогов Кельшейхской балки (рис. 93, 143). Его территория заросла густой травяной растительностью, очень много расторопши. Такая же растительность присутствует и на другой стороне балки. Поселение состоит из, по крайней мере, двух каменных домов, стены которых сложены из крупных камней, поставленных на ребро (рис. 94). Площадь поселения — около 0,3 га.

Поселение 49

Поселение 49 расположено так же, как и поселение 48, но несколько юго-восточнее последнего (рис. 143) — занимает мысочек, образованный изгибом одного из восточных рукавов Кельшейхской балки. Поверхность памятника поросла очень густой злаковой растительностью и расторопшей, почва золистая, с большим количеством обломков костей, иногда попадает и лепная керамика. Здесь, из выброса норы, наряду с другими обломками лепной керамики, был подобран фрагмент венчика лепного сосуда с насечками по краю (рис. 95). Площадь поселения — около 0,6 га.

Поселение 41

Поселение 41 находится на первой пойменной террасе в придонной части Кельшейхской балки (рис. 143). Здесь, на довольно большой площади (около 1 га) располагаются большие постройки, стены которых сложены из очень крупных камней. Иногда удается заметить, что кладка двухлицевая. Вся поверхность поселения поросла густой злаковой растительностью, много расторопши.

Необходимо отметить, что отсюда и к северу выявление древних памятников сильно затруднено, так как далее по руслу Кельшейхской балки в ней располагались несколько позднесредневековых поселений, поэтому повсюду видны руины построек и остатки загонов, сооруженных из крупных необработанных камней.

Поселение 51

Поселение 51 занимает большой и просторный мыс, образованный восточным отрогом балки Кельшейх и небольшой боковой балочкой. По другую сторону этой балочки, также на мысу, находится поселение 50 (рис. 143).

Поселение 51 очень хорошо просматривается на космическом снимке высокого разрешения, взятого из программного ресурса Google Earth, по которому удастся даже построить приблизительный план его центральной части и соседнего поселения 50 (рис. 96).

На поселении 51 находится не менее 7 крупных каменных многокамерных построек. Постройка 17 особенно выделяется своими размерами, хорошей сохранностью, а также четкостью планировки (рис. 97). Стены построены в хорошо знакомой по многим другим поселениям эллинистич-

ческого времени технике двухлицевой кладки из плит, поставленных на ребро. По более густой растительности и обилию нор грызунов можно отметить места нахождения хозяйственных ям. Площадь поселения — около 1,4 га.

Поселение 50

Поселение 50, как уже говорилось, соседнее, оно занимает мыс к западу от поселения 51 (рис. 143). Оба эти поселения хорошо видны на космическом снимке, и оказывается возможным построить их примерный план (рис. 96). На поселении 50 обнаружено две крупных постройки, причем одна сложена из мелкого камня и имеет округлые очертания. Вторая постройка — прямоугольное каменное здание, стены которого выстроены из камней среднего размера, установленных на ребро. Два больших плоских камня, установленных вертикально, маркируют, вероятно, вход в «дом». Помимо этих построек здесь имеются также два строения меньшего размера. Площадь поселения — не более 0,5 га.

Поселение 52 бр.

Поселение 52 бр. находится на мысу, образованном восточным отрогом Кельшейхской балки и боковой балочкой. Вся площадь поселения покрыта густой злаковой растительностью с расторопшей. Встречаются крупные камни. Слой на поселении золистый, с большим количеством раздробленных костей животных и обломками лепной керамики, в том числе с «расчесами». Перечисленные признаки позволяют отнести это поселение к эпохе поздней бронзы. Площадь поселения — приблизительно 0,45 га.

На этом мы заканчиваем рассмотрение памятников верховьев и средней части балочной системы Кельшейх. Несомненно, древние поселения существовали и в ее низовьях, где природные условия как нельзя лучше подходят для проживания и хозяйствования людей. Однако наличие руин домов позднесредневековых поселений, загонов и других объектов не позволяют выявлять слои более раннего времени под позднейшими напластованиями.

Перейдем к описанию памятников, находящихся в Калиновской балочной системе. Эта извилистая балка имеет длину 14 км, она впадает в Ак-Мечетскую бухту. Низовья балки застроены домами поселков Калиновка и Черноморское, поэтому разведки проводились только в ее верховьях и средней части.

Поселение 20

Поселение 20 в срединной части Тарханкута самое необычное, оно отличается от других положением и структурой. Поселение располагается вдоль по южному склону водораздела, находящегося с северной стороны Калиновской балки, в центральной части полуострова (рис. 143). В длину оно протянулось более чем на километр, а в ширину достигает, в среднем, 100 м. Это поселение сочетает в себе как постройки, типичные для других поселений Тарханкута, с камнями, стоящими на ребре, так и крупные прямоугольные строения, сложенные из мелкого камня, как на поселении Ойрат 2. Это объясняется тем, что данное место было облюбовано человеком, начиная с древних времен и до наших дней. Так, на карте конца XIX в. здесь помечена кошара Кривая Хараба, а также руины какой-то другой кошары. Характерным для поселения 20 является наличие зольников, а также повторяемость (не менее восьми раз) сочетания «дом-зольник-курган». Всего на поселении 20 можно выделить примерно 18 жилых построек разного типа.

Поверхность памятника покрыта густой растительностью, много дикого льна и расторопши. Очень много нор лис и грызунов. Площадь этого большого поселения — не менее 10 га.

Поселение 84

Поселение 84 располагается напротив поселения 20, к востоку, на мысочке на другой стороне Калиновской балки (рис. 143). Оно представлено двумя постройками, каменные стены которых стоят на ребре. Площадь поселения небольшая, всего около 0,1 га.

Поселение 87 бр.

Поселение 87 бр. располагается в нижней части мыса, образованного двумя дочерними, по отношению к Калиновской, балками, напротив поселения 20, к югу от последнего (рис. 143). Оно характеризуется мощным золистым слоем и обилием нор лис и грызунов, из выбросов которых происходят обломки костей животных и фрагменты лепных сосудов. По-видимому, поселение относится к эпохе бронзы. Поверхность памятника повреждена современной распашкой и строениями нового времени.

В центральной части Тарханкута, в системе Оленевской балки, нами было обнаружено только два поселения эпохи бронзы. Возможно, это объясняется тем, что почти вся земля в срединном районе полуострова распахана или возделана под сады и виноградники, но, не исключено, что подобная практика существовала уже с давних времен, и эти земли были пахотными уже и в эллинистическое время, следовательно, поселения тут существовать не могли. Действительно, именно здесь, на этих землях А. Н. Щеглов открыл ортогональную систему межевания (рис. 112, 144).

Поселение 18 бр.

Поселение 18 бр. располагается на низком мысочке, который образован с северной стороны основной и дочерней балками. Поверхность этого поселения поросла густой растительностью, много расторопши. Культурный слой золистый, с большим количеством раздробленных костей и обломков лепной посуды. Просматриваются какие-то большие строения, стены которых составлены из крупных камней. Поселение имеет вытянутую вдоль балки форму и площадь не менее 0,5 га. Сохранность, вероятно, неплохая, по крайней мере, нет следов распашки или выборки камня.

Поселение 19

Поселение 19 было открыто нами благодаря тому, что его культурный слой на склоне мыса у балки разрушается, и хорошо видна золистая толща почвы, насыщенная обломками костей животных и фрагментами лепной керамики. Возможно, здесь находится зольник поселения. На низком мысочке, который образован Оленевской балкой и одним из ее притоков с южной стороны, располагается, по крайней мере, три прямоугольных каменных постройки, стены которых сложены из мелкого и среднего камня. Площадь поселения невелика — 0,4 га.

Мы заканчиваем описание памятников, находящихся в системе водосбора Оленевской балки рассмотрением одной интересной курганной группы, расположенной к северу от дороги, идущей от Красносельского в Оленевку, примерно в средней ее части. Эта курганная группа помечена на рис. 144 номером 953.

Курганная группа 953

Курганная группа находится на крутом склоне возвышенной северной части Оленевской балки, примерно в ее середине (рис. 144). Она состоит из четырех курганов, стоящих близко друг к другу и еще одного большого кургана, находящегося в отдалении, выше по склону, на расстоянии около 150 м к северо-западу. Интересно то, что здесь наблюдается четкая, округлая в плане каменная загородка к северу от основной курганной группы. Все курганы располагаются на выходе слоя известняков, на каменистой почве. А. А. Долговым и А. В. Рыбкой проведена точная инструментальная топографическая съемка этой курганной группы, результат которой представлен на рис. 98.

Курган 953 имеет диаметр около 10 м и высоту 0,6 м. На его вершине находится большой каменный ящик, окруженный кольцевой стеной (рис. 99). Пространство между стеной и ящиком заполнено мелкими камнями.

Курган 954 — диаметр 9 м, высота 0,6 м, на вершине — ящик, частично заглубленный в грунт, насыпь состоит из камней мелкого и среднего размеров.

Курган 955 — диаметр 15 м, высота 0,7 м, ящик в центре, насыпь больше, чем у других курганов, состоит из мелких и средних по размеру камней.

Курган 956 — диаметр 9 м, высота 0,5 м, очень четко видно кольцо, составленное из крупных камней.

Курган 957 — диаметр 8 м, высота 0,3 м, насыпь состоит из камней мелкого и среднего размеров (точка 957 на рис. 98). В поле этого кургана также зафиксирован каменный ящик, размерами 0,9х1,2 м, ориентированный в широтном направлении, составленный из очень больших плит, полностью заглубленный в землю, не имеющий перекрытия из камней, края которого четко видны на поверхности (рис. 100).

К северу от этой курганной группы находится каменная загородка, имеющая округлую форму, составленная из крупных камней, поставленных на ребро. Кладка стены ограды двухлицевая (см. точки 961-3 на топографическом плане на рис. 98 и фото на рис. 101). Как уже упоминалось, подобные загородки встречались не менее семи раз на курганных группах в Юго-Западном районе Тарханкута (см. выше). Для объяснения этого явления необходимо более детальное исследование, как загоронок, так и связанных с ними курганов.

Всего в Центральном районе Тарханкута нашими разведками было открыто 8 поселений эпохи поздней бронзы, 10 поселений предположительно, эллинистического времени и одна античная усадьба (Кунан).

Переходим к изложению результатов разведок в Южном районе Тарханкута.

Южный район

Южный район Тарханкута характеризуется более или менее однородным геологическим и геоморфологическим строением, несколько отличающимся от остальной части Тарханкута. Здесь склоны Мелового увала становятся пологими, они изрезаны неглубокими балками, спускающимися к морю по кратчайшему расстоянию и имеющими прямолинейные русла. Многие балки не имеют выхода к морю. Они исчезают, не доходя до него, в пористых и закарстованных известняках. Особенностью этого района, как уже говорилось, является интенсивное хозяйственное освоение территорий, что, конечно, отрицательно сказалось на степени сохранности памятников археологии.

Всего в Южном районе Тарханкута обнаружено 14 поселений, предположительно, эллинистического времени и 1 поселение эпохи бронзы.

Начнем перечисление открытых памятников с пограничной, по отношению к Юго-Западу, области, примыкающей к дороге, ведущей в Марьино (бывш. Джан-Баба) (рис. 145).

Поселение 119

Поселение 119 было обнаружено по космическому снимку из ресурса Google Earth. Оно находится несколько западнее шоссе, ведущего из Красносельского в Марьино, на берегу маленькой балки, спускающейся к морю в районе последнего поселка (рис. 145). Состоит только из одной крупной постройки, стены которой сложены из больших камней. Подъемного материала не обнаружено. Не исключено, что эта постройка нового времени.

Поселение 103

Поселение 103 также было обнаружено по космическому снимку из ресурса Google Earth. Оно находится на мысочке, образованном двумя рукавами балки, спускающейся к Марьино (Джан-Баба) (рис. 145). Здесь находятся следы разрушенных построек: камни, собранные и сброшенные в балку. Вероятно, данное поселение было разрушено во время проведения работ по сооружению оросительного канала с бетонными порогами, проходящего в 130 м юго-западнее от него. Площадь поселений 119 и 103 определить затруднительно.

Поселение 672 бр.

Поселение 672 бр. относится, вероятно, к эпохе бронзы. Оно находится на маленьком мысочке, образованном в месте слияния небольших балок, спускающихся к морю. Поверхность поселения поросла густой растительностью с расторопшей, слой золистый, с большим количеством нор грызунов, из выбросов которых происходит подъемный материал: обломки костей животных и

фрагменты лепной керамики. Имеются большие камни, слагающие стены каких-то построек. Площадь поселения невелика — 0,3 га.

Далее к востоку на довольно большом пространстве склонов вплоть до балки Чокрак древних поселений не обнаружено, возможно, из-за того, что этот район очень интенсивно был освоен в новое время (рис. 146). Первое поселение, встреченное на этом участке — поселение 11 на берегу балки Чокрак.

Поселение 11

Поселение 11 расположено на восточном берегу балки Чокрак в среднем ее течении (рис. 146). Состоит не менее чем из 4 «домов» не очень хорошей сохранности. На поселении видны следы каких-то земляных работ, есть валики, состоящие из земли и камней. Самая крупная постройка имеет размеры 12x16 м. Стены домов сложены в технике двухлицевой кладки из камней, поставленных на ребро. Иногда удается заметить, что камни в кладке стоят на ребре перпендикулярно оси стены. Площадь поселения — около 0,6 га.

Поселение 7

Поселение 7 расположено в верховьях следующей от Чокрака к востоку балки, называемой Ненаран, на западном ее берегу. Здесь имеется узкий и длинный мыс (рис. 146). Поселение состоит не менее чем из 4 строений, стены которых составлены из камней, стоящих на ребре. Наряду с крупными постройками вытянутой прямоугольной формы, имеются также более мелкие строения. Площадь поселения — не менее 0,5 га. Один из «домов» поселения расположен ниже по течению балки, на ее западном берегу (см. точку 7а на карте на рис. 146).

Поселение 10

Поселение 10 расположено на следующей от поселения 7 к востоку небольшой безымянной балке, на западном ее берегу, недалеко от фермы (рис. 146, 147). Растительность на территории поселения гораздо более интенсивная, чем на окружающей, довольно голой степи. Поселение состоит из, по крайней мере, шести каменных прямоугольных построек большого размера (в среднем, 9x13 м) и одной-двух мелких построек, а также не менее трех «загонов» — загородок, заглубленные стены которых образуют кольцевые или прямоугольные с закругленными углами структуры. Площадь поселения — около 0,9 га.

Поселение 6

Большое поселение 6 расположено на западном берегу следующей от поселения 7 к востоку крупной балки, Кыргызчик, имеющей выход к морю (рис. 146, 147). Поверхность поселения ровная, некоторые постройки видны довольно четко. В местах строений имеется густая растительность, очень черная почва, множество нор лис. Здесь удалось зафиксировать не менее девяти крупных прямоугольных построек, стены которых выстроены в технике двухлицевой кладки из камней, поставленных на ребро (рис. 102). Площадь поселения — не менее 2 га.

Поселение 9

Поселение 9 расположено на той же балке, что и поселение 6, но ниже последнего по течению. Поселение 9 занимает мысочек, образованный двумя рукавами балки. Оно состоит из трех каменных построек размерами, в среднем, 10x12 м. Стены домов видны очень четко (рис. 103). Они построены в технике двухлицевой кладки из камней среднего размера, поставленных на ребро. В углах домов установлены большие камни. Площадь поселения ограничена территорией мысочка и составляет около 0,4 га. Сохранность построек очень хорошая.

Поселение 5

Сохранность некоторых построек на поселении 5 такая же хорошая, как и на поселении 9. Поселение 5 расположено на мысу, образованном основным течением балки Кульчук и ее восточным притоком (рис. 147), состоит не менее чем из 4-х каменных построек размерами, в среднем,

10x12 м. Стены некоторых домов видны очень четко. Они сооружены в технике двухлицевой кладки из камней, поставленных на ребро. Площадь поселения ограничена территорией мыса и составляет около 1,5 га. Постройки расположены на довольно большом расстоянии друг от друга. Некоторые из них разрушены деятельностью людей, которые устроили из соседнего, к северу, кургана настоящий хаос нагроможденных камней, пытаясь создать подобие лабиринта или какого-то памятника.

Далее к востоку опять следует лагуна, здесь древние поселения не обнаружены из-за активной современной строительной деятельности. Первое после перерыва обнаруженное поселение 12 находится к северо-востоку от Беляуса (рис. 148).

Поселение 12

Поселение 12 расположено на западном берегу большой балки, находящейся напротив п. Озеровка (бывш. Тереклы-Асс) у устья озера Донузлав (рис. 148). Балки этого района не имеют выхода к морю, что означает, что воды, которые они несут, исчезают в карстовых и трещиноватых породах, слагающих подножия холмов.

Поселение 12 состоит не менее чем из 4-х построек, а также зольника. Поверхность памятника покрыта густой злаковой растительностью, много нор грызунов. Постройки имеют стены, состоящие из камней, поставленных вертикально. Здесь был подобран обломок стенки амфоры эллинистического времени. Площадь поселения — около 0,5 га, сохранность строений удовлетворительная.

Поселение 13

Находящееся рядом поселение 13 расположено на восточном берегу следующей к востоку небольшой балки. Поселение выделяет густая травянисто-злаковая растительность. Оно состоит из 3-х довольно больших прямоугольных построек и одного небольшого строения. Стены «домов» видны очень четко. Они возведены в технике двухлицевой кладки из довольно крупных камней, поставленных на ребро. Площадь поселения — примерно 0,6 га, сохранность удовлетворительная.

На высоком склоне над д. Озерное (Тереклы-Асс) (см. карту на рис. 148) находится курганная группа, состоящая из трех каменных насыпей и крупных каменных ящиков. Особенно хорошо сохранился ящик 1 (рис. 104), стенки ящика 2 разрушены.

После этого поселения опять следует территория, где древних памятников, кроме курганов, не обнаружено. Здесь вся поверхность сильно повреждена строительными и мелиоративными работами.

Поселение 14

Поселение 14 расположено на западном берегу очень глубокой балки, находящейся выше п. Озеровка (рис. 149). Оно состоит более чем из двух домов, сложенных из очень крупных камней. Растительность исключительно густая, злаковая. Возможно, что здесь, помимо ранних, имеются также позднесредневековые напластования. На противоположной стороне имеются какие-то стены, вероятно, поздние. Площадь — не более 0,3 га.

Поселение 17

Поселение 17 расположено на берегу небольшой балки к востоку от поселения 14 (рис. 149). Сохранность этого небольшого поселения хорошая (рис. 105). Стены «домов» несколько «утапают» в земле, но все равно четко видно, что кладка двухлицевая, из камней, поставленных на ребро. Размеры «домов» 10x12 м. Число таких построек на поселении — не менее трех. Площадь поселения — около 0,3 га.

Два последних из обнаруженных нашими разведками поселений — 15 и 16 — находятся на берегах мощной балки, впадающей в Донузлав восточнее с. Медведево.

Поселение 15

Поселение 15 расположено на западном берегу балки (рис. 106, 149). Состоит из каких-то крупных построек, составленных из больших камней, однако сохранность строений плохая. Приблизительная площадь поселения — 0,2 га.

Поселение 16

Поселение 16 также расположено на западном берегу балки, но ниже по течению (рис. 149). Состоит всего лишь из одной каменной постройки не очень хорошей сохранности. Площадь поселения — не более 0,1 га.

Далее к востоку разведки не проводились.

ВЫВОДЫ

Всего на Тарханкуте (за исключением зоны исследования DSP в районе Джарьлгачского озера) нашими разведками обнаружено 90 поселений, предположительно, эллинистического времени, 13 поселений эпохи поздней бронзы и две античные усадьбы (Меловое и Кунан). На полуострове выявлено по детальным картам и разведками более 5000 курганов (рис. 112).

Эти памятники принадлежат эпохе бронзы и эллинистическому времени. Возможно, что какая-то часть поселений может относиться и к позднеантичному и средневековому времени, но судить об этом с уверенностью, в силу невыразительности подъемного материала или полного его отсутствия, пока невозможно.

Поселения эпохи бронзы характеризуются наличием значительного по мощности золистого слоя, обилием травянистой растительности, в основном, злаковых, дикого лука и расторопши, большим количеством нор грызунов и лис, в выбросах которых часто присутствуют обломки лепной керамики и костей животных. На памятниках эпохи бронзы каменные сооружения выступают над поверхностью меньше, чем на поселениях эллинистического времени, постройки располагаются на мысах и склонах балок.

За исключением прибрежных античных памятников, а также поселения Кунан (86) в срединной части полуострова, все поселения эллинистического времени сходны между собой и, фактически, различаются только размерами. Как маленькие, так и большие поселения объединяют жилые и хозяйственные комплексы, в состав которых входят: большая постройка, малая постройка (постройки), группа ям, загоны и, иногда, полуземлянки и зольники. Стены построены в технике двухлицевых кладок, с применением крупных необработанных плит, часто поставленных на ребро. Поселения (кроме поселения Кунан) неукрепленные. С большинством поселений, очевидно, могут быть соотнесены близлежащие курганные насыпи. Курганы обычно небольших размеров, с каменной или, реже, с каменно-земляной насыпью. Почти всегда просматриваются каменные кольца-крепиды, опоясывающие центральную часть кургана, и каменные «ящики», сложенные из больших необработанных плит — в центре. В семи случаях нам удалось выявить прямоугольные со скругленными углами оградки, примыкающие к курганам, обычно, самым крупным в курганной группе. Кладка стен оградок двухлицевая, из крупных камней, поставленных на ребро.

В отдельный тип следует выделить постройки, стены которых сложены из мелкого бутового камня, а остатки всего строения имеют вид небольшого всхолмления, наподобие «подушки».

Довольно обильный античный импорт, а также традиция сооружения курганов и значительное присутствие лепной посуды могут указывать на смешанный характер населения, оставившего эти памятники.

Предварительные замечания

относительно системы расселения и землепользования

Характерной особенностью поселений эллинистического времени является то, что они располагаются, во-первых, в сходных ландшафтных, геологических и почвенных условиях, во-вторых, за пределами пахотных территорий, в-третьих, тяготеют к античным центрам.

Высказанные тезисы можно проиллюстрировать картой распределения поселений, где в качестве основы выбраны геологическая карта (рис. 150), карта грунтов (рис. 151, 152), почвенная карта (рис. 153) и топографическая карта, на которую нанесены археологические памятники Тарханкута (рис. 112).

Поселения занимают определенную ландшафтную нишу, располагаясь в пределах тех форм рельефа, которые связаны, в основном, с балочной системой: на мысах между двумя балками, на берегах балок, их склонах в придонной части, в верховьях балок.

Кроме этого, удастся подметить, что все поселения находятся в пределах одной и той же глобальной геологической структуры, а именно, в пределах сарматского яруса (рис. 150). Возможно, это связано с тем, что условия для проживания и хозяйствования именно в этой геологической провинции были наиболее удобны для древних людей. Здесь они были обеспечены хорошей пресной водой, так как трещиноватые и закарстованные сарматские известняки обильно водоносны. Здесь же имелся прекрасный природный строительный материал — плотный известняк сарматского горизонта. Эта порода выходит на поверхность слоями на склонах и в берегах балок и легко поддается добыче открытым способом путем откалывания глыб по краю пласта.

На сарматских породах сформировался особый вид грунтов и почв — маломощные черноземы на продуктах разрушения плотных известняков. Все выявленные поселения находятся в пределах распространения именно этого вида почв и грунтов (рис. 9,а,б, 151, 153), который являлся, вероятно, наилучшим для формирования растительности пастбищ, составлявшей основную кормовую базу отгонного и приусадебного скотоводства. Отметим, что данный вид почв и грунтов характерен только для западной и южной частей Тарханкутского полуострова, на других территориях северо-западного Крыма таких почв нет (рис. 152). Вероятно, неспроста именно на юге и западе Тарханкута находится самая большая концентрация, как курганов, так и древних поселений.

Если поместить на карту Тарханкута с курганами и поселениями сетку ортогонального межевания, выявленную А. Н. Щегловым, то оказывается, что ни одно из поселений не попадает в пределы размежеванной территории (рис. 112). Как известно, система прямоугольных земельных участков была открыта А. Н. Щегловым еще в 1979 г. по аэрофотоснимкам [Ščeglov 1980], и до сего дня ее существование пока никак не подтвердилось в археологических реалиях. Возможно, что отсутствие поселений эллинистического времени на территории предполагаемой системы межевания может служить косвенным подтверждением ее существования. Не исключено, однако, что поселения могли быть разрушены вспашкой и в настоящее время быть «невидимыми» для того метода разведки, который нами применялся в июне 2009 г. Для полного обследования распаханной территории Тарханкута необходимы интенсивные блочные разведки сплошными площадями с использованием методики, применявшейся в 2007 – 2008 гг. в рамках международного Джарылгачского проекта.

В отношении почв и грунтов, как уже отмечалось выше, поселения в большинстве своем располагаются на границах каменистых выходов известняка и хорошей почвы, пригодной для распашки. Иными словами, они находятся на границах пастбищ и пахотных угодий, никогда не занимаемая ценные для возделывания земли. На подобную же особенность обратил внимание недавно и исследователь древних агроландшафтов Г. П. Гарбузов, который доказал, что большинство античных сельских поселений Тамани располагаются на границах плодородных черноземных областей [Гарбузов 2009, с. 129 сл.].

В связи с выявленными особенностями размещения «варварских» поселений относительно ортогональной сетки размежевания, логичным кажется сравнить выявленную нами на Тарханкуте ситуацию с таковой же на Гераклеийском полуострове. Как известно, поселения варварского кизилкобинского населения IV – III вв. до н. э. размещены не ближе 1 – 1,5 км от границы размежеванной на наделы части Гераклеийского полуострова. Топографический пояс поселений явно увязан с системой наделов, поселения находятся за пределами размежеванной территории, являясь пограничными по отношению к ней (рис. 107) [Савеля 1979, с. 173]. Проведенная недавно ревизия этой картины [Зубарь и др. 2005, с. 185 – 189] принципиально ситуации не меняет.

Кроме этого, исследования на Тарханкуте показали, что «варварские» поселения тяготеют к античным центрам и, вероятно, синхронны с ними. Так, поселения 1, 2 и 8 находятся поблизости

от Ойрата, поселения 3 и 115 — недалеко от Мелового, поселения 18 — у Джан-Бабы, поселения 7 и 11 — у Тарпанчи, поселения 5, 6 и 9 — у Кульчука, поселения 4, 70 и 71 — у Атлеша, поселения 68, 70, 66, 67 — у Караджинского городища (см. рис. 112). Не исключено, что в западном Крыму земледельческие племена, обитавшие поблизости от греческих центров, возможно, и были той основной силой, которая обрабатывала обширные пахотные территории Херсонесского государства.

О культурной и этнической принадлежности земледельческого населения Тарханкута

Представляется наиболее вероятным, что описанные «варварские» поселения и соответствующие курганные группы оставлены какими-то земледельческими племенами, переселившимися в эллинистическое время, или несколько раньше, в район Тарханкута. Возможно, первыми поселенцами были довольно многочисленные представители одного и того же большого племени или группы родственных племен. Действительно, только так можно объяснить схожесть их материальной культуры по всему Тарханкуту, насколько можно судить по видимым остаткам поселений и подъемному материалу с них. Ярким проявлением этой культуры были погребальные сооружения в виде каменных ящиков. Название «каменные ящики» для данного типа гробниц отражает их главную особенность — наличие более или менее заглубленных в землю прямоугольных ящиков, составленных из необработанных или слабо подтесанных плит. Насыпи могут отсутствовать, но практически обязательными являются кольцевые обкладки и наброски из камней. Поиск аналогий этим сооружениям моментально приводит нас в восточный Крым, где имеются совершенно идентичные погребальные памятники и соответствующие им поселения.

Каменные ящики западного и восточного Крыма

Основная идея этого раздела состоит в том, чтобы подчеркнуть установленный факт сходства археологических культур, существовавших одновременно в двух противоположных частях Крыма — западной и восточной, а также, в меньшей степени, и в степных пространствах центрального Крыма.

В западном Крыму общее число курганов по данным картографии — не менее 5000. Наиболее значительные курганы находятся, как правило, на вершинах водоразделов, они идут на определенном расстоянии друг от друга, возможно, равном пределу видимости. Такие цепочки тянутся иногда на несколько десятков километров и, предположительно, маркируют основные направления передвижения кочевых племен, являясь путевыми ориентирами.

Как уже говорилось, основная масса других, более мелких, курганов, образующих линейные кластеры, располагаются на возвышенных частях между балками, спускающимися по склонам.

Само расположение курганных групп красноречиво указывает на возможное местонахождение поселений — жители поселений должны были хорошо видеть могилы предков. То есть курганные группы расположены в расчете на тех, кто находится ниже по склону увала или склонам балок. Можно, вероятно, предположить и обратное взаимодействие между живыми и ушедшими — покоящиеся под курганами предки должны были «видеть» свои земли и своих сородичей для того, чтобы охранять и оберегать их. Поэтому от курганов должен был быть хороший обзор владений данного рода.

Все компоненты этих владений были одинаково ценными: пахотная земля, пастбища и источники воды (колодцы). Все это являлось собственностью или находилось в распоряжении отдельных семей или небольших родов. Земельные владения, маркируемые той или иной небольшой курганной группой, невелики. Соответственно и поселения данного рода не могут быть крупными, что мы и наблюдаем в реальности.

Возле каждой курганной группы находится небольшое поселение, размеры которого пропорциональны числу курганов. Этот факт был нами установлен на большом количестве пар «курганная группа — поселение» и, на наш взгляд, он, безусловно, свидетельствует о тождественности населения, оставившего как курганы, так и поселения [Смекалова 2008; 2009б]. Эти курганы, предпо-

ложительно, оставленные оседлым населением, имеют ряд морфологических особенностей, выделяющих их из общей массы могильников.

Прежде всего, среди них много так называемых «ящиков», стоящих на поверхности, обычно составленных из крупных необработанных известняковых плит, окруженных подобием ограды; пространство между оградой и ящиком заполнено мелкими камнями. Они выделяются в отдельный тип погребальных сооружений. Такие «ящики» встречены нами в южной части Тарханкутского полуострова возле Мелового (рис. 36, 43, 46, 48 – 51), над устьем Донузлавского озера (рис. 104), над Джарылгачским озером (рис. 108), в центральном районе Тарханкута (рис. 99).

Следующий тип — очень низкие курганные насыпи, которые состоят из камней мелкого и среднего размеров и очень малого количества грунта; почти во всех случаях достаточно четко прослеживается круговая обкладка из крупного дикарного камня. В связи с тем, что насыпь практически отсутствует, в средней части обычно хорошо читается заглубленный каменный ящик или два ящика. Ярким примером этого типа могильников могут служить курганы над урочищем Алдерменская скала в районе Джарылгачского озера (рис. 109), в центральном (рис. 100) и других районах Тарханкута.

Несмотря на то, что погребальные сооружения первых двух типов на Тарханкуте никогда не раскапывались, их топография и наличие рядом с ними селищ позволяет высказать предположение, что они оставлены оседлым населением, проживающим в непосредственной близости от могильников.

Третий тип — подкурганные каменные склепы. О внутреннем строении этих сооружений приходится судить по внешнему виду остатков раскопанных в 1972 г. четырех курганов, находящихся на склонах у Джарылгачского озера, над поселением Снежное. К сожалению, результаты раскопок этих курганов Северо-Крымской экспедицией под руководством А. А. Щепинского до сих пор не опубликованы и не введены в научный оборот. Некоторые детали погребальных сооружений и описание сопровождающего инвентаря мы приводим из краткой справки, опубликованной в 1973 г. [Щепинский 1973] и на основе визуальных наблюдений на незасыпанных после раскопок 1972 г. курганах. Курганные насыпи состоят из камней мелкого и среднего размеров и, реже, грунта. Каждый курган окружало кольцо из крупных камней. Гробницы представляли собой каменные прямоугольные сооружения (склепы) с дромосом с восточной или юго-восточной стороны или без него. Размеры гробниц в плане, насколько можно судить по их внешнему виду в настоящее время, составляют примерно 2,5x1,0 – 1,3 м. Они сложены из поставленных на ребро плит с каменной обкладкой или положенных плашмя. Значительные размеры погребальных сооружений, а также наличие каменных дромосов говорят о неоднократном их использовании. В 2007 г. в заглублении у одного из курганов обнаружен фрагмент менейской амфоры середины IV в. до н. э., возможно, это остатки тризны.

Вероятно, курганы служили семейными усыпальницами и воздвигались членами одной социальной ячейки. Этим обуславливались небольшие размеры погребальных сооружений и курганной насыпи. Безусловно, многократные подзахоронения свидетельствуют о том, что эти курганы оставили представители не кочевого, а оседлого населения, селища которых находились неподалеку, в пределах прямой видимости от курганов. Так, в непосредственной близости от курганной группы выше по склону над Снежным в 2008 г. в ходе Джарылгачского международного проекта было открыто крупное селище IV в. до н. э.

К этому типу, вероятно, относятся крупные курганы со склепами со сводчатыми перекрытиями, которые были открыты нами на юго-западном участке Тарханкута (рис. 22 – 24 и 31 – 33). Погребальные камеры этих курганов, насколько можно судить по видимой части склепов, обнажившейся в грабительской яме, большие, размерами более 2,5x2,0 м. Дромос расположен с юго-восточной стороны.

Погребальные сооружения всех трех перечисленных типов располагаются небольшими группами от 2 до 10 – 15, обычно на наиболее возвышенных частях водоразделов между двумя балками на склонах увала, причем в группах нередко присутствуют все три типа сооружений.

В качестве наиболее близкой параллели трем выявленным типам погребальных сооружений в западном Крыму можно назвать каменные ящики восточного Крыма. Их ареал охватывает прак-

тически весь Керченский полуостров [см. карту на с. 78 в работе: Масленников 1995]. Наиболее полно они были исследованы в районе Керченского Приазовья А. А. Масленниковым, который выделяет четыре типа этих захоронений:

1. Простые примитивные и грубые гробницы, наземные или слегка заглубленные в землю, образующие подобие «ящика». Ориентация восток – запад. Вокруг устраивалась обкладка из камней [Масленников 1995, рис. на с. 88]. Погребены от одного до пяти человек, преобладают два-три костяка. Гробницы этого типа составляют 56% от всех исследованных. А. А. Масленников датирует эти гробницы по всему объему материала (амфоры первой половины IV в. до н. э., чернолаковая керамика, зеркала, перстни и т. д.) рубежом VI – V или первой четвертью V – третьей четвертью IV вв. до н. э. Здесь же в самых ранних гробницах зафиксированы в небольшом числе кизил-кобинские лепные темно-лощеные сосуды с врезным геометрическим орнаментом. Эта керамика, как известно, встречается на территории некоторых городов и поселений Боспора [Кастанаян 1981; Яковенко 1985], на поселениях Зюк, Генеральское-западное [Масленников 1995, с. 28 – 31].

2. Второй тип — каменные ящики, полностью заглубленные в землю, с кольцевыми выкладками. На могильнике Стоячий камень они находятся попеременно с другими могильными сооружениями и составляют 35% от всех исследованных памятников. В среднем содержат 3 – 4 погребенных в одной могиле. Датировка — IV – вторая половина III вв. до н. э.

3. Третий тип — протосклепы. Они зафиксированы пока только на могильнике Стоячий Камень, где составляют 13,5% от общего количества раскопанных захоронений. Представляют собой дальнейшее развитие второго типа, но рассчитаны на большее количество захоронений. Могильные сооружения стали глубже и шире. Стены сложены из множества камней и заглублены в землю, перекрытия состоят из крупных плит. Кольцевые обкладки стали крупнее. Датируются последней четвертью IV – серединой III вв. до н. э. Количество погребенных в них значительно возрастает, по сравнению с предыдущим этапом (от 3 до 30), составляя в среднем 11 – 12 человек.

4. Четвертый тип — склепы. Здесь уже наиболее ярко проявились произошедшие качественные перемены. Склепы пока зафиксированы только на могильнике Стоячий Камень. Всего раскопано два склепа, но предположительно их здесь было не менее 10. Главная их особенность — появление ярко выраженного входа — дромоса и невысоких насыпей над гробницами из грунта и мелких камней. Кроме этого, эти гробницы характеризует очень большое количество костяков: 43 (склеп 25/34) и 63 (склеп 39/48). Количество вещей при этом становится «мизерным» [Масленников 1995, с. 49]. Датируются эти склепы III – II-I вв. до н. э. (склеп 25/34) и рубежом IV-III – концом III вв. до н. э. или даже позднее (склеп 39/48) [Масленников 1995, с. 14, 19].

Необходимо отметить, что по соседству с каменными ящиками, как в Восточном, так и в западном Крыму, по аэрофотографиям и пешими разведками выявлены следы землепользования [Смекалова 2007б]. Так, повсюду в Керченском Приазовье, на не затронутых современной пахотой местах, имеются следы длинных полей, которые, весьма вероятно, связаны с деятельностью населения, оставившего «каменные ящики». Не исключено, что тщательные автомобильные и пешие разведки внутренних территорий данного региона, в том числе с применением геофизических методов, помогут выявить возможные поселения*, находящиеся, вероятно, в близости от каждой из групп могильных сооружений в виде каменных ящиков и курганообразных насыпей.

Данный тип могильников, возможно, был распространен в восточном Крыму шире, чем показано на карте в работе А. А. Масленникова [1995, с. 78]. К приазовским могильникам, помеченным на ней, можно добавить еще по крайней мере один — на высоком плато, располагающемся над южным берегом Чокракского озера, где находится большая группа каменных ящиков. У с. Аршинцево был раскопан подкурганый ящик конца VI – начала V вв. до н. э. [Бессонова

* Здесь может помочь магниторазведка перспективных участков, так как этот метод чрезвычайно чувствителен к хозяйственным ямам, которые могут оказаться одними из главных объектов на предполагаемых ранних, пока не найденных, поселениях.

1972, с. 106 – 107]. Подобные ящики находятся также на южном берегу Керченского полуострова у с. Яковенково [сообщение Н. И. Сударева, март 2009 г.].

По мнению многих исследователей, ареал таких гробниц еще шире и он охватывает как весь восточный Крым (например, гробница у с. Ильичево, раскопанная А. М. Лесковым [1968]), так и степную срединную часть и западный Крым [Колотухин 2000, с. 81; Колтухов 2005, с. 239]. В 1996 г. В. А. Колотухин в междуречье Биюк-Карасу и Кучук-Карасу раскопал три подобные могилы, датирующиеся IV в. до н. э. [Колтухов 2005, с. 239]. По крайней мере, еще одна подобная гробница находится к северу от с. Луговое Белогорского района (наблюдения авторов).

В северо-западном Крыму к настоящему времени опубликованы сведения об 11 подобных гробницах в районах у оз. Донузлав (с. Наташино, с. Белоглинка), у с. Суворовское близ Евпатории, у с. Межводного [Колотухин 2000, с. 81, 82, 105; Колтухов 2005, с. 239, 252].

В Керченском Приазовье наиболее ранними являются наземные каменные ящики, поэтому, если задаться вопросом о происхождении оставившего их населения, то нужно говорить именно о захоронениях первого типа. Они имеют явное сходство с предгорными кизил-кобинскими, что проявляется в самом типе погребальных сооружений, наличии круговой каменной обкладки, заполнении пространства между оградой и ящиком мелкими камнями, в многократности асинхронных погребений, наличии редких находок лощеной керамики [Масленников 1995; Храпунов 2004, с. 59]. Но есть и существенные различия — в Приазовье хоронили в вытянутом положении головой на запад, а в предгорьях — в скорченном положении головой на север, восток или юг и никогда — на запад. Ограды в предгорьях чаще всего прямоугольные, в то время как в Приазовье они круглые [Храпунов 2004, с. 59]. Однако в последнее время появляются данные, которые свидетельствуют об изменении погребального обряда у тавров, обитавших в предгорьях в V – IV вв. до н. э. Так, на могильнике Дружное 2 в одном из ящиков последнее непотревоженное захоронение совершено на спине по вытянутому обряду. В урочище Кизил-Коба Северо-Крымской экспедицией зачищены две ограбленных гробницы, аналогичные приазовским, где были найдены обломки керамики с геометрическим орнаментом, выполненным мелкозубчатой гребенкой, датирующейся V – IV вв. до н. э. [Колотухин 2000, с. 70, прим. 2]. При господстве небольших гробниц в VI – V вв. до н. э. появляются и крупные, длиной 1,9 – 2,1 м [Крис 1981, с. 67 сл.].

А. А. Масленников высказал гипотезу, что около середины VI в. до н. э. часть какого-то близкого к кизил-кобинскому населения под давлением все более проникавших в предгорья кочевых (царских) скифов переместилась в земли восточного Крыма [Масленников 1995, с. 61]. Вероятно, это население и оставило здесь могильники с каменными ящиками.

Открытые на Тарханкутском полуострове в 2007 – 2009 гг. многочисленные могильники с каменными ящиками и соответствующие им поселения имеют явное сходство с таковыми восточного Крыма. Поэтому, можно высказать предположение об одинаковом происхождении населения восточного и западного Крыма, оставившего каменные ящики. Возможно, второе, даже более мощное, чем восточное, направление миграций кизил-кобинского населения было в район западного Крыма*.

Как уже говорилось, рядом с могильниками в виде каменных ящиков в Керченском Приазовье существовали и поселения. Такие селища, как Кошара и Золотое Плато, находящиеся соответственно у могильников Мысир и Стоячий Камень, а также поселение Ак-Таш раскапывались, хотя и не очень большими площадями, Восточно-Крымской археологической экспедицией [Масленников 1995, с. 35; 1998, с. 72 – 90]. А. А. Масленников считает, что люди, оставившие могильники второго и третьего типов, проживали на этих селищах, однако, культурного слоя более раннего времени (V в. до н. э.) ни на одном из них не обнаружено. Синхронных могильникам первого типа селищ здесь пока не найдено, хотя почти на всех поселениях имеются находки V в. до н. э. [Масленников 1998, с. 86]. А. А. Масленников объясняет это явление тем, что могильники первого типа оставлены кочевниками, часто посещавшими данный район Приазовья [Масленников 1995, с. 35]. На наш взгляд, такой признак, как многократные асинхронные захоронения, характерный

* Находки кизил-кобинской лепной керамики V в. до н. э. зафиксированы и в слоях Керкинитиды [Кутайсов 1987, с. 37].

для каменных ящиков первого типа, скорее указывает на оседлость населения, оставившего эти погребения. Кроме того, они входят в состав больших могильников, в которых имеются захоронения второго и третьего типов, синхронные культурным слоям селищ. Налицо преемственность между ящиками первого типа и более поздними каменными гробницами второго и третьего типов, что свидетельствует о непрерывности традиции и о том, что ранние и поздние гробницы оставлены родственными группами оседлого населения.

Возможно, поселения раннего времени, середины VI – V вв. до н. э., пока еще в восточном Крыму не выявлены. Действительно, если предположить, что люди, оставившие каменные ящики, были потомками предгорных кизил-кобинцев, то следует обратить внимание на то, что остатки известных поселений носителей этой культуры иногда состоят из одних только ям, не видимых с поверхности. Например, несмотря на раскопки довольно большой площади в 5 тыс. м² на поселении Шпиль в центральной части предгорного Крыма, строения здесь раскрыты не были, хотя было обнаружено 110 хозяйственных ям [Храпунов 2004, с. 49].

Как уже упоминалось, в Керченском Приазовье рядом с могильниками с каменными ящиками располагались и селища: Золотое Плато, Сююрташ, Кошара (IV – конец III вв. до н. э.). На них жилые и хозяйственные строения группируются в комплексы и располагаются на некотором расстоянии друг от друга. Очень интересно то, что неподалеку находится единственная в регионе крепость Золотое-Восточное (рубеж III-II – начало I вв. до н. э.) [Масленников 1998, с. 100]. Она, возможно, возникла при появлении угрозы жителям селищ, которые и перебрались под защиту ее стен.

Важно то, что на примере приазовских могильников мы можем проследить непрерывную связь между ранними и более поздними гробницами, вплоть до самых поздних, содержащих очень большое количество костяков. Создается впечатление, что люди, оставившие заглубленные в землю каменные ящики (типы 2 и 3) и каменные склепы (тип 4) — это родственные группы одного и того же населения, но испытавшие резкую смену образа жизни под воздействием каких-то (внешних?) обстоятельств, поэтому изменившие и погребальный обряд. Если прежде эти люди жили в неукрепленных селищах и усадьбах, принадлежащих отдельным семьям, то в какой-то момент, в связи с возникшей военной угрозой, они вынуждены были покинуть селища и скрываться под защитой стен крепости. Смена погребального обряда отразилась в переходе от захоронений в каменной гробнице (заглубленном «ящике») членов одной семьи (несколько человек) к захоронению в склепе членов одного коллектива (рода?) (нескольких десятков человек).

Возможно, наблюдение относительно прослеженной в Керченском Приазовье преемственности захоронений от семейных к общеродовым можно распространить и на другие районы Крыма, в том числе и на западный и предгорный Крым, где раскрыто уже довольно много подкурганых «коллективных погребений». Вероятно, последние были оставлены потомками оседлого населения, родственного кизил-кобинцам.

В западном Крыму в некрополях Керкинитиды, Беляуса, Кульчука, Чайки известны подкурганые склепы с «коллективными захоронениями».

В Евпатории на ул. Гоголя при строительных работах был обнаружен подкурганый каменный склеп, вторично использованный для захоронений конца II – I вв. до н. э. Это был небольшой каменный склеп, пока единственный на некрополе города, с полностью сохранившимся уступчатым трехъярусным ложным сводом и дромосом с южной стороны. Авторы раскопок датируют его концом IV – началом III вв. до н. э. Начиная с рубежа II – I вв. до н. э. склеп использовался для захоронений не менее семи умерших [Михлин, Бирюков 1983; Дашевская, Голенцов 2006, с. 32].

На некрополе Беляуса исследованы четыре подкурганых каменных склепа, которые, возможно, были сооружены еще в греческий период (IV – III вв. до н. э.). В склепах зафиксированы многократные (8, 16 и 22 человека) вторичные захоронения с инвентарем I в. н. э. [Дашевская 1969, с. 65 – 73; 1976, с. 55 – 60; 1991; 1994, с. 54]. Датировка инвентаря не выходит за пределы I в. н. э. Все склепы ориентированы меридионально, с отклонением ЮЗ-СВ, дромосы располагались с южной стороны. Стены камер сложены из хорошо отесанных с внутренней стороны плит, причем, нижний ряд плит поставлен на ребро, а последующие положены плашмя, с напуском,

образуя переход к сводам. Своды перекрывались отесанными плитами, полы вымощены [Дашевская, Голенцов 2006, с. 33 – 34].

На некрополе поселения Кульчук в 1995 г. раскопан каменный склеп (могила 30) греческой работы, в котором найдены остатки 22 человек. Камера ориентирована на ЮЗ-СВ. Стены сложены в технике, сходной с вышеописанным склепом на Беляусском некрополе. Плиты нижнего ряда поставлены на ребро, остальные лежат плашмя со скосом внутрь камеры, пол вымощен крупными плитами. Замковая плита рухнула в камеру, как это было и на Беляусе. Первые захоронения относятся к III в. до н. э., большая часть — к I в. до н. э. – I в. н. э. [Голенцов 1994; Дашевская, Голенцов 2006, с. 34 – 35].

На курганном некрополе городища Чайка в 1972, 1977 и 1983 гг. исследованы захоронения II в. до н. э. – I в. н. э. в трех разграбленных каменных склепах [Коновалов 1993; Яценко, Маслов 1978]. Первый из них, под курганом 16, имел две стены, вырубленные в скале, а две другие — составленные из крупных блоков, поставленных на торец. У склепа был уступчатый свод, перекрытый в два яруса крупными блоками. Сооружение склепа датируется IV – III вв. до н. э., а девять вторичных погребений в нем — II в. до н. э. Второй склеп, под курганом 38, сложен из отесанных квадров. Перекрытие разрушено грабителями. Сооружен склеп был в IV в. до н. э., вторично здесь было захоронено не менее 22 человек, костяки лежали в пять ярусов. Датировка по инвентарю в пределах I в. н. э., хотя отмечена находка гончарного светильника и чернолаковой тарелки II в. до н. э. [Дашевская, Голенцов 2006, с. 32 – 33].

Возможно, подобные сооружения будут открыты как на некрополях других «позднескифских» крепостей, находящихся на месте античных центров, так и в курганах западного Крыма. Так, например, в юго-западном районе Тарханкута находятся крупные курганы с каменными насыпями, склепами с дромосами и сложными уступчатыми сводами, которые пока еще не раскапывались (рис. 22 – 24 и 31 – 33).

На Тарханкуте, так же как и в Керченском Приазовье, нам теперь известны поселения тех людей, которые оставили «каменные ящики» и группы небольших курганов. Рядом с каждым могильником имеется небольшое поселение, число каменных домов которого пропорционально количеству курганов. Предварительная датировка этих поселений — IV в. до н. э. Возможно, что позднее, в период возникшей (военной?) угрозы, жители селищ перебрались под защиту стен крепостей, возникших на местах античных центров в западном Крыму.

Необходимо отдельно отметить еще один, уже упоминавшийся, аспект. По нашим наблюдениям, как в районе Керченского Приазовья, так и на Тарханкуте, везде, где имеются нетронутые современной распашкой участки, можно заметить следы древнего землепользования в виде «длинных полей». Они повсеместно прослеживаются как визуально в рельефе местности, на аэро- и космических снимках, так и на магнитных картах, полученных автором в обоих районах [Смекалова 2007б; Бильде и др. 2007]. Вполне возможно, что «длинные поля» обрабатывались теми людьми, которые жили в небольших деревнях и оставили могильники в виде каменных ящиков и подкурганых каменных гробниц.

Вероятно, в западном Крыму, также как и в восточном, присутствие греческих центров явилось тем фактором, который стимулировал появление здесь многочисленных деревень оседлых автохтонных крымских племен. Обширные земли, относящиеся к хоре Херсонеса, с IV в. до н. э. обрабатывались именно этим земледельческим населением, сотрудничавшим с греческими центрами и находившимся в определенной зависимости как от последних, так и от кочевых скифских племен («царских скифов»), «опекавших» их и служивших посредниками в отношениях с греками. Земледельцы, возможно, должны были отдавать часть урожая в виде дани как «царским» скифам, так и грекам. Не исключено, что именно об этой натуральной плате хлебом говорится в Херсонесской присяге [Stolba 2005b, с. 312, прим. 16].

Оба процесса — «аренда» земель греками и заселение их местными племенами, вероятно, были в какой-то степени взаимосвязаны. Переселение земледельцев в западный и восточный Крым, вероятно, шло при посредничестве скифской верхушки, путем инфильтраций некрупных семейно-родовых групп в составе общей племенной «волны», которые в новых условиях сохраняли какое-то время свои традиции, в том числе виды погребальных сооружений [Колотухин 2000,

с. 72]. Такие семейно-родовые коллективы селились отдельно от других групп. На Тарханкуте могильные насыпи, группирующиеся в кластеры, обычно небольшие и примерно одинаковые по величине, что может говорить о социальном равенстве общинников. Погребальные сооружения рассчитаны на многократные подзахоронения, вероятно, членов одной семьи.

Яркими материальными следами тесных контактов Скифии с правителями Боспора и других греческих центров являются курганы у городов, принадлежащие скифской знати — представителям скифских царей. Множество курганов нанесено на детальные карты первой половины — конца XIX века, являющиеся ценными источниками по изучению курганных могильников около Нимфея, Пантикапея, Тиритаки, Китея [Яковенко 1974, с. 70], Фанагории [Гёрц 1870, карта №5], Керкинитиды, Ольвии. Курганы у греческих городов являлись для современников наглядными символами незыблемой собственности скифов на земли, занятые греками. В окрестностях Керкинитиды зафиксирована высокая концентрация находок каменных скифских изваяний, которые, очевидно, были установлены на курганах скифской знати [см. карту в работе: Ольховский 2005, с. 210]. О тесных взаимоотношениях Керкинитиды с варварами свидетельствуют нумизматические и эпиграфические данные. Так, на монетах первого выпуска чеканки этого города, датирующихся серединой IV в. до н. э., изображен скифский конный воин. На монетах конца этого столетия мы видим сидящего скифа. Скифская тема на монетах городов Северного Причерноморья чрезвычайно редка, поэтому, несомненно, ее присутствие в нумизматике Керкинитиды говорит о тесных соседских взаимоотношениях греков и варваров [Stolba 2005a; 2007, с. 89 – 94]. Так называемое письмо Апатурия, процарапанное на черепке фасосской амфоры, свидетельствует о том, что город во второй половине V – начале IV вв. до н. э. выплачивал скифам дань [Соломоник 1987, с. 124 – 125].

Подведем итоги сказанному.

Во-первых, важно то, что было установлено несомненное сходство погребальных сооружений Тарханкута с каменными ящиками восточного Крыма. Таким образом, ареал подобного рода памятников расширяется во много раз и охватывает значительную территорию Крыма.

Во-вторых, при рассмотрении курганов в восточном и западном Крыму выявлено, по крайней мере, два сосуществующих в эллинистическое время этнических компонента — кочевые скифы и оседлые земледельческие племена, предположительно, родственные кизил-кобинским. Огромное число курганов на Тарханкуте объясняется тем, что большинство из них оставлено оседлым земледельческим населением.

Внушительное количество поселений и соответствующих им могильников, выявленные на Тарханкуте, составляет богатейшую базу для изучения истории племен, населявших этот район Крыма. Это население, по всем доступным нам для исследования признакам материальной культуры (как погребальных памятников, так и поселений), в большой степени идентично как для территории Тарханкута, так и Керченского Приазовья, но на Тарханкуте представителей этого оседлого населения было гораздо больше. Об этом свидетельствует очень большое число как курганов, так и соответствующих им поселений. Каждое селище представляет собой несколько жилых и хозяйственных комплексов, обязательно включающих хозяйственные (зерновые?) ямы, реже полуземлянки и загоны. Комплексы расположены свободно, на некотором расстоянии один от другого, каждый, вероятно, принадлежал одной семье. Деревни являлись, по всей видимости, общинами, владеющими земельными угодьями поблизости от поселений. Курганные группы маркируют границы и отражают родовую собственность на эти земли. Характерной чертой районов, занятых данным оседлым населением, являются видимые следы землепользования в виде «длинных полей», идущих преимущественно вдоль протяжения склонов.

Необходимо отдельно подчеркнуть, что пока нигде ни с помощью шурфовки, ни по данным магнитной разведки на поселениях не фиксируются следы пожаров и разрушений. Создается впечатление, что поселения не были разрушены во время каких-либо военных действий.

Какова этническая принадлежность этого населения, пока сказать довольно трудно, но можно предположить, что ими были представители оседлых племен, носителей кизил-кобинской культуры, которые, возможно, были подчинены скифами-кочевниками и вытеснены последними из зоны предгорий на Тарханкут и в Керченское Приазовье. О том, что данные племена привыкли обитать

в холмистой местности и использовать ландшафтные преимущества, говорит топография поселений, которые почти исключительно находятся на склонах холмистых гряд, на мысах и на берегах балок.

Особенно актуальным является вопрос о хронологических рамках существования поселений. Если нижняя дата может пролить свет на демографическую ситуацию в момент появления греков в регионе и выявить связь появления «варварских» поселений с присутствием греческих центров, то верхняя дата, возможно, поможет заполнить лакуну, существующую между периодом расцвета хоры в IV в. до н. э. и образованием позднескифских укреплений на месте античных центров во II в. до н. э.

Перспективы дальнейших исследований на Тарханкуте

Автор надеется, что данная работа будет лишь началом дальнейших разведок и раскопок на Тарханкуте. Необходимо более детальное изучение выявленных памятников с применением как описанной выше методики исследований, так и других новейших методов на стыке наук. Так, например, для того, чтобы определять различные функциональные части поселений, можно применять фосфатный анализ, который является быстрым, недорогим и эффективным средством для определения мест скопления органических и костных остатков и продуктов жизнедеятельности животных и человека. Необходимо проводить сбор образцов растительных остатков и грунта культурного слоя для определения видов выращиваемых злаков и палеоклиматических определений.

Более углубленные исследования выявленных поселенческих структур в их динамическом развитии позволят ответить на вопросы о процессах адаптации древних людей к изменяющимся демографическим, социальным и природным условиям. В ходе дальнейших исследований будут выделяться типы поселений, проводиться их систематизация и выявление их иерархической структуры, что, в частности, даст вклад в решение вопроса об организации и структуре дальней хоры Херсонеса. Большое внимание будет уделено хозяйственно-культурной атрибуции поселений и выявлению параллелей как с другими районами Крыма, так и всего Северного Причерноморья.

В результате проведенных в 2007 – 2009 гг. исследований, склоны холмов на Тарханкуте, которые ранее считались пустынными, «оживают», наполняются обитателями. Это заставляет пересмотреть многие положения, ранее утвердившиеся в науке, относительно греко-варварских отношений в регионе. Вопросы о смене экономических стратегий в производстве сельскохозяйственной продукции, а также об экономическом кризисе III в. до н. э. теперь уже не могут рассматриваться без учета новых данных о системе расселения в этой части западного Крыма, приведенных в настоящем каталоге.

**Указатель новых и старых наименований населенных пунктов
Черноморского района (по сельсоветам)***

1. пгт. Черноморское — Калос-Лимен, Ак-Месджид, Ак-Мечеть

Далековский сельский совет

1. с. Далекое — Чеголтай татарский
2. с. Владимировка — Бай-Кыят
3. с. Журавлевка
4. с. Зоряное
5. с. Северное — Чеголтай немецкий

Кировский сельский совет

1. с. Кировское
2. с. Дозорное — Ак-Коджа
3. с. Задорное — Чонгурчи
4. с. Низовка — Джамал

Красноярский сельский совет

1. с. Красноярское — Донузлав-1
2. с. Ленское — Дорт-Сакал

Краснополянский сельский совет

1. с. Красная Поляна — Кызыл-Чонрав
2. с. Внуково — Яшпет
3. с. Кузнецкое — Чегелек

Медведевский сельский совет

1. с. Медведево — Табулды-Асс
2. п. Озеровка — Тереклы-Асс

Новоивановский сельский совет

1. с. Новоивановка
2. с. Хмелево — Садыр-Богай

Новосельский сельский совет

1. с. Новосельское
2. с. Артемовка — Токи

Окуневский сельский совет

1. с. Окуневка — Тарпанчи
2. с. Громово — Кыпчак
3. с. Знаменка — Чегер-Аджи
4. с. Красносельское — Кунан
5. с. Марьино — Джанбаба

Оленевский сельский совет

1. с. Оленевка — Караджа
2. с. Калиновка — Аблагаджи

**Алфавитный указатель населенных пунктов Черноморского района,
исключенных из учетных данных**

(новое название / старое название / сельсовет)

1766. с. Багратионово / Конрат / Межводненский
1767. с. Барановка / Шамак / Красносельский
1768. п. Белый Колодезь / — / Новоивановский
1769. п. Большой Яр / Большой Кагель / Оленевский
1770. с. Вольное / Абдулгазы / Новоивановский
1771. п. Воронцовка / — / Черноморский поселковый
1772. п. Высокое / Абузлар / Черноморский поселковый

* Дается по публикации [Коростелева, Овчинникова 2006].

1773. с. Вячеславовка / Ак-Баш / Межводненский
1774. п. Глебовка / Улан-Эли / Кировский
1775. с. Глубокое / Кармыш / Оленевский
1776. с. Грибоедово / Шангай / Калининский
1777. с. Григорьевна / — / Чапаевский
1778. с. Грозное / Даулджар / Далёковский
1779. п. Дедово / Бузак / Кировский
1780. п. Денисовка / Дениз-Байчи / Новоивановский
1781. п. Зимовка / Кишлав / Оленевский
1782. п. Калачи / Биюк-Калач / Новоивановский
1783. с. Камышино / Донузлав-2 / Новоивановский
1784. п. Каракулевка / Чегер-Аджи / Новосельский
1785. п. Карельское / Келечи / Новоивановский
1786. п. Кирилловка / Сабанчи / Новоивановский
1787. п. Колодезное / Ток-Джол / Кировский
1788. п. Костровка / Атеш / Новоивановский
1789. с. Куликово / Кульсадык / Новоивановский
1790. с. Лазурное / Джага-Кульчук / Красносельский
1791. п. Майорово / Уч-Кую-Кипчак / Межводненский
1792. п. Малый Яр / Малый Кафель / Оленевский
1793. п. Малышевка / Кафель / Межводненский
1794. с. Меловое / Ой-Эли / Оленевский
1795. с. Морозово / Баккал / Межводненский
1796. с. Морское / Ойрат / Красносельский
1797. с. Найдёново / Танабай немецкий / Межводненский
1798. с. Новокузнецкое / Новый Чегелек / Новосельский
1799. п. Октябрьское / Ток-Шейх / Красносельский
1800. п. Охотники / Куль-Джакин / Кировский
1801. с. Пастбищное / Джайлав / Окуневский
1802. п. Пересыпь / Беляус / Красносельский
1803. с. Пески / — / Черноморский поселковый
1804. п. Песчанка / Населенный пункт рыбного промысла «Ак-Сарай» / Красносельский
1805. п. Прибойное / Очеретай / Оленевский
1806. п. Пристань / — / Оленевский
1807. с. Ровное / Тувака / Межводненский
1808. с. Родники / Чокрак / Красносельский
1809. с. Ромашкино / Курман-Аджи / Межводненский
1810. с. Рыбацкое / Кипчак / Окуневский
1811. с. Рыбное / Бурун-Эли / Межводненский
1812. с. Скалистое / Кула-Шейх / Межводненский
1813. п. Смушковое / Кель-Шейх / Новоивановский
1814. п. Соленое / Темеш-Асс / Новоивановский
1815. п. Староселье / Отуз / Кировский
1816. с. Степное / — / Кировский
1817. с. Сторожевое / Алдерменская Скала / Новоивановский
1818. п. Сычево / Сачал / Новоивановский
1819. п. Тихое / Баим / Кировский
1820. с. Тракторное / Нижний Кульчук / Красносельский
1821. п. Убежище / — / Оленевский
1822. п. Успешное / Кир-Кулач / Кировский
1823. с. Чайкино / Карав татарский / Межводненский
1824. с. Чистополье / Верхний Кульчук / Красногорский
1825. с. Ярославка / Чонгурчи татарские / Кировский
1826. п. Ясное / Отар / Новопавловский
1827. с. Ястребово / Караба / Новосельский

SUMMARY

Introduction

In June of 2009, archaeological surveys were carried out in western Crimea in the context of an international project. The researchers from the following institutions took part in it: the Danish Centre for Black Sea Studies (University of Aarhus, Denmark), the Taurian National University (Simferopol, Ukraine), the University of M. Curie Skłodowska (Lublin, Poland), the Institute for the History of Material Culture (Russian Academy of Sciences, St. Petersburg), St. Petersburg State University, the Moesgaard Museum (Aarhus, Denmark), and the Groningen Institute of Archaeology (Netherlands).

The goals of the continuing Western-Crimean Archaeological Project include studies of the spatial and temporal distribution of settlements and burial grounds, the net of ancient communications and the system of land-demarcation and land-use on the Tarkhankut Peninsula west of Lake Donuzlav (fig. 2). The project provided essential *materials for an archaeological map* of western Crimea.

The preliminary results of the investigations of 2009 have been published earlier [Смекалова, Столба 2009], and a Catalogue of new sites is presented here.

The history of studies of the inland regions of Tarkhankut

The inland regions of Tarkhankut, in contrast to its maritime zones, infrequently attracted the attention of scholars. For that reason, the opinion that has been established in the literature is that Greek centres of the late Classical and early Hellenistic periods were situated exclusively on the coasts while the numerous kurgans that were left by nomadic populations were situated in the inland regions where there were no settlements [Щеглов 1968, 336; 1978, 32; Ланцов 2004, 63; Колтухов 1999, 19]. However, as early as 1933-34 Pavel N. Schulz, during his detailed archaeological surveys that from Lake Saks koye to as far as Bay Dzharylgach, revealed a settlement-site in the Chorotayskaya Balka on the western coast of the Tarkhankut. He attributed that settlement to the Scytho-Sarmatian culture. We add here his description of the settlement: “Between the spurs of the *balka* (gully), not far from its entrance into Bay Chorotay, the remains of four ancient stone dwellings of rectangular plan (measuring c. 6 x 12 m) are scattered around. Within the limits of the dwellings and outside them, fragments of coarse handmade pottery and Greek pointed amphorae were encountered in a relatively thin layer (c. 0.60 m). The most ancient of the amphorae are dated to the 5th century BC, the youngest – to the 3rd century BC... However, examination of the numerous neighbouring *balkas* crossing the rocky western coast of the Tarkhankut has yielded no settlements of a similar type” [Шульц 1941, 268].

In the late 1940s and early 1960s Pavel N. Schulz discovered several settlement-sites (Scythian, in his opinion) remote from the shore and ranged along the shores of Lake Donuzlav as far as the latter's north-eastern extension. However, not only have these sites not been published until recently but even their belonging to the barbarian population is doubted [Ланцов 2004, 62]. In 1949 Askold A. Shchepinskiy found fragmentary handmade pottery discernible for 100 m in a cut at the shore of Lake Donuzlav near the village of Ozernaya and he found horse bones in some places [Щепинский 1951, 115]. Apart from Schulz and Shchepinskiy, nobody has attempted detailed studies of the inland regions of Tarkhankut.

Meanwhile, in the course of studies of 2007-2009 it was discovered that, contrary to established opinion, the entire Tarkhankut territory, particularly the slopes of *uvals* (hilly ridges) facing the sea northward, southward and westward were densely populated in the early Hellenistic period (EHP). Similarly to the surroundings of Lake Dzharylgach, settlement-sites of that period have been found near almost each kurgan group throughout the entire Tarkhankut Peninsula (fig. 112). Moreover, it seems that the region of Lake Dzharylgach is in a certain sense peripheral to the main area of the Tarkhankut Peninsula where the greatest concentration both of kurgans and of settlements has been recorded. All of the settlements (of EHP) are of a single type, consisting of isolated dwellings and household complexes.

Methods

A diversity of methods, which include analyses of cartographic data, satellite images and aerial photographs, as well as field observations, extensive surface surveys, geomagnetic surveys, and archaeological soundings, have been employed for the surveys.

The main field method for locating archaeological sites was based on automobile and pedestrian surveys. In order to reveal settlements, the landscape criteria elaborated during the prior investigations of 2007-2009 (as described below) were applied.

Maps

Since large-scale maps of the Crimea came to be an important source for locating kurgans and other archaeological objects, having served as the starting point for studies of the settlement system on the Tarkhankut Peninsula, it is necessary to describe the most detailed maps of the Crimea ever produced in Russia.

In 1836-38, the Corps of Military Topographers under the direction of F. F. Schubert and D. D. Oberg did a triangulation survey of the Crimea. These studies resulted in maps that were based on the topographic surveys of Colonel Betev. The map of 1837 clearly shows the relief of the localities, the major and minor roads and the numerous villages. Furthermore, this was the first map to show water sources and wells and in addition a great number of kurgans. The shape of the Crimean peninsula is accurate in this 1837 map, unlike earlier maps that are distorted. In 1865 a reconnaissance was conducted on the basis of the maps of 1837 as part of large-scale surveys in 1845-1870 when all of Poland and 22 provinces of central and southern Russia, including the Tauric Province, were mapped on the one-verst scale (1 *verst* is 1.07 km or 3500 ft and this scale is 1 : 42 000). The map of 1865 shows a greater number of roads, settlements, kurgans and wells (fig. 12). The three-verst map that was also issued in 1865 was also based on Colonel Betev's surveys.

Beginning in the early 1870s, the surveys almost completely ceased in the internal provinces of Russia and were continued only in the border regions, including the Crimea, but now they were conducted in the half-verst scale (1 : 21 000). In the half-verst military-topographic map of the Crimea that was issued in the late 19th – early 20th century, an enormous number of kurgans are marked by out-of-scale symbols and with heights listed for the largest mounds. This serious attention was paid to kurgans because these are strategic military points. In addition, water sources and wells were drawn in detail and roads and paths, including abandoned ones, were shown (fig. 13). The relief was rendered in contour lines at an interval of 2 *sazhens* (about 4.3 m). This half-verst map of the Crimea is a very rich source for studies of the spacial distribution of kurgans, traces of ancient land division, systems of settlements and the positions of ancient ditches and ramparts. Its proportions correspond exactly to modern maps so that objects identified in this old map may be easily transposed onto new maps or aerial and space photographs for making comparisons between the various sources.

The volume of information represented in the half-verst map* is comparable with the data of another detailed map at a scale of 1:25000 which was surveyed in the 1950s, and revised in the 1980s on the basis of the results of air-photographs (fig. 7). The contour lines in that map are drawn at an interval of 5 metres. In that map, kurgans are also shown but their number is considerably fewer than in the half-verst map. The heights of the largest kurgans are specified.

The half-verst map of the Crimea from the late 19th century was chosen as the main source for composing a map of the distribution of kurgans. The reason is the fact that in the half-verst map, this category of archaeological sites is represented most completely. Although some mounds, particularly the smaller ones, are not shown in that map, nevertheless the percentage of such omissions is relatively low in comparison to those kurgans that are presented, and perhaps this percentage is uniform throughout the territory of the Crimea. Therefore this map is suitable for a comparative analysis of the distribution of kurgans in the entire Crimea.

* Here and below under the “half-verst” map we will reference the military topographic map of the Crimea of the late 19th – early 20th century in the scale of half a verst.

Scanned sheets of the half-verst map were assembled by means of the Mapinfo program. The kurgans in the composite map were marked in a special layer with circles of different sizes depending on the dimensions of the kurgans. In the half-verst map, near the mounds that are over 1 *sazhen* high (1 *sazhen* = 2.1336 m) their approximate height (in sazhen) is noted. These larger barrows are located with larger circles, while smaller kurgans are marked in the “kurgan layer” with small circles. The latter kurgans are much more numerous. It has proved to be possible to identify a total of 15,500 kurgans in the half-verst map of the Crimea (fig. 111).

In the map that resulted, concentrations of kurgans and kurgan groups are distinct. Three such areas are distinguishable: The eastern section of the Kerch Peninsula, the Tarkhankut Peninsula and, fairly unexpectedly for us, the region of the Crimean piedmonts. The concentration of kurgans in these three areas exceeds many times that in the remaining central part of the Crimea.

Of the three areas that have greater concentrations of kurgans, we will discuss the region of Tarkhankut. The total number of kurgans located here by cartographic evidence is at least 5000.

Space photographs

Of special importance during the surveys of the settlements were space photos of high resolution that were available from Google Earth, as well as archival satellite photographs taken by means of the Quick Bird system and purchased from the Eurimage Company (Italy). Originally, these photos were used for illustrative materials, but as soon as it became clear that the architectural remains of ancient settlements were readily ‘readable’ in space photographs, the role of these photos increased in our studies. In those areas for which highly informative space photos were available, the technique of surveying was changed, and satellite photos started to be employed most actively. In the first step, they were analysed in detail using the on-line internet resource, Google Earth, before departing for the field. Enlarged images of important features that were revealed in the landscape were copied and printed for use in the field. The GPS coordinates of each of those features (dwelling and economic structures, ‘corrals’, kurgans and traces of land-use) were read from the Google Earth images and entered into the expedition’s GPS receiver.

Aerial photographs

Aerial photographs from 1959, 1971 and 1974, kept in the Aero-Photographic Archives of the Institute of Archaeology, RAS, have served as a valuable source for revealing archaeological sites on the Tarkhankut Peninsula, particularly in discriminating traces of the ancient land-demarcation, land-use and roads. These photos were scanned and subjected to electronic processing and interpretation with the aid of the Photoshop and Surfer computer programs. The aerial photographs of 1959 are now the only proof of the existence of the field demarcations that were discovered in Tarkhankut by Alexander N. Ščeglov in 1979 (fig. 17).

Magnetic surveys

Magnetic surveys were an important part of the studies, since they enabled us to discriminate corrals, household pits and pit houses that were invisible on the surface but they are frequently found near at-surface stone structures. Using the technique of geophysical surveying, it proved to be possible during the prior field campaigns of the Dzharylgach Survey Project (DSP) in 2007 and 2008 to identify settlement-sites of the Bronze Age and Hellenistic period. The successful application of magnetic surveying was due to the presence of good contrasts between the magnetic properties of the archaeological features and the soil surrounding them, as well as by the shallowness of the cultural deposits and the fact that the archaeological sites had only a single layer. The magnetic surveys have yielded detailed plans of settlements of the Bronze and Iron Ages on the slopes of the Tarkhankut Ridge and they reveal such structures as doubled enclosures for herds, and rectangular stone dwellings within settlements of the Bronze Age [Смекалова, Столба 2009, fig. 9], as well as groups of household pits, pit houses and at-surface stone structures at Hellenistic sites [Смекалова, Столба 2009, figs. 10, 19]. Using this technique, an exact plan was obtained of the farmhouse of Skalistoye that was first discovered in 2007 on the north-western coast of Tarkhankut to the south-west of the settlement-site of Masliny [Смекалова,

Столба 2009, fig. 11]. Also, plans have been drawn of a number of large and unexcavated complexes in the settlement of Panskoeye [Смекалова, Столба 2009, figs. 12-14]. For the magnetic measurements, a single- or four-sensor array was used with a model GSM-19WG instrument manufactured by the Canadian company of Gem Systems (fig. 18). An interval of 0.5 m was maintained between the lines of measurements and the spacing of measurements along lines was 0.3 m. The detailed magnetic surveys have yielded data about the type, layout and size of the archaeological sites.

Visual observation

The surveys were conducted along routes that were initially chosen on the basis of topographic features from the half-verst maps and information obtained from space photos. The geographical coordinates of the possible sites were read from space photos available in the Google Earth internet resource; in the field, the coordinates were recorded by means of satellite navigation systems (GPS receivers) and input into a detailed topographic map (digitized half-verst map of the late 19th century). All the data were united into a single geo-information system by means of the MapInfo computer program and subjected to detailed analysis. As a result, an integrated picture of the distribution of archaeological sites throughout the Tarkhankut Peninsula was built up and the regularities of their location within the natural and historical landscape were determined. The GPS coordinates of the features that were revealed, measured in the WGS 84 coordinate system, have been summarized in an appendix to the Report of Surveys for 2009 submitted to the Field Committee of the Institute of Archaeology, NAS of Ukraine.

Selective archaeological excavations

In order to obtain additional evidence for the chronological and cultural attribution of the sites, especially in those cases where surface finds yielded no reliable information, selective exploratory trenching in the locality was conducted. The locations for excavation were chosen on the basis of the magnetic maps. The trenches were sunk both in the areas of building remains and over household pits revealed by the magnetic surveys.

Landscape criteria for identification of archaeological sites

In the search for settlement-sites, we were guided by criteria of their presence in the landscape that had been elaborated during the Dzharylgach Survey Project (2007-2008) and partly supplemented by our studies during the Western-Crimean Archaeological Project (starting in 2009).

Geomorphological signs

The geomorphological situation of the settlements is strictly defined. They are located in specific types of relief: Almost without exception on promontories between two *balkas* (see e.g., settlement 33 in fig. 140) or on the banks of *balkas*, and occasionally (where the *balkas* are absent as is the case on the southern coast of the Tarkhankut Peninsula) in smooth areas on the slopes of the Dzhangul Uval. Very typical also is the location of some settlements at the foot of a *balka's* slope on the first flood terrace. In this pattern, many settlements are arranged in the ramified *balka* system on the northern coast of the Tarkhankut (see e.g., settlements 30, 31 and 32 in fig. 140). The largest settlements are located mostly at the sources (upper ends) of large *balkas*, and these have also been recorded by us in the northern Tarkhankut (e.g., settlements 25 and 28 in fig. 140).

Consideration of the geomorphological characteristics of the distribution of settlements suggests that they are situated in the most favourable sites with respect to their protection of people and herds from the cold winds in the autumn-winter period and also in spring time when animals are breeding. The intricate curves of the *balkas* made it possible to hide from chilling winds coming from any direction and to gain the life-giving warmth of sun-heated slopes that face toward the south.

Natural obstacles such as the precipitous slopes of *balkas* may also have been taken into account by ancient peoples when choosing places for habitation, although this was possibly for herding purposes rather than for military-defensive ones. It is of special note that, within the limits of each settlement, all the dwelling and economic complexes are separated by fairly large distances from each other (20-40 m).

Each complex is situated independently; their locations are determined only by the relief and other natural features of the locality. They have neither defensive nor sentry structures. The ancient people who had settled here took into account only the utilitarian peculiarities of the locality, feeling themselves the only owners of the local riches and were occupied with no considerations of protection from any military threat.

Hydrogeological conditions

In addition, it must be stated that these settlements are located in optimal hydrogeological conditions. At the bottom of deep *balkas*, it was easier to reach the water-bearing horizon needed for wells [Смелалова 2007, 83-85]. At the heads of gullies, dams for retention of water in the winter and spring seasons were undoubtedly built. Not without reason, possibly, the largest settlements in the Tarkhankut are located around the sources (high points) of the richly ramified *balka* systems of the northern part of the peninsula.

Soil conditions

We have noted that settlements were never founded on rock outcrops but were only situated in areas with fairly good soils. Under the conditions at Tarkhankut, such soils are found in regions lying immediately below the boundary of rock outcrops found along slopes. We called that horizon “productive” because it is within its limits that most of the settlements were found, especially on the southern coast of the Tarkhankut. Fertile soil was necessary for homestead fields and for keeping live-stock near the houses.

Vegetation

The verdant appearance of the settlement-sites during the spring and summer results from a specific combination of vegetation, consisting of prickly grassy bushes of Marian thistle (*Silybum marianum*), wild onions, and occasionally wormwood, with other blooming plants, e.g. toadflax. Only in spring and early summer is it possible to see this diversity of colours in the flowers that grow primarily within the limits of ancient settlements. By midsummer, the sun burns down all the grasses, colouring the entire space in yellow and grey-brown. A sure mark of the settlements is a high density of rodent holes as well as burrows of foxes.

Architectural remains

The dwelling “houses” are easily discernible by the remains of semi-rectangular stone structures. The walls are constructed of large and medium-size undressed stone slabs set on edge (figs. 69, 84, 94). From a distance such walls look like fantastic battlements*. Ashlars were not used, so that the masonry leaves an impression of a chaotic agglomeration of stones grouped along large undressed blocks set on edge and constituting the frame of the walls. In some cases, it is possible to see that the masonry of the outer walls has two faces (see fig. 25 – house at Settlement 3, and figs. 55, 59, 67, 71, 76, 102, 136). The space between the external and internal faces is filled with small unworked stones. In the corners of the buildings, large blocks are often found. The construction features described above are characteristic of the settlements that are sought.

Inside the “houses”, close to their centres, two large flat stone blocks often are found setting on edge (figs. 19, 20, 132). The “houses” possibly consisted of several chambers and had an inner courtyard. Occasionally two neighbouring houses are close to each other and between them there is an enclosed space (perhaps a courtyard?) uniting them. The “houses” measure on average 10 x 12 m although they frequently are larger or smaller.

* It must be taken in consideration that injurious removal of stone takes place daily on the Tarkhankutian slopes, for these stones are convenient for the constructions of modern buildings. Moreover, these archaeological sites become the first objects of this looting because stones convenient for building are seen from far away. They can be collected easily and without much labour from the very surface. In one or two years all these settlements may completely vanish from the face of the earth, leaving only their deepest parts and amorphous groups of small rubble.

A second indispensable feature is the presence of a smaller structure close to each “house”. On the surface, these structures look like amorphous accumulations of medium-size and small stones.

As shown by the results of magnetometric surveys with subsequent exploratory trenching in the surroundings of Lake Dzharlygach, in addition to a “house” and a “small structure”, each rural complex included a group of pits (possibly for storage of grain) numbering up to 33, and occasionally some pit houses. The two latter types of objects, can be identified on the surface only by dense vegetation and an abundance of rodent holes. In the soil-dumps from the latter, ceramic fragments are often found.

Thus, the dwelling and economic homestead complex consisted of three indispensable components: “large house” – “small structure” – group of pits. Occasionally, also pit houses and ashy areas are encountered. Fairly common are corrals, and these have a rounded plan.

Results of an archaeological reconnaissance of the Tarkhankut Peninsula

In this way, using geomorphological and botanical clues, we have identified numerous settlement-sites. In total, 89 settlements of the Hellenistic time, 13 settlements of the Late Bronze Age and two ancient Greek farmsteads (Melovoe and Kunan) were discovered as a result of this survey. The total number of kurgans on the Tarkhankut Peninsula, from cartographic evidence and our field surveys, is at least 5000. A combined map of kurgans and settlement-sites is shown in fig. 112.

The characteristics of the settlements’ locations (considering geomorphology, hydrogeology, climate and soil) show how keenly the ancient people felt about these natural factors and found their own environmental niche just as animals or plants do. Ancient settlements really constitute a single whole with the Tarkhankut landscape.

It is also worth noting that none of the settlement-sites under consideration has been found within an arable area. If we superimpose the grid of orthogonal land-division that was discovered by Alexander N. Ščeglov over the map with kurgans and inland settlements, we find that none of the settlements falls within the limits of the land plots (fig. 112). This system of rectangular land plots was discovered by Alexander N. Ščeglov as early as 1979 on the basis of aerial photographs [Ščeglov 1980] and these plots have not yet been confirmed by visual examination of the surface. Perhaps the absence of “barbarian” settlements in the area of these plots is an indirect argument in favour of the existence of this system of land-division. However, we cannot rule out that settlement-sites have been simply demolished by tillage so that they are unidentifiable by the method of survey that we applied in June, 2009. In order to investigate comprehensively the territory of Tarkhankut, it is necessary to conduct intensive surveys throughout the ploughed fields using the methods tested in 2007-2008 within the frame of the Dzharlygach Survey Project.

The locations of inland settlements relative to the orthogonal demarcation grid can be compared with that on the Heracleian Peninsula. It is well known that settlements of the ‘barbarian’ Kizil-Koba population of the 4th-3rd century BC are located not closer than 1–1.5 km from the boundary of the area demarcated for land plots on the Heracleian Peninsula. The area of those settlements was undoubtedly linked with the system of land lots and was surrounding them (fig. 107) [Савеля 1979, 173]. A recent review of that situation [Зубарь, Буйских, Кравченко, Русяева 2005, 185-189] has not significantly changed our understanding.

Examination of the map in fig. 112 draws us to the conclusion that the greatest concentration of kurgans and settlements is on the north-western coast of the Tarkhankut Peninsula. Here, within a fairly small area that has both by shallow gullies and deep ramified *balka* systems (Kipchakskaya, Malaya Kastelskaya and other *balkas*) (figs. 138-140), at least one-third of all the settlement-sites are found. Moreover, in terms of the numbers and sizes of the “houses” recorded, this region surpasses by several times the remaining part of the Tarkhankut. Furthermore, the largest settlement-sites are found in this area of greatest concentration; examples include Settlements 58 and 28 consisting of 13 and 17 “houses” respectively, Settlement 25 (12 “houses”), Settlement 61 (18 “houses”), and finally the largest, Settlement 68 composed by at least 25 “houses”. Perhaps the latter settlement was the inland “capital” of the Tarkhankut. The houses are the largest at Settlement 68 and are ranged along two banks of a shallow

balka which runs in an east-west direction, in contrast with the other *balkas* of the northern Tarkhankut, which are oriented north-south (fig. 138-140). Thus it turns out that the section of the littoral called the *urochishche* (a tract of isolated wood, often situated in a *balka*) of Dzhangul is screened off from the steppe by two rows of “houses” of that settlement.

It is known that on the rock slip at Dzhangul, a sanctuary dedicated to the goddess Targa has been revealed [Щеглов 1987; 1988]. Although the sanctuary is dated preliminarily to the 2nd century BC, it is possibly not by chance that it is situated in the immediate vicinity of that large settlement. It is quite possible that the sanctuary existed still earlier, simultaneously with the inland settlements.

It is of note furthermore that Settlement 68 is the closest one to the nearby Hellenistic Greek centre at Bay Ocheretay (Chorotay). In the course of our surveys, remains of Greek-period rural houses (marked by number 66 and 66-1 in fig. 137) have been discovered there on both banks of the southern *balka*. Of the greatest interest is the finding that, on the bank of the neighbouring northern *balka* at Ocheretay, we have recorded stone structures typical of the inland settlements (marked by number 67 in fig. 137). Thus the settlement in Ocheretay evidently has a complicated structure.

On a high plateau between Settlement 68 and the Dzhangul cliffs, at least five small kurgans are found. West of the settlement, another three kurgans form a line that is parallel with the “houses” of the settlement. A number of kurgan groups are situated south-east of Settlement 68; probably, all these kurgans belong to this settlement.

The settlements to the east of the area just described are located almost without exception near the origins of large *balkas* (fig. 139). These positions probably provided them control over the best pasturing grounds on the banks of the *balkas* throughout the latter’s entire length seaward; these locations also could provide them with ponds in the upper reaches of the dammed *balkas*. Many large settlements are found in the ramified system of *balkas* at Ternovaya and Bolshaya Kastelskaya (fig. 139). Here we have noted an interesting peculiarity: At settlements 58, 61 and 62, along with “typical” houses, there are other structures with their walls made of smaller stones so that their remains have the appearance of a low cushion-like hill. This feature makes these houses resemble the structures found at the settlement of Oirat 2 and Settlement 20 in the Tarkhankut midland. The latter settlement has a specific position and structure. It is ranged along the southern slope of a long hill in the centre of the peninsula and it contains both “typical” buildings and slightly differing ones, as well as large rectangular structures built of small stones like those at the settlement of Oirat 2. A characteristic of Settlement 20 is the presence of ashy areas and a repetition (at least eight occurrences) of the combination “house-ashes-kurgan”. In total, about 18 dwellings of various types are distinguishable at Settlement 20 (fig. 143).

One of the most interesting regions is the southern coast. Its natural conditions differ from the northern half of the Tarkhankut in the almost complete absence of *balkas*. Probably it is because of this fact that “barbarian” settlements are considerably fewer here, although they are fairly distinctive and large. To the south-west of the *Urochishche* Melovoye, below large kurgan groups stretched in long chains down the slope, there are Settlements 3, 1, 115 and 2. Still farther to the east, small Settlement 8 is situated (fig. 116). These settlements may be considered as “classical” for the type of sites under consideration. They consist of rectangular stone “living houses” and small structures nearby. Not far away, judging by the dense and distinctive vegetation, there are groups of household or grain-storing pits and, occasionally, ash-pits. At Settlements 1 and 3, at least nine such complexes may be counted, and five are at Settlement 2. Especially noteworthy is the excellent state of preservation and fairly advanced building technique of one of the “houses” at Settlement 3 (see fig. 25). Very clearly discernible are the double-faced external walls of the “house”, their rectangular shapes and their subdivision into internal rooms (figs. 26 a, b). The house measures 13.5 x 22.6 m. Some smaller structures, evidently of economic purpose including an ash-pit, are also clearly distinguishable at the settlement.

On the top of the hill above Settlement 2 there are several kurgans (the northern kurgan in the kurgan group to the north-west of Settlement 2 and kurgan # 255 – fig. 115), the internal construction of these is observable because the barrows are looted and the walls and the remains of the roofing of the vault are exposed in the robber trenches. The mounds of the kurgans are made entirely of medium-size and large stones. In the two barrows closest to Settlement 2, the walls of the vaults are constructed of undressed stone. Of interest is the construction of the vault over the tombs (figs. 23-24 and 31-32). On the west side,

a dromos (?) constructed of large slabs is easily distinguishable. It is noteworthy that a common wall unites two neighbouring kurgans. The wall was constructed using the same technique as the walls of the houses at the settlement – the masonry of the encircling wall is double-faced, the intermediate space between the two faces (formed by large slabs set on edge) is filled with small-size rubble. Inside the wall, the grassy vegetation is considerably thicker than outside. Perhaps we are dealing here with some kind of a cult area immediately adjacent to the kurgans. Similar walls have been recorded at six more kurgan groups in the south-western and midland part of Tarkhankut.

On the shore of a bay not far from Settlement 3, Vladimir F. Stolba found a Greek-period settlement or a rural house unknown before; this has received the name of Melovoye after the modern village closest to it (fig. 114, 115). Traces of the ancient settlement are easily discernible in a space photo available from Google Earth. The settlement is composed of two different complexes. The first one is possibly a Hellenistic rural house (RH 1), part of which has already collapsed down into the sea. RH 1 is fenced-in by a double wall. In the cliff at the shore one may find numerous ceramic fragments (amphorae, thin-walled wheel-made and handmade pottery) and many flint flakes. The second complex is located on the eastern shore of the bay. It contains the remains of large buildings, with their walls constructed of small stones. This building technique shows similarity to the “houses” at the settlement of Oirat 2. The remains of a cultural layer and numerous ceramic fragments have been recorded also on a cape west of RH 1.

Common features of the barbarian settlements situated on the south-facing slopes of the Tarkhankut *Uval* (Rise) are that they are not in a continuous belt but with certain interruptions and the fact that they are found near the Greek centres on the coast. Thus, settlements 2 and 8 are near Oirat, Settlement 3 is located not far from Melovoye, Settlement 18 is at Jan-Baba, Settlements 7 and 11 near the Greek settlement of Tarpanchi, Settlements 5, 6 and 9 near Kulchuk, Settlements 4, 70 and 71 near the Atlesh coast (see fig. 112). This fact seems to be not fortuitous, and it attests to relations between the barbarian and Greek settlements; furthermore some inland villages are found exactly on the boundary of the *chora* of some Hellenistic centres.

It must be stressed that Settlement 70 situated west of Bolshoy Atlesh (see fig. 135), closely resembles the largest Tarkhankut settlement (which is Settlement 68) in the northern part of the peninsula (fig. 138). “Houses” of Settlement 70 also are ranged along the two sides of a shallow *balka*. The total number of the large and well-preserved “houses” there is at least nine, and in addition three smaller structures and at least three ash-pits have been recorded. Settlements 68 and 70 are located at an equal interval north and south from the large Greek-period townsite of Karajinskoye (see fig. 112).

Settlement 86 is the most remarkable one that we found. It comprises a fortified Greek-period rural house and a settlement surrounding it. It is situated on a small promontory formed by the Kelsheyskaya balka and a nameless gully running into it (fig. 143). The rectangular building of the rural house is easily discernible in Google Earth photos. The road that runs eastward from highway Krasnoselye–Chernomorskoye has disturbed one corner of that rural house. On the surface one can see a scatter of dressed blocks – the remains of the wall of the rural house. In the relief of the locality, the northern rectangular tower of the rural house and its walls are very clearly “readable”. This house was an excellent object for magnetic surveys. In the map of magnetic field, all the details of the layout of the farm are very apparent (figs. 87 a,b). To the west of the fortified farmhouse, on the bank of a nameless gully, may be the unfortified part of the settlement. A considerable part of the settlement is disturbed by the modern road, mentioned above. On the surface, one finds numerous fragments of tiles, amphorae, thin-walled wheel-made and handmade pottery. On the opposite, or western bank, of the gully there is the necropolis of that settlement in the form of vaults observable on the surface as depressions and groups of large stones lying nearby. Settlement 86 was evidently some important Greek centre tied by a direct road with the Karajinskoye townsite. Noteworthy also, several years ago in a paper concerned with the land-division in the Tarkhankut it was proposed that a centre of that kind must have existed not far from the village of Krasnoselye [Смекалова 2006, 408-409]. Now the hypothesis of the existence of a Hellenistic centre in the centre of the Tarkhankut has received its full confirmation.

Barrows

There are clear patterns in the arrangement of kurgans on Tarkhankut. The largest tumuli are generally situated on the crests of ridges and are spaced at intervals that may be the limits of vision. These “chains” are easily discernible along the crest of the Dzhangul Uval (shallow hill, with a maximum elevation of 137 m) and they extend over the southern side of Lake Dzharylgach. They are also found on the northwestern bank of the lake, along the top of a plateau that has gentle slopes. That plateau, with the elevation of 20 m, separates the lake from the sea (fig. 113). It is presumed that these kurgans have been left by a nomadic population and these points were marking the main routes followed by the tribes along ridges. The numerous other smaller kurgans that form compact linear clusters are aligned perpendicular to the main ridges of the uvals (hills) (fig. 113). These small kurgans are especially abundant on the southern shore of the Tarkhankut Peninsula – on the slopes coming down towards the coastal valley, as well as in the area of the Dzhangul Uval where it is sloping towards Lake Dzharylgach. In the half-verst map of the late 19th century, as well as in the map at the scale of 1:25 000, it is obvious that these chains and groups are situated in elevated areas between sloping *balkas* (large stable gullies). The kurgans are very densely arranged in short chains as if “running” down the slopes. Most surprising is the fact that these small chains of kurgans are directed towards the Tartar villages occupied at the time of the creation of the half-verst map in 1898 or already abandoned by that time. This fact is not actually very surprising for it indicates a certain regularity. Indeed, the kurgans were concentrated not around the Tartar villages but rather around the water sources used by the Tartars and possibly the more ancient population of this region. In order to elucidate this phenomenon, it is helpful to review the hydrogeological structure of the region as it has already been described in another paper [Смекалова 2007, 83-85]. Water is reached here most easily by digging wells near the foot of the Dzhangul Uval or on the bottoms of deep *balkas* since it is in these places that the water-bearing horizon of the Sarmatian clays is the closest. The hypothesis that the remains of ancient settlements may lie under the ruins of Tartar villages is confirmed by the fact that both the Tartars and the settled ancient people had a similar economic structure. The two peoples were occupied both with agriculture and animal husbandry, hence their needs and requirements for natural resources must have been the same.

For that reason, even before the beginning of the field season in 2007, it was proposed that the small villages of the people who left the kurgans on the slope of the *uval* must have been situated close to the kurgan groups [Смекалова 2007, 89]. These settlements could not have been large, and their size corresponds to the number of kurgans in each group. A kurgan could easily be erected by a small tribal collective over its deceased member [Троицкая 1951, 110]. Afterwards, that kurgan may have been reused repeatedly for subsequent burials. Perhaps barrow grounds of that kind were familial/tribal cemeteries of small groups of settled Scythians who practised both animal husbandry and agriculture. The positions of the kurgan groups indicate the possible locations of the settlements which must have been situated lower down the slopes of the *uval* itself and the *balkas*. From the kurgans there must have been an excellent view over the possessions of the given clan.

Each component of those possessions was equally valuable: arable land, pastures and water sources (wells). These possessions or resources were owned or were available to separate families or small clans, therefore the settlements they lived in could not have been large. The lands owned by those collectives lay between chains of kurgans. They had the form of narrow belts that extended between the bottom and top of the slopes. It is of interest that even in the 19th century, land plots on the slopes near Lake Dzharylgach had an elongation extending from the base of the hills and stretching up to their tops, as shown in the land-division map of the Musali estate of 1836 (fig. 8).

Later on, during the field season of 2007 and especially that of 2008, the hypothesis about the presence of inland settlements on the slopes found its full confirmation [Бильде и др. 2007, 110-115]. In May and June of 2007 and 2008, over 15 settlements were revealed and studied by means of magnetic surveys on the slopes coming down to lakes Dzharylgach and Yarylgach*. The majority of the settlements were

* The comprehensive results of the studies of the Dzharylgach Survey Project will be published after its completion in 2008.

found at an elevation of about 25-30 m above sea level, corresponding to approximately half of the height of the hilly ridge.

To emphasize, near each of the kurgan groups there is a small settlement, the size of which is proportional to the number of kurgans. This fact was established by us on the basis of a large amount of pairs ("kurgan group – settlement") and, in our opinion, it suggests that the people who constructed the kurgans and the settlements were the same.

The kurgan mounds are composed of small and medium-size stones and also earth; in almost all cases, a circular facing of large blocks of undressed stone is easily traceable. Many of the kurgans had a stone vault with a dromos or a stone tomb in the form of cist. The kurgans are concentrated into small groups of from 2 to more than 10 and they are always situated at the most elevated areas of the watersheds between two *balkas*, or on other kinds of heights. These kurgans have three different types of burials.

The first type includes a great number of so-called 'boxes'. These are stone cists set on the surface and usually constructed of large undressed limestone slabs surrounded by a wall; the space between the wall and the cist is filled with small-sized stone rubble. Similar 'boxes' have been encountered by us in the southern part of the Tarkhankut Peninsula near Melovoye (figs. 36, 43, 46, 48-51) above the mouth of Lake Donuzlav (fig. 104), on the heights over Lake Dzharylgach (fig. 108) and in the central region of Tarkhankut (fig. 99).

Another type of burial has an extremely low kurgan mound composed mostly of small and medium-size stones, containing very small amounts of soil. Almost everywhere, circular surrounding kerbs made of large undressed stones are distinctly traceable. Due to the low relief of the mounds, one or two stone cists are usually visible in the middle part of the structures and these cists are sunken into the earth. Distinctive examples of this type of cemetery are represented by barrows above the urochishche of Aldermanskaya Skala not far from Lake Dzharylgach (fig. 109) and by barrow 953 in the central region of Tarkhankut (fig. 100).

The third type of burial structure has sub-kurgan stone vaults. To judge the internal structure of the kurgans of this third type, we have to rely on the visible remains of four kurgans that were excavated in 1972 on the slopes near Lake Dzharylgach above the village of Snezhnoye; this is because the results of studies of those barrows by the North-Crimea Expedition under Askold A. Shchepinskiy have not yet been published.

The kurgans above Snezhnoye were dated from the Scythian epoch. Each barrow was encircled by a wall of large stone blocks. The tombs were rectangular stone structures with a dromos leading from the eastern or south-eastern side (where vaults were found) or they were without any dromos. Dimensions of the tombs were 2.5 x 1-1,3 m. They were constructed of stone slabs set on edge. The considerable sizes of the funerary structures as well as the presence of dromos entrances suggest their repeated use. While the results mentioned above have not been comprehensively published, we may already state that the burial structures of those barrows were constructed for the purpose of multiple interments. The kurgans may have served as family tombs and were constructed by members of a single social unit. This fact determined the fairly small dimensions of the funerary structures and of the kurgan mounds. Repeated burials undoubtedly indicate that the kurgans were left not by nomads, but by representatives of a settled populace whose dwellings were nearby, within sight of the kurgans.

Large kurgans containing vaults with arched roofs that were discovered in the south-western area of Tarkhankut (figs. 21-24 and 31-33) also belong to the third group. The funerary chambers in these kurgans are large, as one may judge by the parts of the vaults exposed in robbers' pits, measuring over 2.5 m x 2 m. The dromos was located on the south-eastern side.

The closest parallels to the three recorded types of funerary structures in the western Crimea may be seen in the stone cists of eastern Crimea. Their distribution covers practically the entire Kerch Peninsula (cf. the map on p.78 in: [Масленников 1995]), but they have been studied most extensively in the region of the Kerch Azov coast by Alexander A. Maslennikov who distinguishes four types of such burials [Масленников 1995].

It is of note that the stone cists in both the eastern and western Crimea are closely associated with evidence of agricultural fields; this has been revealed through aerial photos and pedestrian

reconnaissance [Смекалова 2007 б]. For instance, in the Kerch Azov area, in places untouched by modern ploughing, there are traces of long fields which were probably connected with activities of the population who left the stone cists.

Alexander A. Maslennikov proposed a hypothesis that about the mid-6th century BC, part of some population close to the Kizil-Koba people had moved to the lands of the eastern Crimea under the press of the nomadic (Royal) Scythians penetrating the piedmonts to an ever greater extent [Масленников 1995, 61]. Perhaps those people left burial grounds here with stone cists.

Numerous cemeteries with stone cists and related settlements, revealed on the Tarkhankut Peninsula in 2007-2009, have a distinct resemblance with those in the eastern Crimea. Hence it is possible that the peoples of the eastern and western Crimea who left the stone cists had a single origin. Another migration of the Kizil-Koba population, and perhaps an even more powerful one, may have been directed to the region of western Crimea.

Summing up, it should be stressed once again that all the settlements of the Hellenistic time that we have enumerated are very similar to each other. In fact, they differ only in their size. Both small and large settlements have the same structure. They consist of separate dwelling and household complexes which include: a "house", a "small household structure", a group of pits, corrals, and occasionally, a pit house and an ash-pit. The distance between the complexes is 20-40 m. The settlements are unfortified. Near each settlement there is a kurgan burial ground. The kurgans are commonly of small size and, presumably, have repeated burials.

Possibly the first settlers were fairly numerous representatives of a single large tribe or a group of kindred tribes. Indeed, only this hypothesis can explain the similarity of their material culture throughout the entire Tarkhankut. The transmigrations into the Crimea from other regions took place through infiltrations of fairly small family/kin groups within a common tribal "wave". Settling separately from others in these groups, under these new conditions, they retained for some time their traditions, including the types of burial structures [Колотухин 2000, 72]. Having settled down, they continued their practice of agriculture and animal husbandry. The transmigration to the Crimea was probably taking place through the mediation of the Scythian elite.

Perhaps a numerous tribe or some tribal formation chose to move to the Tarkhankut owing both to the optimal natural resources of the peninsula and the closeness to Greek centres. Protruding into the Black Sea, Cape Tarkhankut has a milder climate with weaker contrasts in temperature as compared with the neighbouring regions on the steppe of Crimea: Summers are not as hot while winters are warmer, especially in the southern part of Tarkhankut. The average temperature of the coldest month – February – on Cape Tarkhankut is +0.5°, whereas in the central steppe of Crimea it is three degrees lower (-2.4°) [Подгородецкий 1979, 17-18]. In consequence of the fact that the sea at night loses heat more slowly than the dry land, in summer the coasts are fanned by breezes changing their direction twice a day – in the daytime they are blowing from the sea inland and at night from the land seawards. The breezes decrease the daily change of temperature and mitigate the day's heat. Droughts and hot winds are here not so protracted as in the northern and central Crimea, falling mainly in July and August, i.e. when most of the cereals have ripened. In addition, the relatively high humidity during the summer months is also favourable for growing crops [Подгородецкий 1979, 19].

It must be stressed that no traces of conflagration or destruction have been recorded so far at any of the settlements. It seems that the settlements were never demolished during any military activities.

Especially important is the problem of the chronological span of the occupation of the settlements. The initial date of the formation of the settlements is important, for this date will indicate if these settlements were earlier or later than the Greek centres. The final date will help fill the lacuna between the period of the prominence of the chora in the 4th century BC and the foundation of the late Scythian fortresses on the sites of Greek centres in the 2nd century BC.

Kurgans near the cities are remarkable traces of close contacts between Scythia and the Bosporan rulers, as well as with other Greek centres. These are barrows belonging to the Scythian elite – representatives of the Scythian kings. Numerous kurgans are marked in the detailed maps that were made between the first half of the 19th century and the end of the century and these present valuable sources for studies of the kurgan burial grounds near Nymphaion (5th century BC), Pantikapaion, Tyritake,

Кутаia [Яковенко 1974, 70], Phanagoria [Гёргц 1870, map no. 5], Kerkinitis, and Olbia. The kurgans near Greek centres were clear symbols of the inviolable ownership of the Scythians over the lands occupied by the Greeks. In the surroundings of Kerkinitis, a large concentration of finds of Scythian stone sculptures has been recorded. These were evidently installed on the tumuli of the Scythian elite (see the map in: [Ольховский 2007, 210]). The close relations of Kerkinitis with Scythians are also suggested by numismatic and epigraphic evidence. Thus the coins of the first issue of that city, dated from the mid-4th century BC, depict a mounted Scythian warrior. On the coins from the end from that century, we see a sitting Scythian. A Scythian subject on the coins of the cities of the northern Black Sea littoral is extremely rare, therefore its presence in the numismatics of Kerkinitis attests to close and neighbourly relations between the Greeks and barbarians [Stolba 2007, 89-94]. The so-called letter of Apaturios, scratched on a Thasian amphora sherd, indicates that in the second half of the 5th – early 4th century BC the city paid tribute to the Scythians [Соломоник 1987, 124-125].

In the north-western Crimea as well as in the eastern part of the peninsula, the presence of Greek centres possibly proved to be a “catalyst” for the local tribes settling down. The vast lands included in the *chora* of Chersonesos since the 4th century BC were cultivated by this population collaborating closely with the Greek centres and to some degree depending on them. It is also possible that the local plowmen had to give up part of their crops as tribute to both the Greek centres and the representatives of the Scythian rulers. It cannot be ruled out that exactly this payment of grain is mentioned in the Chersonesean Oath [Stolba 2005b, 312, note 16].

Summing up

Firstly in importance, it has been established that there is an undoubted similarity between the funeral structures of Tarkhankut and the stone cists of the eastern Crimea. Thus the area of distribution of these monuments has expanded manifold, embracing a considerable part of the Crimea.

Secondly, from a consideration of kurgans in the eastern and western Crimea, at least two ethnic components, co-existing during the Hellenistic period, have been distinguished – nomadic Scythians and settled agricultural tribes, supposedly kindred to the Kizil-Koba people. The enormous number of kurgans throughout the Tarkhankut Peninsula is explained by the fact that they were left by a settled agricultural population.

The considerable number of settlements and related burial grounds revealed on the Tarkhankut Peninsula constitutes a rich base for studies of the history of tribes which inhabited this region of the Crimea. That population, as indicated by all features of the material culture available for investigation (both funerary sites and settlements) is, to a large extent, identical in Tarkhankut and in the Kerch Azov area, but in Tarkhankut, the representatives of that settled people were considerably more numerous. This fact is indicated by the great number of kurgans and their related settlement-sites that have been recorded here. Each settlement contains several dwellings and economic complexes, which always include household pits (for storing grain?) and occasionally pit houses and corrals. The complexes are sparsely distributed, with a fair distance from one to another, each having probably belonged to a single family. These villages apparently were communes that own the nearby lands. The kurgan groups marked the area of the tribal ownership of the lands. A characteristic feature of the region that was occupied by this settled population is the easily-distinguishable traces of long fields which usually extend the length of the hill slopes. It must be stressed that neither exploratory trenches nor magnetic surveys have found any traces of fires or other destructions at these settlements. They were not destroyed by a war.

The population may have consisted of settled tribes – those of the Kizil-Koba culture, who possibly were subjects of the nomadic Scythians and had been ousted by the Scythians from the piedmonts to Tarkhankut and the Kerch Azov region. The fact that these people were used to living in hilly localities and to taking advantage of the landscape is demonstrated by the topography of the settlement-sites, which are situated exclusively on the slopes of hilly ranges, on promontories and the banks of balkas (gullies). Especially important is the problem of the chronological occupation of the settlements. The initial date may shed light on the demographic situation at the time of appearance of the Greeks in the region and reveal the connection between the rise of ‘barbaric’ settlements and the presence of Greek centres, the

final date may help to fill the lacunae existing between the flourishing period of the chora in the 4th century BC and the foundation of late-Scythian fortresses at Greek centres in the 2nd century BC.

The Prospects for Further Studies in Tarkhankut

The author hope that the present study will start future surveys and excavations on the Tarkhankut Peninsula. The sites that have been revealed there should be studied in greater detail using both the scientific technique described above and other interdisciplinary methods. Thus, for instance, in order to distinguish different parts of settlements, it is possible that phosphate analysis should be applied. This is a fast, inexpensive and effective technique for locating organic and skeletal remains and products of the living activities of animals and humans. It is also necessary to collect samples of plant remains and soil from cultural layers in order to identify the species of cultivated cereals and the palaeoclimate of the area.

A more detailed investigation of the already-recorded settlements and their dynamical evolution will also enable us to answer questions about the processes of adaptation of these ancient people to the changing demographical, social and natural conditions. In the course of further researches, the types of settlements will be identified and the systematization and definition of their hierarchic structure will be carried out. This, inter alia, will contribute to an understanding of the organization and structure of the distant chora of Chersonesos. Essential attention will be given to the economic and cultural attribution of the settlements and a search for parallels, both with other regions of the Crimea and within the northern Black Sea littoral in general.

Because of the studies conducted in 2007-2009, the hill slopes of the Tarkhankut Peninsula, which previously were considered as a desert, are now 'returning to life' and becoming filled with inhabitants. These results compel us to revise many of the former views on Greek-barbarian interrelations in this region. The problems of change in economic strategies in farming and also those problems of economic crisis of the 3rd century BC now cannot be analysed without taking into consideration these new data on the settlement system presented in this catalogue.

(Translation by Alexey Gilevich and editing by Bruce Bevan).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Архивные документы

Государственный архив АР Крым, ф. 377, оп. 12, д. 10.

Государственный архив АР Крым, ф. 377, оп. 21, д. 23.

Рукописный архив ИИМК РАН, оп. 1, д. 130, 1933, л. 47 – 48 об.

Картографический материал

Шмит 1777 — Карта, представляющая Крым и Степь Крымскую из новейших известий. Сочиненная при акад. Наук Я. Ф. Шмитом 1777, масштаб (в соответствии с изображенной шкалой) около 18 верст на дюйм (1:760 000). Из фондов Российской Национальной библиотеки в С.-Петербурге.

Черный 1790 — Генеральная Карта Крыма, сочиненная по новейшим наблюдениям Адъютантом Федором Черным 1790 года, масштаб (в соответствии с изображенной шкалой) 12,6 верст на дюйм (1:530 000). На карте нанесена координатная сетка с шагом 30 минут и дана разбивка градусов через 10 минут по периметру рамки. Отсчет долготы производится от Ферро. Из фондов Российской Национальной библиотеки в С.-Петербурге.

Габлиц К. И. Карта Полуострова Таврического и Около лежащих мест. Сочиненная по известиям Греческих писателей Древних и средних времен. С.-Пб., 1803. Из фондов Библиотеки Академии Наук в С.-Петербурге. Одна из трех карт из издания «Географические известия служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической Губернии собранные из разных древних и средних времен писателей с тремя картами». Масштаб — 26 верст в дюйме (1:1 090 000).

Мухин 1817 — Военная топографическая карта полуострова Крыма. Составленная по новейшим астрономическим наблюдениям, исправленная и дополненная из лучших военных съемок свиты его Императорского Величества по квартирмейстерской части генерал-майором Мухиным 1816 года, по приказанию г-на генерал адъютанта Князя Волконского 2-го во время управления его оной частью. Гравировано и напечатано в Военно-топографическом депо при главном штабе Его Императорского Величества. Карта многоцветная, масштаб — в 1 дюйме четыре версты (1:168 000). Имеется координатная сетка с шагом 30 минут и отметки через 5 минут по периметру рамки, отсчет долготы от Ферро. 1817-го года. — СПб.: ВТД, 1817. Из фондов Библиотеки Академии Наук в С.-Петербурге.

Бетев, Оберг 1842 — Топографическая карта полуострова Крыма, составлена в 1/210 000 долю настоящей величины и гравирована при военно-топографическом депо со съемок тригонометрической ген. штаба подполк. Оберга, топографической ген. штаба полковника Бетева. MDCCCXLII. — СПб.: ВТД, 1842. Из фондов Библиотеки Академии Наук в С.-Петербурге.

Бетев 1837 — Топографическая карта полуострова Крыма. 1:42 000. Подпись на листе карты: «Литог. в Воен. Топогр. Депо 1856 год. со съемки Полков. Бетева 1837 год». — СПб.: ВТД, 1855 – 1857. Из фондов Российского Государственного Военно-исторического архива.

Военно-топографическая карта 1865 г., построенная на основе предыдущей и уточненная по результатам рекогносцировок 1865 г. Из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) в г. Москве.

Военно-топографическая карта Таврической губернии 1862 – 1876 гг. 1:126 000. Сборная карта на 34 листах. Крым Ряд XXXII листы 11, 12, 13, 15, р. XXXIII л. 11, 12, 13, 14, 15, р. XXIV л. 12, 13, 14, р. XXXV л. 12, 13. — М.: Картографический отдел Корпуса военных топографов, 1920.

Полуверстовая карта Крыма — Военно-топографическая карта Таврической губернии конца XIX в. 1:21 000. Сборная карта на 34 листах. Крым. Из фондов Российского Государственного Военно-исторического архива.

Карта 1946 г., составленная в 1941 г. по карте масштаба 1:42 000 изд. 1933 г. и масштаба 1:84 000 изд. 1931 г., исправленная по материалам НКЗ Крым АООР.

Карта съемки 1950-х гг., с уточнениями 1980-х гг. по результатам аэрофотосъемки, масштаб 1:25 000.

Литература

Альбов С. В. Вопросы гидрогеологии зоны Северо-Крымского канала // Известия Крымского отдела Географического общества СССР. 1959.

Бессонова С. С. Таврське поховання з некрополя Тірітаки // Археологічні дослідження в Україні в 1969 р. — 1972. — Вип. 4.

Гульдагер Бильде П., Аттема П., Ланцов С. Б., Смекалова Т. Н., Столба В. Ф., де Хаас Т., Хандберг С., Винтер Якобсен К. Джарылгачский исследовательский проект. Результаты сезона 2007 г. // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. — СПб., 2007.

Гарбузов Г. П. Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова // Древности Боспора. — 2009. — Вып. 13.

Геологическая изученность СССР. Украинская ССР. Крымская область. Т. 33, 1800 – 1917 гг. — Киев, 1976.

Геология СССР. Т. VIII. Крым. Ч. 1. Геологическое описание / Отв. ред. М. В. Муратов. — М., 1969.

Гёрц К. Археологическая топография Таманского полуострова. Издание Московского археологического общества. — М., 1870.

Гидрогеология СССР. Т. VIII. Крым / Под ред. Л. Н. Барабанова, Г. А. Лычагина, И. А. Месяц и др. — М., 1970.

Голенцов А. С. Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989 – 1993 гг. // Археологические исследования в Крыму в 1993 г. — Симферополь, 1994.

Дашевская О. Д. Два склепа Беляусского могильника // КСИА. — 1969. — Вып. 119.

Дашевская О. Д. Каменные склепы Беляусского могильника // КСИА. — 1976. — Вып. 145.

Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму // Свод археологических источников. — М., 1991. — Вып. Д1-7.

Дашевская О. Д., Голенцов А. С. О принадлежности каменных склепов северо-западного Крыма // Вестник Евпаторийского краеведческого музея. — 2006. — Вып. 4.

Дзенс-Литовский А. И. Оползни Джангульского побережья Тарханкутского полуострова в Крыму // Природа. — 1936. — №6.

Дзенс-Литовский А. И. Тарханкутский полуостров (географическое положение, геологическое строение и геоморфологические условия) // Очерки по физической географии Крыма. Вып. 2. — М.; Л., 1938.

Зубарь В. Н., Буйских А. В., Кравченко Э. В., Русяева М. В. Херсонес Таврический в третьей четверти IV – середине I вв. до н. э. Очерки истории и культуры. — Киев, 2005.

Кастанаян Е. Г. Лепная керамика Боспорских городов. — Л., 1981.

Колтухов С. Г. Каменные ящики и овалыные гробницы варварского населения Степного Крыма // Древности Боспора. — М., 2005. — Вып. 8.

Колотухин В. А. Киммерийцы и скифы степного Крыма. — Симферополь, 2000.

Коновалов А. А. Раскопки курганов близ городища Чайка // Археологические открытия 1968 г. — М., 1969.

Коростелева П. Г., Овчинникова Г. Н. Тарханкут. Краткий географический и исторический очерк. 2006. Интернет-ресурс. <http://wiki.tarhancut.com.ua>

- Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры // Свод археологических источников. — М., 1981. — Вып. Д1-7.
- Кутайсов В. А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма. — Киев, 1987.
- Ланцов С. Б. П. Н. Шульц в изучении античных памятников Северо-Западного Крыма. Проблема определения границ Херсонесского государства в IV – III вв. до н. э. // У Понта Эвксинского (памяти Павла Николаевича Шульца). — Симферополь, 2004.
- Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. — СПб., 1893. — Т. 1.
- Лесков А. М. Керченская экспедиция 1967 г. // Археологические исследования на Украине. — Киев, 1968.
- Лоция Черного и Азовского морей. — СПб., 1903.
- Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI – I вв. н. э.) // Боспорский сборник. — М., 1995. — Вып. 8.
- Масленников А. А. Эллинская хора на краю ойкумены. — М., 1998.
- Михлин Б. Ю., Бирюков А. С. Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века н. э. — Киев, 1983.
- Олиферов А. Н., Тимченко З. В. Реки и озера Крыма. — Симферополь, 2005.
- Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. — М.: Наука, 2005.
- Описание маяков и знаков Черного и Азовского морей. Раздел IX. — Николаев, 1851.
- Описание маяков, башен и знаков Российской империи по берегам Черного и Азовского морей. — СПб., 1885.
- Подгородецкий П. Д. Северо-Западный Крым. — Симферополь, 1979.
- Поддубный И. П. Краткая характеристика подземных вод на Тарханкутском плато Крымской АССР // Труды конференции по проблеме Сиваша. 1938 г. — Киев: Изд-во АН УССР, 1940.
- Савеля О. Я. О греко-варварских взаимоотношениях в Юго-Западном Крыму в VI – IV вв. до н. э. // Проблемы греческой колонизации Северо-Восточного Причерноморья. — Тбилиси, 1979.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П. Россия. Полное описание нашего Отечества. — СПб., 1910. — Т. 14 «Новороссия и Крым».
- Смекалова Т. Н., Столба В. Ф. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: предварительное сообщение. — Симферополь, 2009. (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. 1).
- Смекалова Т. Н. Сравнение ортогональных систем размежевания земель на Европейском Боспоре и в Херсонесе (Тарханкутский полуостров) // Древности Боспора. — М., 2006. — Вып. 10.
- Смекалова Т. Н. Русские топографические карты XVIII – XX веков как источник по изучению археологических памятников Западного и Восточного Крыма // Боспорские исследования. — Керчь, 2007а. — Вып. XVII.
- Смекалова Т. Н. Организация земледельческих пространств в Керченском Приазовье // Древности Боспора. — М., 2007б. — Вып. 11.
- Смекалова Т. Н. Курганы в Западном Крыму // IX Боспорские чтения. — Керчь, 2008.
- Смекалова Т. Н. Курганы в ландшафте Северного Причерноморья. I. Предгорный Крым // Боспорские исследования. — Керчь, 2009а. — Вып. XXI.
- Смекалова Т. Н. Каменные ящики Западного Крыма // X Боспорские чтения. — Керчь, 2009б.
- Смирнов Г. П. Раскопки скифских курганов близ городища Калос-Лимен // ВДИ. — 1952. — №4.

- Соломоник Э. И. Два античных письма из Крыма // ВДИ. — 1987. — №3.
- Судаков С. Г. Основные топографо-геодезические работы за 50 лет советской власти // 50 лет советской геодезии и картографии. — М.: Изд-во «Недра», 1967.
- Таврическая епархия Гермогена Епископа Псковского Парховского, бывшего Таврического и Симферопольского. — Псков, 1887.
- Троицкая Т. Н. Скифские курганы Крыма // Известия Крымского отдела Географического общества Союза ССР. — 1951. — Вып. 1.
- Щеглов А. Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. — Л., 1968.
- Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Л., 1978.
- Щеглов А. Н. Большой Кафель и святилище II в. до н. э. в урочище Джангуль // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». 19 – 24 сентября 1988 г. Ч. III. — Симферополь, 1988.
- Щеглов А. Н. Работы Тарханкутской экспедиции (1983 – 1986 гг.) // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Задачи советской археологии в свете решения XXVII съезда КПСС». — Суздаль, 1987.
- Щепинский А. А. Некоторые новые археологические находки в Симферопольском и Черноморском районах Крымской области // Известия Крымского отделения Географического общества СССР. — Симферополь, 1951. — Вып. 1.
- Щепинский А. А. Северо-Крымская экспедиция // АО 1972 года. — М., 1973.
- Щепинський А. О., Черепанова О. М. Пам'ятки античного часу на березі Каркінітської затоки // Археологія. — 1974. — №13.
- Уженцев В. Б., Ланцов С. Б., Колтухов С. Г., Смекалов С. Л. Отчет об археолого-топографической разведке на площадке размещения ВЭС «НОВА-ЭКО» (2006 – 2007 гг., Черноморский р-н АРК). — Симферополь, 2008.
- Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. — Керчь, 2004. — Вып. VI.
- Яковенко Е. В. Скифи Східного Криму в V – III ст. до н. э. — Київ, 1974.
- Яковенко Э. В. Скифы на Боспоре: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — М., 1985.
- Яценко И. В., Маслов С. Г. Раскопки некрополя у с. Заозерное близ Евпатории // АО 1977 года. — М., 1978.
- Attema P., de Haas T. Survey in de steppe, verslag van de eerste veldcampagne van het Dzharylgach project (Krim, Oekraïne) // Paleoactueel. — 2008. — Vol. 3.
- Attema P., Delvigne J., de Haas T., de Neef W., van der Veer K., Williamson C. Survey in de steppe: de tweede veldcampagne van het D•arylgac project (Krim, Oekraïne) // Landschaps- en siteclassificatie Paleoactueel (forthcoming).
- Attema P., Guldager Bilde P., Williamson C. Settlement dynamics in the Sibaritide (Calabria, Italy) and Northwest Crimea (Ukraine), a comparison of the impact of the colonial environment on settlement and society // Associazione Internazionale di Archeologia Classica – Rome, 2008.
- Attema P. Conflict or coexistence? Remarks on indigenous settlement and Greek colonization in the foothills and hinterland of the Sibaritide (northern Calabria, Italy) // P. Guldager Bilde & J. H. Petersen (eds.). Meetings of Cultures in the Black Sea Region between Conflict and Coexistence (BSS 8). — Aarhus, 2008.
- Blagovolin, N. S., Ščeglov A. N. Archaeological, palaeological, and geomorphological researches in the lake Sasyk (Panskoye) region // L. Hannestad, V. F. Stolba & Ščeglov (eds.). Panskoye I. Vol. 1. The monumental Building U6. — Aarhus, 2002.
- Lantsov S. V., Uzhentsev V. B. Distant chora of Taurian Chersonesus and the city of Kalos Limen // Ancient Greek colonies in the Black Sea. — Tessaloniki, 2007.

Saprykin S. Ju. Ancient Farms and Land-Plots on the khora of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula — 1974 – 1990). — Amsterdam, 1994.

Ščeglov A. N. Utilisation de la photographie aérienne dans l'étude du cadastre de Chersonésos Taurique (IVe – IIe av. n. é.) // Dialogues d'Histoire ancienne. — 1980. — 6.

Smekalova T. N., Smekalov S. L. Ancient Roads and Land division in the chora of the European Bosphoros and Chersonesos on the evidence of air photographs, mapping and surface surveys // P. Guldager Bilde & V. F. Stolba (eds.). Surveying the Greek Chora. Black Sea Region in a Comparative Perspective. — Aarhus, 2006.

Stolba V. F. Monetary Crises in the Early Hellenistic Poleis of Olbia, Chersonesos and Pantikapaion. A Re-assessment // C. Alfaro, C. Marcos & P. Otero (eds.). XIII Congreso Internacional de Numismática (Madrid, 2003). Actas – Proceedings – Actes. — Madrid, 2005a.

Stolba V. F. The Oath of Chersonesos and the Chersonesean Economy in the Early Hellenistic Period // Z. G. Archibald, J. K. Davies & V. Gabrielsen (eds.). Making, Moving and Managing. The New World of Ancient Economies, 323-31 BC. — Oxford: Oxbow, 2005b.

Stolba V. F. The Numismatics of Chersonesos and Kerkinitis as Evidence of Greek and Barbarian Interrelations in Western Tauris // A. Bresson, A. Ivantchik & J.-L. Ferrary (eds.). Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a. C. – IIIe s. p. C.). — Bordeaux, 2007.

Содержание

Введение	4
Природные условия Тарханкутского полуострова	5
Геологическое строение Тарханкута	8
Природные ресурсы	9
Гидрогеологические условия	10
Почвы и грунты	12
Животный и растительный мир Тарханкута	13
Картографический материал как источник по изучению археологических памятников Тарханкута	13
Результаты археологических разведок на Тарханкуте	16
История исследования глубинных районов Тарханкута	16
Работы по международному Джарылгачскому проекту (2007 – 2008 гг.)	18
О разведках поселений в 2007 г. на склонах Тарханкутского поднятия у оз. Джарылгач	19
Методика	20
Карты	20
Космические снимки	21
Аэрофотоснимки	21
Магнитная разведка	21
Визуальное обследование	22
Выборочные археологические раскопки	22
Ландшафтные критерии выявления археологических объектов	22
Поселения	22
<i>Геоморфологические признаки</i>	22
<i>Гидрогеологические особенности</i>	23
<i>Характер растительного покрова</i>	23
<i>Почвенные признаки</i>	23
<i>Архитектурные остатки</i>	23
Курганы	24
Каталог открытых памятников	25
Юго-Западный район	25
<i>Поселение 1</i>	26
<i>Поселение 2</i>	27
<i>Курганная группа к северо-западу от поселения 2</i>	27
<i>Поселение 3</i>	27
<i>Курганная группа у поселения 3</i>	28
<i>Поселение 115</i>	28
<i>Курганы на плато севернее поселений 2 и 115</i>	29
<i>Поселение 102</i>	30
<i>Поселение Ойрат 2</i>	30
<i>Поселение 8</i>	30
<i>Поселение и курганная группа 104</i>	31
<i>Поселение и курганная группа 101</i>	31
<i>Строения на пути от поселения 101 к поселению 106</i>	31
<i>Поселение и курганная группа 106</i>	32

<i>Поселение и курганная группа 107</i>	32
<i>Поселение и курганная группа 105</i>	34
<i>Поселение и курганная группа 108</i>	34
<i>Поселение 112</i>	35
<i>Поселение 111</i>	36
<i>Поселение 78</i>	36
<i>Поселение 110</i>	36
<i>Поселение 109 и курганы</i>	37
<i>Поселение 76</i>	37
<i>Поселение 77</i>	37
<i>Поселения 4, 75, 74</i>	37
<i>Поселение 4 и курганы</i>	37
<i>Поселение 75 и курганы</i>	37
<i>Поселение 74 и курганы</i>	37
<i>Поселение 73 и курганы</i>	38
<i>Поселение 72</i>	38
<i>Поселение 71</i>	38
<i>Поселение 70</i>	38
Северо-Западный район	39
<i>Археологические памятники в бухте Очеретай</i>	39
<i>Поселение Джангуль (№68)</i>	40
<i>Поселение 64</i>	41
<i>Поселение 65</i>	41
<i>Поселение 29 бр.</i>	41
<i>Поселение 62</i>	41
<i>Поселение 61</i>	42
<i>Поселение 58</i>	42
<i>Поселение 57</i>	42
<i>Поселение 57 бр.</i>	42
<i>Поселение 59</i>	42
<i>Поселение 60</i>	43
<i>Поселение 56</i>	43
<i>Поселение 55</i>	43
<i>Поселение 54</i>	43
<i>Поселение 63</i>	43
<i>Поселение 40</i>	44
<i>Поселение 39</i>	44
<i>Поселение 38а</i>	44
<i>Поселение 38</i>	44
<i>Поселение 37</i>	44
<i>Поселение 29</i>	44
<i>Поселение 25 и 26</i>	44
<i>Поселение 28 и курганы</i>	44
<i>Поселения 34 и 35</i>	45
<i>Поселение 27</i>	45
<i>Поселение 31</i>	45
<i>Поселение 32</i>	46
<i>Поселение 30</i>	46
<i>Поселение 24</i>	46
<i>Поселение 23</i>	46
<i>Поселение 33</i>	46
<i>Поселение 21</i>	47

<i>Поселение 22</i>	47
<i>Поселение 167 бр.</i>	47
<i>Поселение 79</i>	47
<i>Поселение 80</i>	47
<i>Поселение 81</i>	47
<i>Поселение 82</i>	48
<i>Поселение 83</i>	48
Центральный район.....	49
<i>Поселение Кунан (86)</i>	49
<i>Поселение 87 бр.</i>	50
<i>Поселение 42</i>	50
<i>Поселение 43</i>	50
<i>Поселение 44</i>	50
<i>Поселение 45</i>	50
<i>Поселение 46</i>	50
<i>Поселение 47</i>	51
<i>Поселение 48</i>	51
<i>Поселение 49</i>	51
<i>Поселение 41</i>	51
<i>Поселение 51</i>	51
<i>Поселение 50</i>	52
<i>Поселение 52 бр.</i>	52
<i>Поселение 20</i>	52
<i>Поселение 84</i>	52
<i>Поселение 87 бр.</i>	53
<i>Поселение 18 бр.</i>	53
<i>Поселение 19</i>	53
<i>Курганная группа 953</i>	53
Южный район.....	54
<i>Поселение 119</i>	54
<i>Поселение 103</i>	54
<i>Поселение 672 бр.</i>	54
<i>Поселение 11</i>	55
<i>Поселение 7</i>	55
<i>Поселение 10</i>	55
<i>Поселение 6</i>	55
<i>Поселение 9</i>	55
<i>Поселение 5</i>	55
<i>Поселение 12</i>	56
<i>Поселение 13</i>	56
<i>Поселение 14</i>	56
<i>Поселение 17</i>	56
<i>Поселение 15</i>	57
<i>Поселение 16</i>	57
Выводы	57
Предварительные замечания относительно системы расселения и землепользования.....	57
О культурной и этнической принадлежности земледельческого населения Тарханкута.....	59
Каменные ящики западного и восточного Крыма.....	59
Перспективы дальнейших исследований на Тарханкуте.....	66

Приложения

Указатель новых и старых наименований населенных пунктов Черноморского района (по сельсоветам)	67
Алфавитный указатель населенных пунктов Черноморского района, исключенных из учетных данных	67
Summary	69
Список использованных источников	
Архивные документы	82
Картографический материал	82
Литература	83
Иллюстрации	87

Contents

Introduction	4
Natural conditions of Tarkhankut	5
Geology of Tarkhankut	8
Natural resources	9
Hydrogeological conditions	10
Soils	12
Flora and Fauna of Tarkhankut	13
Maps as a source for studying archaeological sites on Tarkhankut	13
Results of archaeological survey on Tarkhankut	16
The history of studies of the inland regions of Tarkhankut	16
Dzharylgach project (2007 – 2008)	18
About the surveys in 2007 in the Dzharylgach area	19
Methods	20
Maps	20
Space photographs	21
Aerial photographs	21
Magnetic survey	21
Visual observation	22
Selective archaeological excavations	22
Landscapical criteria for identification of archaeological objects	22
Settlements	22
<i>Geomorphological signs</i>	22
<i>Hydrogeological conditions</i>	23
<i>Vegetation</i>	23
<i>Soil conditions</i>	23
<i>Architectural remains</i>	23
Barrows	24
Catalogue of the sites revealed	25
South-Western area	25
<i>Settlement 1</i>	26
<i>Settlement 2</i>	27

<i>Group of barrows to the north-west of Settlement 2</i>	27
<i>Settlement 3</i>	27
<i>Group of barrows near Settlement 3</i>	28
<i>Settlement 115</i>	28
<i>Barrows on the plateau to the north of Settlements 2 and 115</i>	29
<i>Settlement 102</i>	30
<i>Settlement Oirat 2</i>	30
<i>Settlement 8</i>	30
<i>Settlement and group of barrows 104</i>	31
<i>Settlement and group of barrows 101</i>	31
<i>Structures on the way from Settlement 101 to Settlement 106</i>	31
<i>Settlement and group of barrows 106</i>	32
<i>Settlement and group of barrows 107</i>	32
<i>Settlement and group of barrows 105</i>	34
<i>Settlement and group of barrows 108</i>	34
<i>Settlement 112</i>	35
<i>Settlement 111</i>	36
<i>Settlement 78</i>	36
<i>Settlement 110</i>	36
<i>Settlement 109 and barrows</i>	37
<i>Settlement 76</i>	37
<i>Settlement 77</i>	37
<i>Settlements 4, 75, 74</i>	37
<i>Settlement 4 and barrows</i>	37
<i>Settlement 75 and barrows</i>	37
<i>Settlement 74 and barrows</i>	37
<i>Settlement 73 and barrows</i>	38
<i>Settlement 72</i>	38
<i>Settlement 71</i>	38
<i>Settlement 70</i>	38
<i>Noth-Western area</i>	39
<i>Archaeological sites in Ocheretai bay</i>	39
<i>Settlement Dzhangul (№ 68)</i>	40
<i>Settlement 64</i>	41
<i>Settlement 65</i>	41
<i>Settlement 29 br.</i>	41
<i>Settlement 62</i>	41
<i>Settlement 61</i>	42
<i>Settlement 58</i>	42
<i>Settlement 57</i>	42
<i>Settlement 57 br.</i>	42
<i>Settlement 59</i>	42
<i>Settlement 60</i>	43
<i>Settlement 56</i>	43
<i>Settlement 55</i>	43
<i>Settlement 54</i>	43
<i>Settlement 63</i>	43
<i>Settlement 40</i>	44
<i>Settlement 39</i>	44
<i>Settlement 38a</i>	44
<i>Settlement 38</i>	44
<i>Settlement 37</i>	44

<i>Settlement 29</i>	44
<i>Settlement 25 and 26</i>	44
<i>Settlement 28 and barrows</i>	44
<i>Settlements 34 u 35</i>	45
<i>Settlement 27</i>	45
<i>Settlement 31</i>	45
<i>Settlement 32</i>	46
<i>Settlement 30</i>	46
<i>Settlement 24</i>	46
<i>Settlement 23</i>	46
<i>Settlement 33</i>	46
<i>Settlement 21</i>	47
<i>Settlement 22</i>	47
<i>Settlement 167 br.</i>	47
<i>Settlement 79</i>	47
<i>Settlement 80</i>	47
<i>Settlement 81</i>	47
<i>Settlement 82</i>	48
<i>Settlement 83</i>	48
Central area.....	49
<i>Settlement Kunan (86)</i>	49
<i>Settlement 87 br.</i>	50
<i>Settlement 42</i>	50
<i>Settlement 43</i>	50
<i>Settlement 44</i>	50
<i>Settlement 45</i>	50
<i>Settlement 46</i>	50
<i>Settlement 47</i>	51
<i>Settlement 48</i>	51
<i>Settlement 49</i>	51
<i>Settlement 41</i>	51
<i>Settlement 51</i>	51
<i>Settlement 50</i>	52
<i>Settlement 52 br.</i>	52
<i>Settlement 20</i>	52
<i>Settlement 84</i>	52
<i>Settlement 87 br.</i>	53
<i>Settlement 18 br.</i>	53
<i>Settlement 19</i>	53
<i>Group of barrows 953</i>	53
Southern area.....	54
<i>Settlement 119</i>	54
<i>Settlement 103</i>	54
<i>Settlement 672 br.</i>	54
<i>Settlement 11</i>	55
<i>Settlement 7</i>	55
<i>Settlement 10</i>	55
<i>Settlement 6</i>	55
<i>Settlement 9</i>	55
<i>Settlement 5</i>	55
<i>Settlement 12</i>	56
<i>Settlement 13</i>	56

<i>Settlement 14</i>	56
<i>Settlement 17</i>	56
<i>Settlement 15</i>	57
<i>Settlement 16</i>	57
Conclusions	57
Preliminary notions on the settlement system and land-use	57
About cultural and ethnic affiliations of the agricultural population of Tarkhankut	59
Stone cists of Western and Eastern Crimea	59
The Prospects for Further Studies in Tarkhankut	66
Supplement	
New and old names of villages on Tarkhankut	67
Summary	69
References	
Archival documents	82
Maps	82
Publications	83
Illustrations	87

Научное издание

**Смекалова
Татьяна Николаевна,**
д. и. н., профессор университета г. Орхус, Дания,
зав. лаб. факультета Санкт-Петербургского государственного университета

**Материалы
к археологической карте Крыма
Выпуск II**

**Памятники эпохи бронзы и раннего железного века
на полуострове Тарханкут:
Каталог**

Корректор С. И. Власова
Оригинал-макет Б. Т. Прокопенко

Подписано в печать 22.01.2010 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Times. Объем 28,4 уч. изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ №17.

Отпечатано в ЧП «Предприятие Феникс»
96500, г. Саки, ул. Тимирязева, 30.